Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

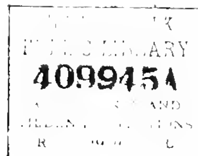
БОЛЬШЕВИК

№ 15 ЯНВАРЯ 1

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № А–6018

Тираж 75.000.

Типография „Красный Маяк“, изд-ва „Правда“ и „Беднота“. Москва, Тверская, 48.

С новыми силами.

Бывали в истории такие моменты, когда революционно-пролетарская партия, представляющая исторические интересы рабочего класса, приходила в своей борьбе в противоречие с настроениями, устремлениями и предрассудками рабочих масс, захлестываемых порою мелкобуржуазными влияниями. В такие исторические минуты пролетарская партия, вооруженная марксизмом, во имя социализма, во имя интересов рабочего класса, как могильщика капиталистического строя и творца социализма, вела с этими настроениями и предрассудками самую энергичную борьбу, хотя, изыскивая методы и формы этой борьбы, партия никогда не забывала, что она борется против чуждого классового влияния на массы своего класса и проводила различие между оппортунистами и обманутыми массами (вспомните, хотя бы, борьбу с «экономизмом» или «добросовестным оборончеством»).

Борьба с подобного рода предрассудками и настроениями, отражающими влияние мелкой буржуазии, ведется нашей партией и теперь, ежедневно и всюду, где существуют партийные организации и рабочие массы, где в среде последних еще имеются настроения и предрассудки мелкобуржуазного характера.

Но, учитывая живучесть некоторых иноклассовых предрассудков и настроений в пролетариате, наша партия никогда не забывала о том, что только в теснейшей связи со своим классом, только в расширении и укреплении связей с рабочими массами заключается гарантия успешного разрешения партией стоящих перед нею исторических задач. Партия превратилась бы в секту, если бы она не жила не только историческими интересами рабочего класса, но и его интересами на каждом данном этапе развития, которые, конечно, должны подчиняться его историческим интересам. Рабочий класс неразрывно снабжал партию лучшими представителями своей социальной «породы», лучшими и энергичнейшими бойцами за дело социализма. Рабочий класс питал и питает партию новыми проблемами, дает ей непрерывно материал для выработки новых форм борьбы и даже, в известном смысле, «контролирует» верность классовой линии партии, «проверяя» эту линию в практике своего движения.

Особенно верно это для эпохи диктатуры пролетариата, когда рабочий класс становится господствующим классом и когда создаются условия для культурно-политического роста рабочих масс. Руководя рабочим классом, непрерывно воздействуя на него, ленинская партия внимательнейшим образом

присматривается к тем процессам, которые происходят в рабочем классе, и к реакциям его на различные мероприятия, инициатором которых выступает партия. В этой области партия руководствуется теми указаниями, которые были даны Лениным, говорившим о необходимости «контроля» партии со стороны широких беспартийных рабочих масс. Только при таких условиях может крепнуть и крепнет влияние партии на пролетариат; только так можно успевать в области массовой работы среди пролетариата, только выполняя это, партия может рассчитывать на постоянные и значительные пополнения своих рядов за счет новых и новых отрядов рабочего класса. В организационном отчете ЦК на XV с'езде партии, было приведено несколько показательных данных, которые свидетельствуют об успешном выполнении партией этих условий.

За два последних года профсоюзы выросли на 30%, так что теперь общее количество членов профсоюзов доходит до 10 миллионов.

Повышается посещаемость общих рабочих собраний; растет внимание рабочих к производственным совещаниям и активность рабочих на этих совещаниях; число участников производственных совещаний, по свидетельству докладчика тов. Коссиора, выросло за 2 года среди московских металлистов на 40%, по 10 трестам Москвы—на 20%, по Ленинграду—на 35%, по Нижнему—на 64% и т. д.; увеличение процента осуществленных решений производственных совещаний имеет место в Ленинграде с 40 до 60%, в Москве—с 53 до 63% и т. д. Нет никакого сомнения в том, что оживление активности рабочих масс в советском строительстве имеет своей оборотной стороной повышение их политической сознательности и усиление тяги к партии.

Как ни вредила партии оппозиция в массовой работе, как ни пыталась она восстановить рабочие массы против партии,—она не смогла, в сколько-нибудь значительной мере, задержать рост симпатий пролетариата к партии.

Рабочие массы как бы ответили на фактический выход нескольких сот оппозиционеров из партии заявлениями более чем ста тысяч рабочих о приеме их в ряды ВКП(б). Значения этого факта нельзя недооценить. Он подводит известный баланс работе партии среди пролетарских масс.

Партийные организации должны отнестись к этому факту с исключительным вниманием.

Само собою разумеется, что партия не должна сейчас принять в свои ряды всех, подавших заявления, так как для того, чтобы быть членом партии мало одного заявления, даже когда речь идет о пролетарии. Партийные ячейки будут тщательно обсуждать каждую кандидатуру, ибо положение Ленина, выдвинутое им против меньшевиков еще на II с'езде партии: «всякий член партии ответствен за партию и партия ответственна за всякого члена»—остается целиком верным и для настоящего времени.

С другой стороны, после принятия этих новых отрядов рабочих в партию последняя примет все меры к тому, чтобы эти новые силы были целесообразно использованы.

Нет члена партии, не выполняющего партийной работы,—таков должен

быть лозунг каждой партийной ячейки. При этом речь идет, конечно, не о чисто-формальном выполнении этого вопроса, а о выполнении его по существу. Выполнение же его по существу предполагает оживление инициативы всей массы членов ячейки, активнейшим образом решающей вопросы распределения членов организации на различные виды партийной работы и контролирующей эту работу.

Партийные организации должны прививать новым членам партии стремление к устранению всех недостатков партийной работы, к систематической деловой самокритике.

Непосредственно перед с'ездом, и особенно на самом XV с'езде, этот призыв к усилению и культивированию самокритики в рядах партии звучал достаточно часто, веско и горячо. Надо добиться того, чтобы вся наша работа более решительно, чем до сих пор, пронизывалась самокритикой. Конечно, самокритика есть нечто принципиально отличное от фракционной «критики», образцы которой явили недавно оппозиционные дезертиры, отошедшие к меньшевизму. Наша партийная самокритика есть именно самокритика, т.-е. критика наших ошибок с точки зрения большевизма. Такая критика будет укреплять позиции диктатуры пролетариата и усиливать авторитет нашей партии, в противоположность фракционной «критике», об'ективный смысл которой заключается в расшатывании партийной дисциплины, в попытках дискредитирования партии и диктатуры пролетариата, а суб'ективная логика развития которой заключается в постепенном скатывании на рельсы чуждой большевизму меньшевистской «критики», «критики» со стороны, с враждебной пролетарской диктатуре стороны.

Новые члены партии должны возможно серьезнее и глубже осмыслить эту принципиальную разницу между большевистской самокритикой и неоменьшевистской «критикой»; партийные организации непременно постараются в ближайшее же время помочь новым партийцам ознакомиться с историей внутрипартийной борьбы вообще, в эпоху диктатуры пролетариата в особенности, с характером уклонистских идеологий и теми путями, которые приводят оппозиционных фракционеров к неоменьшевизму. Самокритика обязательно должна помножаться на большевистскую дисциплину. Продумать устав партии и обязательства, налагаемые вхождением в партию, воспитать в себе дисциплинированного члена партии—этому обязаны помочь, в первую очередь, новым партийцам наши организации.

С другой стороны, необходимо налечь на повышение культурно-политического уровня всей массы членов партии и новых членов партии, особенно нуждающихся в этом, в частности.

Рост партии за счет рабочих должен сопровождаться повышением культурно-политического уровня члена партии.

В резолюции XV с'езда по отчету ЦК дана на этот счет следующая директива:

> «Констатируя количественный и качественный рост нашей партии со времени XIV с'езда, всецело одобряя политику Центрального Комитета по регулированию социального состава партии и отмечая успех «октябрьского призыва» рабочих в партию, в связи с десятилетием

советской власти, XV с'езд ВКП(б) заявляет, что направляющая роль ВКП(б), как основного рычага диктатуры, может быть сохранена, обеспечена и усилена лишь на основе ленинской сплоченности и пролетарской дисциплины рядов партии, при непрерывном повышении идейно-теоретического и культурного уровня ее членов, последовательном проведении внутрипартийной демократии и систематическом улучшении социального состава партии путем постоянной вербовки в партию рабочих и работниц с производства».

Партия растет и качественно и количественно, она пойдет вперед с новыми силами и, несомненно, преодолеет трудности, встающие на ее пути.

Б. Б—ин.

Международное экономическое положение.

1. Мировая хозяйственная кон'юнктура.

По всей видимости, 1927 г. открывает новую интереснейшую главу в послевоенном экономическом и политическом развитии капитализма. Мы отвлекаемся от такого «маленького» факта, как китайская революция, пока потерпевшая поражение, но по своим об'ективным конечным результатам несущая величайшую угрозу капитализму. Ее мы оставляем в стороне. Если взять только «нормальные» показатели кривой мировой экономической и политической кон'юнктуры, главным образом европейской кон'юнктуры, за 1927 г., то мы найдем сумму интереснейших, важнейших новых фактов, дающих нам возможность с гораздо большей рельефностью, чем до сих пор, представить перспективы на ближайшие годы эпохи так наз. послевоенной стабилизации капитализма. На основе признания этих фактов разворачиваются перспективы, но отнюдь не пессимистические и для коммунистического революционного движения в Европе. Наоборот, конкретная картина послевоенного под'ема кривой кон'юнктуры европейского хозяйства представляется в достаточной мере благоприятным фоном для развертывания классовых боев между пролетариатом и буржуазией. Коммунистические партии только должны не покладая рук работать над выработкой правильной революционной массовой тактики. Ибо величайшей ошибкой было бы думать, что даже при благоприятных условиях успехи коммунизма продолжительное время могут приходить «сами собой». Но зато при правильной тактике, противопоставляющей отчетливо и умно коммунизм социал-демократизму и ультра-левому сектантскому ренегатству, успехи безусловно обеспечены.

Дальнейший рост стабилизационных процессов в мировой экономике — это совершенно бесспорный факт.

Мировое производство и мировой товарооборот перешагнули уже довоенный уровень в 1925 г. Если довоенные размеры производства и внешней торговли в 1913 г. принять за 100, то рост в среднем всего производства и торговли к 1925 г. выразится в следующих цифрах:

Производство и внешняя торговля во всем мире в 1925 г.[1]).

Производство	118
Ввоз	105
Вывоз	104
Вся торговля	105

[1]) Данные за 1925 г. так же, как нижепомещенные данные за 1926 г., взяты из предстоящей к опубликованию работы Дрезденского банка (Dresdner Bank) «Die wirtschaftliche Kräfte der Welt», часть которой опубликована в «Berliner Börsen Zeitung» за 12/XI—27 г.

Таблица показывает, что производство и внешняя торговля в 1925 г. превысили по своим размерам данные 1913 г. С другой стороны, таблица бросает яркий свет на одну из основных «ненормальностей» в послевоенном экономическом развитии, заключающуюся в несоответствии между размерами производства и емкостью мирового рынка. В то время как мировое производство по сравнению с 1913 г. выросло на целых 18%, внешняя торговля показывает увеличение только на 5%. Нужно иметь в виду при этом, что это «несоответствие» в действительности еще больше, так как размеры производства, само собой разумеется, не совпадают с размерами производственного аппарата, который, как известно, в большей части, оставался к 1925 г., как и сейчас остается, неиспользованным. Но, конечно, основной вышесделанный вывод о росте производства и торговли в послевоенные годы и о превышении довоенного уровня, несмотря на это «несоответствие», остается в полной силе.

Картина роста стабилизационных процессов в мировой экономике в 1926 и 1927 гг. становится (несмотря на английскую стачку) еще более отчетливой. К сожалению, цифровой материал за 1926 г. еще недостаточно полон для такого же выведения средней производства, как в отношении 1925 года. Но данные по всем отдельным отраслям мирового производства показывают, что развитие идет по той же линии. Больше того, по ряду отраслей размеры довоенного производства оставлены в 1926 г. далеко позади. Если размеры производства в 1913 г. опять-таки принять за 100, то, напр., в нижеследующих отраслях производство в 1926 г. выразится:

Нефть	290
Электротехническое пр.	201
Автомобильн. (колич. имеющихся автомобилей)	1400
Алюминиевое производство	306
Производство меди	150
Производство искусственного шелка	852

Ниже довоенного уровня остались в 1926 г. только нижеследующие отрасли:

Производство угля	98
Судостроение	61
Производство чугуна	96
» шерсти	92

Кроме того, отдельные показатели сельскохозяйственного производства говорят об общем отставании сельского хозяйства от промышленности в «стабилизационном» процессе.

Рожь	96
Количество лошадей	95
» свиней	89
» овец	98

Не менее важным, пожалуй, еще более важным, чем рост производства, является продолжающийся рост размеров мирового товарооборота, размеров внешней торговли в течение 1926 и 1927 гг. Этот рост выражается в следующих цифрах:

Развитие внешней торговли главнейших 28 стран с 1/I—26 г. до 30/VI—27 г. [1]).

	1/I—1/VI 1926 г.	1/VII—1/XII 1926 г.	1/I—1/VI 1927 г.
В миллиардах марок	96,7	101,3	102,3
В миллиард. марок (в довоен. ценах)	66,2	69,4	73,3
В % к первой половине 1926 г. (в довоенных ценах)	100	105	111

[1]) Данные «Wirtschaft und Statistik» от 1/X—27 г.

Из таблицы видно, что рост мировой торговли по сравнению с первой половиной 1926 г. выразился в цифре в 11 проц. (если исходить из довоенных цен). В нынешних ценах он оказывается меньше и равен приблизительно только 5,8 проц. Такая разница в размерах прироста, получающаяся в зависимости от различия индексов цен — довоенного или нынешнего, — которые приняты в качестве измерителей, об'ясняется понижением цен на мировом рынке, происходившим за истекший период одновременно с ростом размеров торговли. Оптовый индекс Bureau of Labour показывает снижение на 5,2 проц. Что рост мировой торговли сопровождался таким явлением, как понижение цен, свидетельствует о трудностях, стоящих на пути развития мирового товарооборота в связи с обостреннейшей конкуренцией между отдельными странами. Но как ни велика конкуренция между странами, как ни сильна тенденция к «сбиванию» цен, рост мировой торговли, как видно из таблицы, неуклонно продолжался. Что означает подобный факт возрастания мирового товарооборота, само собой очевидно. Он означает усиление мировых хозяйственных связей, восстановление единства мирового хозяйства, движение вперед, хотя и ограниченное, по пути разрешения «проклятой» проблемы огромного несоответствия размеров мирового производства и емкости мирового рынка.

При оценке вышеприведенных цифр, важно, конечно, не только то, что из них явствует общая, суммарная тенденция к росту мирового производства и торговли. Особенно интересным представляется выяснить, какую роль играет в этой тенденции к росту всего мирового хозяйства европейская экономическая кон'юнктура. В этом отношении развитие последних двух лет тем и любопытно, что в цифрах, его выражающих, возрастающую роль играют европейские показатели. Это именно и является характерным в нынешнем процессе так назыв. стабилизации капитализма.

Нижеприведенная таблица [1]) иллюстрирует это улучшение «европейских дел». Она показывает, что прирост оборотов внешней торговли 21 европейской страны за 1926—27 г. значительно выше, нежели прирост 7 неевропейских.

Размеры торговли (ввоза и вывоза вместе).

	1/I—1/VI 1926 г.	1/VII—1/XII 1926 г.	1/I—1/VI 1927 г.
В миллиардах марок.			
Торговля 21 европейской страны	59,0	63,2	64,9
» 7 неевропейских стран	37,7	38,1	37,4
» 21 европейской страны	40,4	43,3	46,5
» 7 неевропейских стран	25,8	26,1	26,8
Прирост в % по сравнению с первой половиной 1926 г. (довоенные цены).			
Торговля 21 европейской страны	100	107	115
» 7 неевропейских стран	100	101	104

В то время как торговля неевропейских стран выросла за год только на 4 проц., европейская торговля поднялась на целых 15 проц. Конечно, немалую роль в этом улучшении «европейских дел» сыграло оживление в результате прекращения английской угольной стачки. Однако, не только оно. Если оживление английской кон'юнктуры было прямым последствием окончания английской стачки, то для таких стран, как Германия, Польша, самая английская стачка была только толчком к началу высокой промышленной кон'юнктуры, но не ее причиной. Наоборот, германская кон'юнктура пошла по настоящему «в гору» только в 1927 г.

Под'ем кривой промышленной кон'юнктуры в Германии требует особого к себе внимания.

[1]) Данные «Wirtschaft und Statistik» от 1/X—27 г.

Германия является страной, проигравшей империалистическую войну, страной, лишенной ряда своих территорий, колоний и основных источников сырья, платящей огромные репарации, страной, только недавно находившейся в состоянии острейшего экономического и политического кризиса. Она была и до сих пор является страной, судьба которой наиболее ярко, можно сказать «классически», выражает то «благодетельное» разрешение европейской проблемы Версалем, которое создало невыносимейшее экономическое и политическое положение в центральной Европе. Германский капитализм являлся и является своего рода «образцом» версальского политического «лекарства». И вот эта страна, послевоенная история которой к 1923 г. поставила ее перед угрозой пролетарской диктатуры, вступила теперь в полосу цветущей экономической кон'юнктуры, в полосу под'ема своего хозяйства.

Как могло это произойти? Не чудо ли это?

Нужно прямо сказать, что то, что произошло с германским хозяйством, для ряда товарищей оказалось совершенно неожиданным. Те товарищи, которые совершали пророчества насчет «абсолютной безвыходности» германской кон'юнктуры (это было еще не так давно), «абсолютной неосуществимости» плана Дауэса, — теперь это ясно, — ошибались. Германский капитализм оказался гораздо более жизнеспособным и эластичным, нежели это казалось. Та точка зрения, согласно которой попавший в отчаянное положение германский капитализм, как и весь мировой капитализм, должен «механически» «пойти на дно», опровергнута ходом развития германской кон'юнктуры, ходом стабилизации германского капитализма. Наоборот, этот же опыт германского капитализма подтвердил только ту единственно правильную точку зрения, что до тех пор, пока капитализм не сброшен пролетариатом в могилу, он не может не развивать имеющихся в нем сил самосохранения. Получив отсрочку в гибели от пролетариата, германский капитализм аккуратно проделывал все «обычные» и «необычные» для капитализма подготовительные мероприятия для выхода из кризиса. Так и смогла начаться «чудесная», в действительности совершенно лишенная всяких «чудес», высокая германская кон'юнктура.

Прелюдией к под'ему германского хозяйства послужила по всем правилам капиталистического и монополистического искусства проведенная рационализация. Та самая рационализация, которая была воспринята социал-демократическими апологетами капитализма как путь к общечеловеческому прогрессу и чуть ли не к «социалистическому блаженству», вокруг которой было поднято германской прессой всех оттенков столько шуму и трескотни,— в действительности была не чем иным, как «обыкновенным» капиталистическим рецептом выхода из кризиса, применявшимся капитализмом всегда и везде и отличавшимся только на этот раз действительно необыкновенною мучительностью этого «спасительного» средства для рабочих масс и не совсем обычной монополистической организованностью «суб'ектов» рационализационного процесса. На основе возросшей производительности и интенсивности труда рабочего, увеличенной его эксплоатации, решительного сокращения производства, на костях ряда обанкротившихся, не выдержавших экзамена рационализации предприятий, на основе технических и организационных улучшений в производстве, ставших возможными благодаря приливу кредитов из-за границы, и посредством великолепной организации германской тяжелой индустрии, возглавлявшей весь этот эксперимент,—таким отнюдь не чудесным путем выбралась германская буржуазия из хозяйственного кризиса, приспособилась к депрессионному состоянию мирового рынка, восстановила рентабельность своих предприятий и сделала возможным, на этой новой основе, расширение своего производства. Получилась оригинальная в своем роде «европейская картина»: побитая, порабощенная, дауэсированная Германия — в роли «ведущей» страны в развитии европейской экономической кон'юнктуры.

С осени прошлого года по настоящее время германское производство в среднем выросло не менее чем на 15 проц., сумма перевозок по железным дорогам увеличилась больше чем на 10 проц., количество безработных сократилось на 1½—2 миллиона. Эти цифры [1]) показывают, что мы имеем дело в Германии с типичной высокой кон'юнктурой.

Каковы виды на будущее этой германской кон'юнктуры?

Само собой разумеется, что всякие предсказания насчет срока кризиса уже потому нужно принимать с большой осторожностью, что, как опыт показывает, кризис всегда наступает более или менее неожиданно. Но это не лишает ни в какой мере большого значения, которое имеет все же выяснение главных тенденций и их силы, действующих на ближайшее будущее в направлении усиления или ослабления кон'юнктуры. С этой точки зрения огромный интерес имеет вопрос о судьбе германской кон'юнктуры.

С двумя главными трудностями имеет дело высокая германская кон'юнктура. Первая трудность заключается в недостатке капиталов.

Не лишним является в настоящее время вспомнить о том, что и до войны под'ем вверх кривой германской хозяйственной кон'юнктуры происходил в обстановке большой нужды в денежных капиталах и поэтому сопровождался относительным напряжением на денежном рынке и относительно высоким уровнем процента. Это и до войны было отличительной чертой высокой кон'юнктуры в Германии по сравнению с другими странами, в которых уже тогда наблюдался некоторый избыток денежно-ссудного капитала. Теперь эта диспропорция между потребностями и потенциями промышленного организма Германии, с одной стороны, и наличными денежными капиталами, с другой, выросла в неизмеримо большей степени. Проблема «нехватки капиталов» переплелась теснейшим образом с «экономическими» последствиями войны и инфляции для Германии, с репарационной проблемой и планом Дауэса и тем самым невероятно усложнилась. Практические затруднения, на которые натыкается течение германской кон'юнктуры в вопросе о капиталах, повышение учетного процента рейхсбанком, изолированные биржевые затруднения, — все это вызывает поэтому теперь огромное внимание, сейчас же увязывается в более общий вопрос о будущем германского хозяйства, плана Дауэса и пр. Так недавно повышение учетной ставки рейхсбанка до 8 проц. и обсуждение вопросов о государственном бюджете послужили достаточным поводом для того, чтобы в германских и иностранных газетах во всю ширину был снова поставлен вопрос о судьбе плана Дауэса и его кредиторов, о репарациях, и о германском хозяйстве вообще, и чтобы произошло вмешательство репарационного агента Гильберта. В связи с этим на некоторое время снова всплыл и вопрос об осуществимости плана Дауэса. Ряд экономистов — шведский экономист Густав Кассель в том числе — снова выступили с доказательствами невозможности проведения плана Дауэса в жизнь и с предложениями о его пересмотре. В связи с этим же находятся и некоторые пессимистические пророчества, касающиеся судьбы германской кон'юнктуры. Повышение учетного процента до 8 проц. было воспринято, напр., некоторыми экономистами даже как начало кризиса.

Мы здесь не хотим и не можем затрагивать всей проблемы недостатка капиталов и проблемы плана Дауэса. Это завело бы нас слишком далеко.

[1]) Цифры взяты из отчета Direction der Disconto—«Gesellschaft» от 15/XI—27 г.

Однако, на вопросе о том, насколько велика на ближайшее время опасность для германской кон'юнктуры, исходящая отсюда, остановиться является необходимым.

Нам представляется мало вероятным в ближайшее время, чтобы германская кон'юнктура отсюда именно получила «погибель свою». Как ни велика роль, которую играл прилив иностранных капиталов в под'еме германского хозяйства, не следует забывать, что под'ем германской кон'юнктуры базирован, конечно, не только на этом «волшебном» действии иностранных кредитов. Не в меньшей мере «оздоровление» хозяйства происходило на основе бешеной «внутренней», «домашней» рационализации. Под'ем германского хозяйства был бы действительно чудом или же... первым не менее чудесным историческим подтверждением буржуазных теорий, по которым «кредит создает кон'юнктуру», — если бы он произошел исключительно на дрожжах иностранных кредитов. Иностранные кредиты играли огромную вспомогательную роль. Это безусловно. Но под'ем германского хозяйства свидетельствует не только об этом, но об огромной жизнеспособности, крепости, высоком техническом уровне германского хозяйства. Ведь американский капитал потому и «полюбил» Германию больше всех других европейских стран, что, очевидно, германское хозяйство внушает гораздо больше доверия, нежели хозяйство других стран.

Цифры об иностранной задолженности германского хозяйства, которые эти дни снова фигурировали в газетных статьях и речах в Германии, также подтверждают вышесказанное. По данным des Statistschen Reichsamts, которые приводил германский министр хозяйства Curtius, Германия к концу октября 1927 г. имела долгосрочных иностранных кредитов на сумму в 3,95 мрд. марок, и краткосрочных кредитов на сумму в 3,6 мрд. марок. Если взять сумму долгосрочных кредитов, полученных только германским хозяйством, то мы будем иметь сумму только в 2 мрд. марок, что по сравнению с имуществом германской промышленности, оцененным в 34,2 мрд. м., вряд ли представляет цифру, непосредственно «угрожающую» дальнейшему ходу германской кон'юнктуры [1]). Еще менее «угрожающей» представляется цифра ежегодных платежей по краткосрочным кредитам, которая по тем же подсчетам Германского Статист. Управления равняется 460—470 млн. марок. «Frankfurter Zeitung» думает, что сумма ежегодных платежей процентов и погашений по кредитам представляет лишь около одной сотой доли всего народного дохода [2]).

Можно ли на основании всего этого считать, что зависимость германского хозяйства от иностранных кредитов и недостаток капиталов являются теми подводными камнями, которые *непосредственно* угрожают «началом конца» кон'юнктуры уже в ближайшем ее течении? Думается, что нет.

Конечно, резкое или внезапное прекращение притока иностранных кредитов могло бы вызвать ряд серьезных затруднений в германском хозяйстве, потому что оно одновременно ударило бы другим концом по германскому бюджету и германской валюте. Но этого можно ожидать только в двух случаях: во-первых, в случае непосредственной угрозы срыва всей системы дауэсовского плана, чего пока еще, несмотря на ряд тревог в связи с меморандумом Гильберта, нет (но что, по всей видимости, в свое время наступит, и это может произойти так же вследствие слабости, неспособности вынести тяжесть дауэсовского плана, как и в результате усиления, укрепления Германии), и, во-вторых, в случае появления явно кризисных моментов, больших затруднений, выросших из самого развития *производственной и рыночной* кон'юнктуры, чего пока еще тоже нет.

[1]) См речь Curtius'a. «Berliner Börsen Zeitung» от 27/X—27 г., в вышедшей сейчас тетради Берл. Кон. Института капитал герм. пром. оценивается в 30 мрд. марок.

[2]) «Frankfurter Zeitung». № 307. Das Konjunkturbild.

Но вопрос о перспективах германской кон'юнктуры в связи с проблемой рынков требует, конечно, своего специального рассмотрения. Трудности для германского хозяйства, идущие с этой стороны, составляют вторую и наибольшую, основную опасность.

До настоящего времени высокая кон'юнктура в Германии зиждется в основном на внутреннем германском рынке. То обстоятельство, что начало под'ема и пока неприостанавливающееся его развитие основаны на росте внутреннего спроса, выросшего как в результате происходящих процессов технической реконструкции производства, так и вследствие увеличения общей покупательной силы населения, прежде всего в виду вовлечения в производство прежней безработной армии труда, само по себе это обстоятельство, конечно, не говорит против прочности и продолжительности под'ема. Сам по себе подобный рост внутреннего спроса говорит о безусловной «обоснованности» под'ема. Переоборудование основного капитала всегда было материальной основой начинающегося под'ема. Нужно думать, что это увеличение внутреннего рынка в стране еще не исчерпано и еще определенное время сможет служить основанием для хорошей кон'юнктуры.

Однако, одного только внутреннего спроса германской промышленности «хватит» только до поры до времени. Очевидно, что настоящего и большого взмаха вверх германская кон'юнктура проделать на базе только одного внутреннего спроса не сумеет. Проблема внешних рынков для Германии особенно остро стоит вследствие того, что в результате империалистической войны, версальского мира Германия оказалась «оттесненной» с внешних рынков своими конкурентами, действовавшими при этом и экономическими, и «силовыми» орудиями. Экспорт нужен Германии и для возможности совершения огромных репарационных платежей за границу.

Нельзя сказать, чтобы с вопросом об экспорте, с его перспективами дело Германии обстояло абсолютно безнадежно, чтобы не было никаких возможностей дальнейшего развития. Если раньше положение с экспортом было действительно катастрофично, то теперь так сказать уже нельзя. Нельзя отрицать некоторых успехов, которые Германия в этом направлении сделала, несмотря на то, что общие размеры экспорта все еще не менее чем на 25 проц. стоят ниже довоенных. Среднемесячный экспорт Германии в 1926 г. стоит уже выше, нежели в 1925 г. Экспорт в 1927 г., несмотря на то, что высокая кон'юнктура на внутреннем рынке и высокие цены были моментами, благоприятствовавшими усилению вывоза товаров, все-таки имеет также тенденцию к росту, что особенно показывают последние месяцы. Нижеследующие цифры это иллюстрируют:

Среднемесячная величина герм. товарного экспорта.

В милл. марок.

В 1925 г.	744 м. м.
» 1926 г.	833 » »

Движение экспорта в 1927 г. [1]).

В милл. марок.

Янв.	Февр.	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сент.	Окт.
799	756	842	797	834	748	847	869	933	961

Движение экспорта фабрикатов в 1927 г.

Янв.	Февр.	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сент.	Окт.
563	541	600	597	622	559	634	629	693	718

Эти цифры не свидетельствуют о блестящем развитии германского экспорта, но они указывают на безусловную тенденцию к росту экспорта,

[1]) «Frankfurter Zeitung» от 29/X. Цифры за октябрь взяты из опубликованных в эти дни данных о внешней торговле Германии за октябрь.

и особенно экспорта готовых товаров. Цифры вывоза готовых товаров за сентябрь и октябрь являются рекордными цифрами вывоза за весь послевоенный период. И не без основания можно ожидать дальнейшего увеличения экспорта Германии в ближайшее время. Постепенно достижение пределов емкости внутреннего рынка будет побуждать германских капиталистов к большему экспорту своих товаров за границу, а происходящее вследствие роста производства понижение себестоимости продукта будет увеличивать конкурентоспособность Германии, и так не малую, на заграничных рынках.

Германия уже сейчас вывозит в некоторые страны, главным образом в заокеанские страны, больше, нежели до войны. Так, например, вывоз в следующие страны в 1926 и 1927 гг. значительно выше, чем в 1913 г.

Вывоз в миллионах марок

	1913 г.	1926 г.	I квартал 1927 г.
Британская Индия	150,7	245	65
Япония	124	237	44
Китай	130	157	31
Нидерландская Индия	98,7	138	36,2

Зато очень резко упал вывоз в европейские государства, особенно в такие страны, как Англия, Франция, Польша, Россия. И это падение, конечно, с избытком перевешивает вышеуказанный рост. Доля Европы вообще в торговле Германии упала с 75,1 проц. в 1913 г. до 70,5 проц. в 1926 г. Это и является главной «дырой» в торговом балансе Германии.

Сумеет ли Германия эту дыру ликвидировать? Сумеет ли она безболезненно найти для себя соответствующую требованиям, «справедливо» пред'являемым его хозяйством, «квоту» внешних рынков в мировом хозяйстве?

Вышеизложенное показывает, что абсолютно безнадежным положение Германии в этом отношении назвать нельзя. Германия имеет шансы, возможности к развитию в этом направлении. Поскольку вопрос касается непосредственно перспектив развития начавшейся высокой германской кон'юнктуры, нужно, конечно, также сказать, что ряд шансов для дальнейшего развития германская высокая кон'юнктура имеет. Этого отрицать нельзя. Поэтому мы считаем неправильным мнение, согласно которому германское хозяйство *обязательно* натолкнется на кризис в 1928 году. Это *может и не* произойти.

Выше мы остановились очень подробно на германской кон'юнктуре, потому что факт ее под'ема имеет безусловно огромное влияние на экономическое положение Европы вообще. В этом отношении роль Германии в настоящее время напоминает роль С.-А. С. Ш. в заокеанских странах или во всем мировом хозяйстве. Так же, как С.-А. С. Ш., Германия сейчас «тянет» за собой вверх, подталкивает на волну под'ема остальные европейские страны (и это, несмотря на то, что она экономически и политически закабалена!). Германская высокая кон'юнктура действует оживляюще на ряд других зависящих от нее стран. Германская кон'юнктура находится в безусловной связи с оживлением кон'юнктуры в Польше, Австрии, Чехо-Словакии, Швейцарии. В частности, в Польше мы имеем сейчас огромный взмах вверх ряда основных хозяйственных отраслей, что показывают следующие цифры:

Рост производства в 1000 т. [1]).

	I половина 1926 г.	2 половина 1926 г.	I половина 1927 г.
Каменный уголь	2327	3628	3088
Чугун	243	303	457
Сталь	506	819	1001
Цинк	99	107	120

[1]) Данные Главн. Статист. Управления Польши, опубликованные в «Глос Правды» № 173.

На связь, которая существует между оживлением кон'юнктуры в Германии и в других странах, указывают и те опасения, которые раздаются в ряде этих «зависящих» от германских дел стран в последнее время в виду затруднений на германском денежном рынке. Так, австрийский кон'юнктурный институт в последнем обзоре совершенно определенно ставит в зависимость шансы развития австрийского хозяйства от положения дел в Германии и весьма опасается по поводу голосов о неблагополучии в германской кон'юнктуре.

Но если, с одной стороны, хорошая германская кон'юнктура действует оживляюще на хозяйства некоторых других стран, то, с другой стороны, неблагоприятная экономическая кон'юнктура, которая сейчас имеется налицо в ряде крупных европейских стран (Англия, Франция, Италия, Бельгия), в свою очередь действует неблагоприятно на развитие германской кон'юнктуры. Депрессионное состояние рынка в этих странах, конечно, в высшей степени затрудняет рост экспорта из Германии. Насколько важное место занимают эти страны, как вообще Европа, в германском экспорте, выше было отмечено.

Депрессионное состояние хозяйства в ряде крупных европейских стран служит огромным препятствием на пути развития германской кон'юнктуры. Судьба последней в большой части зависит от того, как скоро эти страны сумеют преодолеть депрессию.

Таким образом, вопрос о германской кон'юнктуре, ее ближайших перспективах упирается в конечном счете в вопрос о возможности создания всеобщей европейской и мировой высокой кон'юнктуры. Германский капитализм, если подходить с точки зрения его собственных потенций, проявляет «готовность» вступить в такую всеобщую кон'юнктуру, готовность, базирующуюся на ряде технических и экономических успехов, в области рационализации в первую очередь. Он имеет шансы на некоторые успехи и в предстоящей конкурентной борьбе. Но «готовы» ли другие европейские страны в такой же мере, как Германия? И сумеют ли они в ближайшее время *все одновременно* добиться не только «санкции» со стороны мирового хозяйства имеющихся достижений их «национальных хозяйств», но и признания «справедливости» основных их тенденций к экспансии?

Здесь-то мы и подходим к центральной проблеме для современного капитализма и одновременно к вопросу о главных трудностях, которые капиталистическому мировому хозяйству нужно преодолеть для того, чтобы создать более или менее устойчивое равновесие, являющееся предпосылкой для действительно всеобщего экономического под'ема.

А. Леонтьев.

Хозяйственные перспективы СССР в кривом зеркале.

(Вопросы темпа; национальный доход и размеры накопления).

Перспективы хозяйственного развития СССР привлекают всеобщее внимание как друзей, так и недругов нашего социалистического строительства. Закончился восстановительный период. Залечены раны, нанесенные народному хозяйству Советского Союза годами империалистической и гражданской войны. Мы вступили в период реконструкции, перестройки всего хозяйственного организма на новых началах. Вполне понятно огромное принципиальное значение, которое будет иметь каждая удача или неудача на этом пути. Ведь в Советском Союзе протекает первый во всемирной истории опыт планомерного построения хозяйственной жизни на новых, социалистических началах.

Социализм приходится строить. А чтобы строить—нужен план постройки. Необходим план хозяйственного строительства на более или менее долгий срок. Разработка такого плана является поэтому одной из первых задач нового периода—периода реконструктивного строительства.

Как известно, в этой области имеются уже некоторые достижения. Две вехи имеют здесь особое значение. Весной этого года были опубликованы материалы к пятилетнему перспективному плану развития народного хозяйства, разработанные Госпланом. Далее, вопрос о пятилетке подвергся обсуждению на XV партс'езде, который в своей резолюции утвердил определенные директивы для дальнейшей работы над пятилетним планом развития народного хозяйства СССР.

Опубликованием материалов к пятилетке Госплан предполагал открыть широкое обсуждение проблем, связанных с перспективами нашего хозяйственного развития. «Проектом настоящей пятилетки,—писал в своей вводной статье тов. Г. М. Кржижановский,—мы лишь открываем дискуссию по важнейшим хозяйственным вопросам, и лишь в этом смысле должна трактоваться приложимость этой пятилетки и всего арсенала ее средств к действительной хозяйственной практике» (разряд. тов. Кржижановского). Приходится с сожалением констатировать, что дискуссия в печати по этим важнейшим вопросам развернулась далеко не достаточно [1]). Быть может, некоторая доля вины в этом отношении ложится на самих составителей пятилетки. Дело в том, что принципиальному освещению ряда важнейших вопросов в материалах по пятилетке сплошь и рядом

[1]) Из выступлений деловой партийной критики можно упомянуть коллективную статью т. П. Александрова и др. в одном из летних номеров «Большевика».

уделено значительно меньше места, чем следовало бы. Зато очень много места занято цифровыми расчетами. Между тем, совершенно справедливо подчеркивает тов. Кржижановский в своей вводной статье «всю относительную значимость наших цифровых иллюстраций». Нет сомнения, целый ряд принципиальных моментов разработан в пятилетке явно не достаточно. По этой линии могла бы развернуться чрезвычайно плодотворная дискуссия. Директивная резолюция, принятая XV с'ездом партии, представляет собой именно в этом отношении огромный шаг вперед по сравнению с материалами Госплана. Она дает отчетливую постановку главнейших проблем. Как известно, ЦК отказался от мысли предложить с'езду утвердить какой-либо точный количественный вариант пятилетки. Возможность проявления force majeure как вне страны—в виде новых международных осложнений, так и внутри—в виде неурожая,—вот причины, по которым было бы нецелесообразно включать в решения с'езда какое-либо точное количественное выражение пятилетнего плана. Но тем большее значение имеет в таком случае определение качественных линий экономической политики.

Опубликование пятилетки Госплана послужило зато поводом для выступления целого ряда экономистов, представляющих в различной степени и в различных оттенках идеологию враждебных нам групп и классов. Когда знакомишься с выступлениями этой плеяды специалистов, профессоров и ученых, лишний раз убеждаешься, насколько справедливы слова тов. Бухарина, сказанные им около 2 лет назад. «Мы должны видеть, как оформляются и как растут у нас различные буржуазные веяния. Мы знаем, что никогда никакая идеология не рождается готовой сверху донизу. «Идеологии» нарастают постепенно: кусочек тут подвернется, кусочек—там... Еще несколько кусочков—и стопроцентная буржуазная идеология готова... Постепенно, не сразу, а по кусочкам, все набираются, постепенно формулируются, складываются и получают закругленную формулировку враждебные нам идеологии». В дальнейшем мы увидим, как в полемике буржуазных экономистов-специалистов вокруг госплановской пятилетки «по кусочкам» набирается «стопроцентная буржуазная идеология». И совершенно прав тов. Бухарин, когда он указывает: «Тут нужно чуткое партийное ухо, которое бы все составные части этого процесса своевременно улавливало» [1]). К сожалению, далеко не всегда и не везде происходит это своевременное улавливание отдельных частичек формулирующейся буржуазной идеологии.

Полемика буржуазной профессуры вокруг госплановской пятилетки дает чрезвычайно пестрый и многосторонний подбор отдельных «кусочков», которые в своей совокупности представляют собою вполне завершенную буржуазную программу хозяйственного развития нашей страны. Трудность анализа и критики этой программы не исчерпывается тем, что различные авторы представляют лишь отдельные ее «кусочки». К этому обстоятельству присоединяется еще тот немаловажный факт, что свои произведения буржуазные экономисты вынуждены печатать в стране, где существует пролетарская диктатура. Более того: многие из этих произведений, по злой иронии судьбы, представляют собой работы, выполняемые нашими «специалистами» по заданиям того или иного ведомства, того или иного советского учреждения. Совершенно естественен поэтому полуэзоповский язык.

Стоит предварительно отметить еще одно обстоятельство. Многие из наших противников предпочитают свою критику основной линии проводимой советской властью экономической политики облечь в более безопасную для них форму арифметической критики цифровых расчетов и подсчетов пятилетки. Здесь раскрываются бесчисленные «ошибки», «противоречия», «не-

[1]) Из речи тов. Бухарина на 24-й ленинградской губпартконференции

увязки и т. п. В виде общего правила, все эти «ошибки» и «неувязки» представляют собою плод некоторой ловкости рук критиков. Достаточно в изложении пятилетки опустить какое-либо условие, коим оговорено значение того или иного статистического коэффициента, достаточно подменить характеристику одной из бесчисленных цифр (например, взять червонные рубли вместо довоенных, цены производителей вместо розничных цен, пересчитать по тотальному индексу вместо частичного и т. д., и т. п.),—и в пятилетке Госплана открыта очередная «неувязка». Составителям пятилетки не составляет обычно никакого труда раскрыть истинное происхождение подобных «открытий»[1]). Поэтому мы с самого начала отказываемся от удовольствия разбирать большую часть статистических манипуляций наших противников. Причины этого отказа довольно ясны. Прежде всего, как раз в этой области ими не сказано ничего существенно нового по сравнению с упражнениями Кондратьева, разобранными тов. Струмилиным. Далее, уже сейчас, через несколько месяцев, огромная часть этой цифровой критики должна быть признана устаревшей. Как известно, работа над пятилетним планом не стоит на месте. В процессе дальнейшей разработки, уточнения и переделок значительная часть тех статистических величин, которые подверглись обстрелу критиков, оказались замененными другими величинами. Наконец, в настоящей статье мы преследуем вполне определенную цель: показать читателю, как складывается из отдельных элементов буржуазная программа экономической политики. С этой точки зрения не всякая статистическая критика представляет интерес. Следует в этом отношении различать три разнородных момента. Полемика вокруг абсолютных значений тех или иных статистических показателей наименее любопытна. В процессе дальнейшего уточнения и переработки абсолютные числа меняются и еще будут меняться не раз. Не больше интереса представляет собой критика моментов «балансовой увязки». Как общее правило, она построена на сплошных недоразумениях или нарочитых передержках. Наконец, мыслимо третье направление в критике цифровых данных пятилетки, а именно—критика основных линий связи и взаимоотношений между показателями, характеризующими отдельные процессы хозяйственного развития. Имению здесь, в этой последней области находят свое выражение основные линии той или иной системы экономической политики. Именно в этой области сталкиваются лбами система экономической политики пролетариата и программа чаяний буржуазных слоев и групп деревни и города.

Критики пятилетки обычно начинают свой обстрел основной линии экономической политики с вопросов темпа народнохозяйственного развития. Темп, намечаемый пятилетним планом, представляется им чуть ли не фантастическим, совершенно непосильным, преувеличенным, нереальным и невыполнимым. Единственным исключением в этом отношении из числа авторов, выступивших в печати, является профессор Кацененбаум. По его мнению, пятилетний план «исходит из очень скромного под'ема народного хозяйства». Пятилетка Госплана, по его словам, «производит впечатление чрезвычайно осторожного, почти пессимистического документа»[2]). В дальнейшем мы подробнее остановимся на весьма любопытной точке зрения этого экономиста. Тогда мы откроем истинные корни этого, несколько неожиданного «сверхиндустриализма». В данном же месте достаточно отметить, что столь «оптимистическое» настроение проф. Кацененбаума в отношении темпа хозяйственного развития СССР является единственным диссонансом в общем хоре критиков пятилетки.

[1]) См., например, статью тов. Струмилина: «Индустриализация и эпигоны народничества» в «Плановом Хозяйстве» №№ 7 и 8 за 1927 г., где достаточно красноречиво разоблачены довольно постыдные арифметические и статистические манипуляции проф. Кондратьева и других. Если таков уровень критических упражнений в этой области признанного лидера современной плеяды буржуазных экономистов СССР, то легко себе представить характер подобных же трудов рядовых членов этой плеяды.

[2]) Проф. З. С. Кацеленбаум. «Индустриализация хозяйства и задачи кредита». «Соц. Хозяйство» № 2 за 1927 г., стр. 24.

Вот наиболее характерные для этого хора ноты. «Пятилетний народнохозяйственный и финансовый планы сильно преувеличены по темпу... Доводы в пользу принятых в плане темпов бьют почти всегда мимо цели. Необходим более осторожный и реальный вариант планов[1]). «Основным пороком пятилетки, — вещает другой критик, — является проектировка развития всех отраслей народного хозяйства слишком быстрым темпом... непосильным и нереальным»[2]).

В расходовании мрачных красок многочисленные авторы не соблюдают никакого режима экономии, когда они рисуют хозяйственные перспективы ближайшего пятилетия. Вот, неугодно ли, одна из подобных «веселых» перспектив: «Ряд неурожайных лет с общим ростом цен, который может быть умерен лишь некоторыми организационными мерами в производстве и торговле в смысле уменьшения всяких непроизводительных и накладных расходов. Рост сельскохозяйственных цен будет, конечно, повышать цены на сельскохозяйственное сырье для промышленности, а поэтому относительно и себестоимость изделий. Номинальный рост заработной платы служащих и рабочих будет ослабляться вздорожанием продуктов питания. Удельный вес расхода на них в бюджетах трудового населения возрастет, доля расходов на промтовары относительно уменьшится. В общем, замедлится темп роста потребления в городе и деревне, а следовательно, и процессы накопления. Затруднится и экспорт, а на ряду с ним и импорт»[3]). Есть от чего притти в уныние, неправда ли? И на фоне этаких «перспектив» некоторые чудаки твердят о каких-то преимуществах, которые свойственны советскому хозяйству по сравнению с хозяйством капиталистическим. Можно ли подобных отсталых людей принимать сколько-нибудь всерьез?

Однако, шутки в сторону. Здесь мы подходим к основному водоразделу между двумя концепциями советского хозяйства. Речь идет, естественно, не о «настроении» того или иного экономиста. Радужное или облачное настроение, оптимизм или пессимизм являются личным делом каждого. Но вся беда в том, что у наших противников мрачный пессимизм в отношении советского хозяйства роковым образом сочетается с весьма розовым оптимизмом, когда речь идет о хозяйстве капиталистическом. Это обстоятельство свидетельствует о том, что мы имеем дело не с настроением, а с классовой политической тенденцией.

Мыслимы два противоположных и друг друга исключающих понимания советской хозяйственной системы. Можно эту систему рассматривать, как переходную ступень к высшей, более совершенной по сравнению с капитализмом, общественной форме хозяйства. В таком случае выгоды более совершенной формы должны становиться все более и более заметными по мере нашего продвижения вперед. И можно рассматривать советское хозяйство, как «досадную опечатку», как некоторую аномалию в общем ходе развития капитализма. Известные исторические условия вызвали эту аномалию, но развитие должно привести к победе «здорового капитализма». С точки зрения этой концепции мы имеем, разумеется, одни лишь минусы по сравнению с капитализмом. Да это и так ясно: всякая аномалия должна

[1]) А. А. Никитский. «Перспективный план советских финансов». «Вестник Финансов» № 7 за 1927 г., стр. 55.

[2]) Альб. Вайнштейн. «К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР». «Экономическое Обозрение» № 7 за 1927 г., стр. 24.

[3]) А. А. Никитский. Цит. статья, стр. 44—45.

быть ниже нормального типа, болезненным извращением которого она является. Есть ли необходимость добавлять, что вторая концепция является поистине «стопроцентной буржуазной» концепцией, что она насквозь враждебна самому существованию советской хозяйственной системы?

Между этими двумя точками зрения *надо выбирать*. Водоразделом между ними, как отмечено было нами выше, является вопрос о том, имеем ли мы *преимущества перед капитализмом* в перспективе хозяйственного развития или мы имеем, напротив, одни лишь недостатки и недочеты. Можно, разумеется, оценивать наши преимущества перед капитализмом *более* или *менее* высоко. Можно по-разному оценивать не только *силу* этих преимуществ, но и по-разному определять тот *момент*, с которого действие этих преимуществ становится ощутительным и начинает расти. Достаточная осторожность в оценке наших преимуществ должна предохранить от действительно преувеличенных планов хозяйственного развертывания. Но *принципиальное признание* этих преимуществ необходимо для каждого, кто не хочет плестись в хвосте буржуазной концепции советского хозяйства.

Яркие образчики именно этой буржуазной концепции советской экономики мы находим у большинства критиков запроектированного Госпланом темпа хозяйственного развертывания. Как известно, составители пятилетки Госплана исходили из предположения, что советскому хозяйству присущ «целый ряд преимуществ по сравнению с капиталистическим». Именно наличие этих преимуществ делает возможным более быстрый темп развития по сравнению с темпом капиталистических стран, принятый Госпланом в пятилетке. По формулировке, данной во вступительной статье к пятилетке, преимущества нашей системы перед капитализмом сводятся к следующим моментам:

1) Советское хозяйство — плановое, а потому может избежать тех кризисов, которые весьма резко замедляют рост и развитие капиталистического хозяйства.

2) Мы не платим дани на содержание: а) своей и б) иностранной буржуазии.

3) Перестраивая почти все свое хозяйство заново, мы можем поднять его на более высокую техническую базу, чем капиталистические страны Запада с их огромным наследием обветшалого прошлого.

Наши буржуазные противники все без исключения исходят из молчаливого *отрицания* этих преимуществ (а также некоторых других, крайне существенных, но не отмеченных в данной статье пятилетки). Некоторые из критиков нарушают, однако, в этом вопросе вынужденный «обет молчания» и откровенно выбалтывают то, что у других на уме. В подобных случаях картина получается такая, что поистине, как говорится, «комментарии излишни». Вот, например, образец такой откровенной, «уничтожающей» критики наших преимуществ, по каждому пункту в отдельности:

1. По поводу преимуществ планового хозяйства над анархическим, подверженным кризисам, капитализмом делается следующее возражение: «Если сказать, что кризисы задерживают развитие капиталистического общества, то надо признать и обратное, что промышленные под'емы ускоряют это развитие. Этот довод (авторов пятилетки)... имел бы значение, если бы все буржуазные страны находились в состоянии постоянного кризиса, а Советская Россия — в состоянии ничем не прерываемого под'ема. Но это фактически не верно».

2. По поводу неплатежа дани отечественной буржуазии мы слышим следующее возражение: «Значение неплатежа дани отечественной буржуазии... не следует преувеличивать. Если бы она прежде потребляла непроизводительно всю ту часть прибавочной ценности, которую присваивала... то

здесь мы бы имели некий существенный плюс для ускорения темпа развития. Но когда мы уже сейчас имеем среднюю заработную плату с более высоким уровнем, чем в 1913 г., то это значит, что процессы накопления сейчас ниже по темпу, чем до 1913 г.».

Говорят еще о прекращении платежа дани иностранной буржуазии. Однако, значение этого соображения, по мнению наших ученых противников, «ослабляется ныне тем, что эти иностранные капиталы почти перестали притекать к нам, чем задерживается в первую голову индустриализация страны в ближайшее пятилетие».

3. Остается, наконец, последнее соображение насчет отсутствия у нас «наследия обветшалого прошлого». Однако, свирепая расправа не останавливается и перед этим аргументом. Оказывается, «наследия обветшалого прошлого у нас гораздо больше, чем не только в Америке и Австралии, но и в капиталистических странах Западной Европы». Оказывается, этот аргумент «лишен почти всякого значения не только для ближайшего, но в большей мере и для второго пятилетия... так как лишь в третьем пятилетии... можно ожидать заметного влияния на темпы нашего развития капитальных затрат нынешнего и следующего пятилетий» [1]).

Кажется, автор этих замечательных «возражений» когда-то считал себя социалистом и, возможно, причислял себя к марксистам. Трудно придумать, однако, более откровенную апологетику буржуазного строя и капиталистического хозяйства. В самом деле, вдумаемся на минутку в тот кладезь идей, который изложен в приведенных строках. Оказывается, злокозненные измышления марксистов насчет хищнического истребления производительных сил в моменты кризисов, присущих капитализму, не более, как пустая брехня. Все это имело бы смысл лишь в том случае, «если бы все буржуазные страны находились в состоянии постоянного кризиса»; но, к счастью, «это фактически не верно». В сущности, чем плох анархический хозяйственный порядок, свойственный капитализму? Ведь если «кризисы задерживают», то зато «под'емы ускоряют это развитие». Может ли быть придуман какой-либо более совершенный порядок, по сравнению с этим идиллическим капитализмом буржуазного апологета? Поистине, сам Бастиа может позавидовать остроумию своего запоздалого последователя: вряд ли старик договаривался до подобных геркулесовых столбов неприкрашенной апологетики.

Далее, оказывается, совершенно зря у нас экспроприировали паразитическую буржуазию. Ведь она «не потребляла непроизводительно» все свои барыши. Эта апологетическая идейка распространена довольно широко среди экономистов определенного направления. Вот, например, еще одна из ее многочисленных вариаций: «С интересующей нас точки зрения народнохозяйственного накопления «личное потребление» ответственного хозработника, вероятно, немногим меньше довоенного потребления руководителя крупного капиталистического предприятия, ибо последний, получая большее вознаграждение, значительную часть последнего, конечно, откладывал в виде вкладов в кредитных учреждениях или покупал процентные и дивидендные бумаги» [2]). На кой чорт понадобилось прогнать этих «руководителей круп-

---

[1]) Все эти перлы напечатаны черным по белому в цит. ст. А. А. Никитского. «Вестник Финансов» № 7 за 1927 г., стр. 48—49.

[2]) Альб. Вайнштейн. «О контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1926—27 г.». «Соц. Хозяйство» № 4 за 1926 г., стр. 10. А. Дезен в статье «Развитие промышленности и национальное накопление» также «намекает» на то, что уничтожение нетрудовых доходов не может оказать существенного влияния на темп накопления. См. «Эконом. Обозр.» № 5 за 1927 г., стр. 64—65. Там мы опять узнаем, что «высокий уровень дохода» капиталиста не свидетельствует о его личном высоком потреблении», ибо «крупные доходы, полученные от владения торгово-пром. предприятиями или ценными бумагами, в значительной мере затрачивались на дальнейшее расширение предприятий или покупку новых ценных

ных капиталистических предприятий (как автор иносказательно и чуть стыдливо называет класс капиталистов) и заменить их какими-то «ответственными хозработниками»? Пусть бы прежние «руководители» покупали себе «процентные и дивидендные бумаги», и все было бы в наилучшем порядке. Во всяком случае, «с интересующей нас точки зрения народнохозяйственного накопления» обстояло бы никак не хуже нынешнего. *Вот краткий смысл* подобных длинных речей. Впрочем, оказывается, что «процессы накопления сейчас ниже по темпу, чем до 1913 г.», ибо уж очень много с'едает прожорливый рабочий класс. Ему нехватает даже того, что раньше потребляла деликатная буржуазия. С этим аргументом от прожорливости пролетариата мы еще встретимся, когда подойдем к проблемам распределения национального дохода.

Не лучше дело обстоит с уничтожением иностранной задолженности. Мы перестали, правда, платить проценты. Зато в отместку иностранный капитал перестал притекать в советскую страну. Здесь мы сталкиваемся с весьма распространенной ошибкой, обладающей прочностью предрассудка. Многие экономисты склонны считать, что рост русской промышленности до войны происходил исключительно или в решающей степени за счет притока иностранных капиталов. Иными словами, факт усиления связи между русским империализмом и иностранным эти экономисты совершенно некритически и чрезвычайно вульгарно понимают в том смысле, что фабрики и заводы, шахты и рудники в России строились исключительно или в значительной части за счет *ресурсов* иностранного происхождения, строились, стало быть, на средства, накопленные за границей и ввезенные в Россию. При об'яснении довольно быстрого темпа хозяйственного развития в период 1908—1913 гг., ссылаются на то, что «в стране происходил крупный приток иностранного капитала» [1]). В таком случае темп нашего хозяйственного развития в советских условиях без этого якобы «крупного» прилива представлялся бы неизбежно в довольно мрачных красках.

Нет, однако, ничего ошибочнее этого вредного предрассудка. Факты, свидетельствующие о росте туземного накопления, как раз в пору предвоенного под'ема, вопиют к небу. Там, где действительно имело место усиление экономических позиций иностранного капитала (банковская система, тяжелая индустрия), этот процесс проходил: 1) в порядке организационно-экономических изменений (монополизация, фузии и т. д.) и 2) в результате инвестиции большей части средств, накопленных иностранным капиталом из фонда прибавочной ценности, присвоенной им в России же. Совершенно справедливо в этом отношении указание профессора Каценеленбаума, что «в России на протяжении приблизительно 30 с лишним лет мы имели непрерывную активность торгового баланса» [2]). Если даже учесть влияние платежей загранице по государственной задолженности, все же следует признать значение этого обстоятельства. Оно свидетельствует об отсутствии ввоза *реального* иностранного капитала, во всяком случае, в течение последнего периода, когда данные статистики внешнего товарооборота обладают достаточной надежностью.

Наконец, кто это говорит о преимуществе, заключающемся в том, что мы ликвидировали всякого рода обветшалые остатки старины, стесняющие движение вперед даже в наиболее мощных капиталистических странах?

бумаг и т. д.». Наконец, автор ставит вопрос: «В какой мере дороговизна нашего аппарата и системы управления промышленностью поглощает ту выгоду, которая получилась от уничтожения этого непроизводительного потребления»? Надо ли после этого удивляться тому, что автор утверждает: «Многие склонны преувеличивать значение этого фактора (т.-е. непроизводительного потребления капиталистов)»?

[1]) А. Дезен, цит. статья, стр. 57.

[2]) З. С. Каценеленбаум. Цит. ст., стр. 15.

Стоит лишь вспомнить, например, о технической и экономической отсталости английской к.-уг. промышленности. Наших критиков подобные мелочи не беспокоят. Значение этого фактора милостиво признается ими для третьего пятилетия.

Стоит обратить внимание, что ярко-апологетическая статья из которой мы почерпнули большую часть приведенных здесь красот, снабжена в виде эпиграфа ленинскими словами: «Лучше меньше, да лучше». Уж действительно, «ссылаться может чорт на доводы священного писания». Во всяком случае ясно, что авторам подобных произведений следует заявить достаточно вразумительно: руки прочь от Ленина!

Таким образом, наши критики из буржуазного лагеря начисто отрицают преимущества советского типа хозяйства перед капиталистическим в отношении темпа накопления и расширенного воспроизводства. В их устах наиболее «убийственным» доводом против запроектированного Госпланом темпа народнохозяйственного роста является ссылка на то, что этот темп превосходит наиболее быстрые темпы, известные в истории капиталистических стран. Проектируемый Госпланом рост национального дохода сопоставляется с имеющимися данными, характеризующими этот рост в ряде капиталистических стран: в Соединенных Штатах, в Англии, Пруссии и т. д. За сим делается уничтожающее заключение: «Запроектированный пятилеткой ежегодный темп прироста народного дохода является небывалым даже для высоко-капиталистических и быстро развивавшихся до войны стран. Этот коэффициент осуществлялся в редкие годы особо благоприятных обстоятельств (высокая кон'юнктура, урожай), но мы не встречаем величины такого порядка в качестве постоянного и устойчивого коэффициента. Это обстоятельство уже à priori заставляет предполагать преувеличенность расчетов Госплана» [1]). «Даже в период бурного экономического роста, какой, например, переживала Россия в 1908—1913 гг., рост физического об'ема продукции и рост национального дохода не достигали того темпа, который намечен по пятилетнему плану [2]),—заявляет другой экономист и делает отсюда вывод, что госплановский темп является сомнительным и подозрительным.

Ошибся бы, однако, тот, кто стал бы предполагать, что они готовы признать за советским хозяйством во всяком случае тот же темп развития, который свойственен капитализму. Ничуть не бывало. Отвергая наши преимущества, они с тем большим рвением набрасываются на наши *недостатки*. Здесь обычно появляется на сцену знаменитая нивелировка доходов. Послушаем одного из баянов на этот счет: «При пониженном уровне дохода размеры накопления снижаются не только абсолютно, но и относительно. В эту же сторону должно действовать и общее поравнение доходов в СССР. При одной и той же сумме национального дохода, часть, идущая на накопление, будет тем больше, чем большая дифференциация имеет место в стране. Поэтому статистически исчисленная... величина возможного накопления... могла оказаться непосильной для нашего народного хозяйства с пониженным уровнем и другим распределением (нивелировкой) его национального дохода» [3]).

Подобные рассуждения звучат иной раз *внешне* довольно убедительно. Стоит, однако, несколько в них вдуматься, и станет ясно, что зерно истины здесь окутано густой пеленой извращений. Верно, что *при прочих равных условиях* нивелировка доходов может влиять понижающе на уровень накопления. Но разве не ясна передержка, когда ставится знак равенства между *другим распределением* и нивелировкой? Разве

[1]) Альб. Вайнштейн, ст. в «Эконом. Обозрен.» № 7, за 1927 г., стр. 60.

[2]) А. Дезен. Ст. в «Эконом. Обозр.» № 5, стр. 56.

[3]) Альб. Вайнштейн. «Итоги и кон'юнктура 1925—26 гг. «Экономбюллетень Кон'юнктурного Института» № 11—12 за 1926 г.

«другое распределение» нац. дохода в результате революции исчерпывается одной лишь нивелировкой? Каждому добросовестному исследователю должно быть ясно, что «другое распределение» заключает в себе по меньшей мере, кроме нивелировки, еще два существеннейших момента или существеннейших стороны: 1) уничтожение доходов ряда непроизводительных классов (в первую голову помещиков и капиталистов) и 2) поднятие благосостояния широких масс рабочих и крестьян, т.-е. основных производительных классов общества. Поскольку нивелировка сопровождается этими обстоятельствами, ее влияние на темп народнохозяйственного развития оказывается существенно иным. В том-то и дело, что «прочие условия», характеризующие нашу нивелировку доходов от их дифференциации при капитализме, не являются равными. Эти условия могут дать могучий дополнительный импульс народнохозяйственному развитию. Этот добавочный импульс в состоянии с избытком покрыть замедление в темпе накопления, которое могло бы быть следствием нивелировки, взятой в изолированном виде. Именно поэтому нельзя брать пресловутую нивелировку доходов в изолированном виде, если не хотят скатиться к грубейшей апологетике капитализма. Ибо как иначе назвать замечательное утверждение, что темп накопления будет тем выше, «чем большая дифференциация имеет место в стране». Такое положение, которое могло бы сделать честь блаженной памяти попу Мальтусу, в такой грубой и неприкрыто-апологетической форме не отстаивается даже современными буржуазными экономистами Запада. Даже худшие апологеты не осмеливаются утверждать, что полнейшее обнищание и голодная смерть трудящихся масс (самая большая «дифференциация»!) является гарантией максимального темпа накопления. Велико должно быть чувство теоретической безнаказанности у буржуазного экономиста на советской службе, если он позволяет себе говорить таким языком, которого избегают даже его коллеги в странах капиталистического господства!

Проблема темпа хозяйственного развертывания не является каким-то побочным вопросом второстепенного значения. XIV с'езд нашей партии поставил перед страной задачу в ближайший исторический период догнать, а затем и перегнать передовые капиталистические страны. Выполнение этой задачи является необходимым условием победоносного социалистического строительства в нашей стране. Может ли быть эта задача выполнена, если темп нашего развития будет ниже или равен темпу капиталистических народных хозяйств? Каждому понятно, что в таком случае наша отсталость либо будет возрастать, либо останется стабильной. Наша колоссальная хозяйственная отсталость может быть ликвидирована только при темпе развития, превосходящем капиталистический темп. Преимущества советского типа хозяйства обусловливают этот темп, при помощи которого только и может быть ликвидирована наша отсталость. Отрицание этих преимуществ, отрицание более быстрого, чем при капитализме темпа развития является, таким образом, не более не менее, как принципиальным отрицанием возможности строительства социализма в нашей стране.

Преимущества советского типа хозяйства, обусловливающие более быстрый темп роста, прекрасно характеризованы в резолюции XV с'езда ВКП(б): «Диктатура пролетариата, пролетарская национализация средств производства, транспорта, кредита, внешней торговли, национализация земли,—все эти предпосылки обусловили развитие экономики СССР на принципиально иных, социалистических началах. Принципиально иным стало социально-классовое содержание командных экономических высот, определяющих развитие всего народного хозяйства в его целом. Принципиально иным стало соотношение между городом и деревней, ибо индустрия обратилась «лицом к деревне», ставши могучим фактором ее социалистического преобразования, и рост внутреннего рынка начал выражать собою, в отличие от капитализма, не процесс разорения деревни, а рост ее благосостояния. Принципиально иной стала организационная форма народного хозяйства, поскольку — на основе национализации крупной промышленности и других командных высот — стало возможным плановое хозяйственное руководство, все более вытесняющее анархию товарно-капиталистического рынка. Принципиально иным стало и распределение национального дохода, почти совершенно исключающее личное потребление прежде господствовавших классов и тем самым уничтожающее значительную долю непроизводительного потребления. Эти отличительные черты хозяйства СССР сделали возможным гораздо более быстрый, по сравнению со странами капитализма, темп восстановительного процесса, а также и гораздо более быстрый процесс хозяйственного роста вообще».

Некоторые простодушные люди могли бы считать большую часть приведенных нами возражений против убыстренного по сравнению с капитализмом темпа более или менее законным выражением определенных оттенков научной мысли. Нам такая оценка представляется по меньшей мере чрезвычайно наивной. Стать на подобную точку зрения означало бы сознательно закрыть глаза на одно чрезвычайно существенное обстоятельство. Вся эта критика по своему об'ективному значению и смыслу не может означать ничего другого, кроме атаки (пока-что в идеологической форме) буржуазных групп и классов на самые основы социалистического хозяйственного строительства.

О правой и левой опасности[1]).

I.

Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» пишет:

«История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют в моменты особого под'ема и напряжения всех человеческих способностей сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов. Отсюда вытекают два очень важных практических вывода: первый, что революционный класс, для осуществления своей задачи, должен уметь овладеть в с е м и, без малейшего из'ятия, формами или сторонами общественной деятельности (доделывая после завоевания политической власти, иногда с большим риском и огромной опасностью, то, что он не доделал до этого завоевания); второй, что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою» [2]).

Смысл этих замечательных слов Владимира Ильича еще яснее выступает в следующих его рассуждениях:

«Полезным уроком могло бы (и должно было бы) быть то, что произошло с такими высокоучеными марксистами и преданными социализму вождями II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовой диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в п р и м е н е н и и этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими н е диалектиками, оказались людьми до того несумевшими учесть быстрой перемены формы и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Гэда и Плеханова. Основная причина их банкротства состояла в том, что они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу об'ективных условий стала неизбежной, а продолжали твердить простые, заученные, на первый взгляд бесспорные истины: три больше двух. Но политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием, перед цифрами появился поэтому новый знак: «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что «минус три» больше «минус двух».

[1]) В порядке постановки вопроса.

[2]) Ленин, т. XVII, стр. 181—182.

Надо постараться, чтобы с коммунистами не повторилась та же ошибка, только с другой стороны, или, вернее, — чтобы была поскорее исправлена и быстрее, безболезненнее для организма изжита та же ошибка, только с другой стороны делаемая «левыми» коммунистами. Левое доктринерство есть тоже ошибка, не только правое доктринерство. Конечно, ошибка левого доктринерства в коммунизме является в настоящий момент в тысячу раз менее опасной и менее значительной, чем ошибка правого доктринерства (т.-е. социал-шовинизма и каутскианства), но ведь это только потому так, что левый коммунизм — течение совсем молодое, только-только зарождающееся. Только поэтому болезнь, при известных условиях, может быть легко излечена, и необходимо приняться за ее излечение с максимальной энергией» [1]).

Мы позволили себе привести столь длинную выдержку потому, что в этих словах Ленина можно найти гениальный ответ на волнующие партийную массу вопросы. Каков общественный смысл правого и левого уклона? Что называть правым, что левым? Эти и другие вопросы задевают за живое читателя, иногда с недоумением посматривающего, как правые называют левых правыми, а левые называют правых левыми в кавычках: «правее правых» и «левее левых», «правее левых» и «левее правых»— воистину... где сторона?

Прежде всего, должно быть установлено, что никакого конкретного определения правого и левого уклона на все времена не может быть. Уклон предполагает то, о т ч е г о уклоняются, т.-е. правильную политику пролетариата, но последняя не может быть определена в своем конкретном содержании на веки-веков. Все зависит от обстановки, от учета д а н н о г о соотношения классовых сил. То, что было правильно вчера, может стать (и очень часто становится) неправильным сегодня. Таким образом, то, что было правильной политикой пролетариата вчера, может сегодня, если настаивать на той же политике, превратиться в неправильную политику. Бойкот Государственной Думы в 1905 году был правильной политикой пролетариата, тот же бойкот в 1907 году был ошибкой. Таким же путем то, что было вчера уклоном, может сегодня, при изменившемся соотношении классовых сил, стать правильной политикой пролетариата.

Но безусловно возможно и целесообразно дать общее определение правильной политики революционного класса в эпоху пролетарской революции и соответственно этому общее определение правого и левого уклона в н а ш е в р е м я.

Борьбу за социализм пролетариат ведет на почве капитализма. Антикапиталистический класс вынужден брать исходным пунктом своей политики те формы общественной жизни, которые порождает капитализм. Эти формы крайне многообразны и изменчивы. Развитие классовой борьбы наполняет старые формы новым содержанием. Парламентаризм, являвшийся «генеральной» формой общественной борьбы почти во всех европейских странах в довоенную эпоху, ныне все больше и больше теряет свое значение. Это видно не только на примере фашистской Италии, но и на развитии «демократической» Англии. С другой стороны, возникают такие новые формы классовой борьбы, как диктатура пролетариата в СССР и вооруженные восстания в странах господства капитализма.

[1]) Ленин, т. XVII, стр. 187—188.

Правильная политика революционного класса в наше время заключается, очевидно, в том, чтобы в борьбе за диктатуру пролетариата использовать все формы общественной жизни: и те, которые исторически на наших глазах изживают себя (парламентаризм), и те, которые исторически зарождаются (вооруженное восстание) с целью свержения империализма.

По существу, между парламентаризмом и вооруженным восстанием пролетариата лежит целая полоса исторического развития, заполненная, с одной стороны, «мирным» развитием капитализма, гигантским развитием производительных сил и превращением буржуазных производственных отношений из «форм развития в оковы производительных сил» и, с другой стороны, ростом сознательности и организованности пролетариата, подготовкой его к свержению буржуазного господства.

Если бы историческое развитие шло равномерно, гладко, без зигзагов, если бы мостовой исторического процесса была не бурная экономика и борьба классовых сил, а асфальт, то, «согласно схеме», власть в наше время благополучно перешла бы в руки пролетариата во всех странах, и, пожалуй, уклоны в партии имели бы не политическое содержание, а технико-производственное, в роде того, развитие какой отрасли промышленности может успешнее удовлетворить потребности, и др.

В действительности же, историческое развитие крайне неравномерно, и в наше время, вопреки всяким и всяческим схемам, мы имеем причудливое сочетание огромного охвостья парламентаризма и молодых ростков вооруженного восстания пролетариата. Схематически парламентаризм и вооруженное восстание пролетариата это—глубоко противоречащие друг другу формы общественной борьбы, представляющие различные типы, исходный пункт двух различных общественных систем. В реальной же жизни они густо переплетаются, и с точки зрения коммунизма парламентаризм используется для пропаганды вооруженного восстания пролетариата.

На ряду с нарастанием новых форм общественной жизни, происходит глубокое изменение содержания старых форм. Если компартии Запада комбинируют в своей практической политике подготовку вооруженных восстаний пролетариата с использованием парламентаризма, то это отнюдь не означает, что они рассматривают парламентаризм, как главнейшую форму общественной жизни, как это делала и делает социал-демократия. Было бы смешно не видеть, что буржуазия в одних странах открыто, а в других скрыто все более переходит от парламентаризма к фашизму. Таким образом, меняется «соотношение» различных общественных форм, потеря одними и приобретение другими первостепенной роли в борьбе классов.

Движение форм общественной жизни, их изменчивость и зачастую причудливое течение, — каналы, по которым течет социальная энергия различных классов общества; слияние, в зависимости от социально-исторического процесса, различных струй этой общественной энергии какого-нибудь класса в один мощный поток; или их резкое расхождение по разным направлениям, их под'ем по извилинам общественного развития или спад, — это — продукт экономического развития и борьбы классов и вместе с тем то реальное основание, на котором пролетариат строит свою политику, придерживаясь научно-диалектических воззрений.

Ленинизм обязывает:

Во-первых, использовать все формы общественной жизни в классовой борьбе пролетариата за свою диктатуру.

Во-вторых, учесть нарастание новых и изменение содержания старых форм классовой борьбы.

В-третьих, «революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другой».

Дать общее определение правому и левому уклону в наше время можно, только исходя из этих основ ленинской диалектики. Правый или левый уклон есть как раз отказ от использования всех форм общественной жизни для борьбы за диктатуру пролетариата, либо неправильная оценка соотношения между различными формами. При этом правый уклон всегда исходит из «пристрастия» к формам прошлого, а левый уклон — к формам будущего.

Нам думается, что с таким определением правого и левого уклона согласуются все известные примеры из истории рабочего движения.

Берем самый крупный правый «уклон», «правое доктринерство», переросшее в прямое предательство рабочего класса, — социал-демократию.

Ленин говорит: «Основная причина их банкротства (Каутского, Бауэра и пр. *Б.*) состояла в том, что они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу об'ективных условий стала неизбежной». Сращивание с одними формами общественной жизни, при этом с изживающими себя общественными формами, «пристрастие» к формам прошлого, — вот основная причина, обусловившая переход социал-демократии на сторону буржуазии и сделавшая ее контрреволюционной силой.

Но о социал-демократии нельзя, разумеется, говорить, как о правом «уклоне». Здесь мы имеем дело с прямыми «лейтенантами капитализма в рабочем движении». Но если взять правый уклон внутри Коммунистического Интернационала, то мы точно так же обнаружим сращенность с формами прошлого, неумение брать общественный процесс в движении (и тем самым изменении) его форм.

Пауль Леви, критикуя мартовское восстание 1921 г. в Германии, сбился на неверную позицию потому, что для него мартовское восстание было не столько недостаточно подготовленной попыткой пролетариата взять власть в свои руки, сколько вопиющим, резким контрастом с прошлыми формами классовой борьбы (парламентаризм), в плену которых он находился.

Берем крупный пример левого уклона — «левый коммунизм» 1918 года. Главная суть его программы была революционная война. Отвлекаясь от характеристики «левым коммунизмом» формального значения советской власти (раз она идет на крупные уступки империализму), мы видим его программную суть, именно, в требовании немедленной революционной войны.

Безусловно, революционная война является крупнейшей формой классовой борьбы в нынешнюю эпоху. В недавно опубликованной статье Ленина «Военная программа пролетарской революции» Ленин подробно развивает, почему революционные социалисты (коммунисты) не могут выставить лозунг «разоружения». Главнейшие мотивы сводятся к тому, что, во-первых, неизбежны и прогрессивны национальные войны угнетенных народов против угнетательских стран и, во-вторых, неизбежны революционные классовые войны против буржуазии.

Вот соответствующее место: «Победивший в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще все войны. Наоборот, он их предполагает. Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победносного пролетариата социалистического государства. В таких случаях война с нашей стороны была бы

законной и справедливой. Это была бы война за социализм, за освобождение других народов от буржуазии».

Эта статья Ленина написана в апреле 1917 года. Здесь четко формулировано, что, в силу закона неравномерности развития, пролетарская революция не может победить одновременно во всех странах и что поэтому неизбежна революционная оборонительная война социалистического государства против наступления буржуазных стран. В 1918 г. в полемике с «левыми коммунистами» Ленин также высказался принципиально за революционную войну. Вместе с тем Ленин выступал за «похабнейший» Брестский мир и против немедленного начала революционной войны: нужна была передышка.

Обстановка того времени общеизвестна, и поэтому не будем повторяться. Ясно, что в 1918 году революционная война была формой будущего, для которой еще не созрели необходимые предпосылки. «Левый коммунизм» выражал собой именно «пристрастие» к формам будущего, для которых в реальной действительности еще не было оснований.

Германские «левые», с которыми Ленин полемизировал в «Детской болезни», точно так же повторяли принципиальную ошибку «левого коммунизма», только с другой стороны. Если наши «левые» становились на почву форм будущего, для которых не созрели еще необходимые предпосылки, то германские «левые» сходили с почвы настоящего, в условиях которого еще не были и з ж и т ы подпиравшие его устои (бойкот парламента, выход из профсоюзов и проч.).

Такова крайне общая характеристика правого и левого уклона. Правильно ли поставить вопрос: какой уклон вреднее, с каким уклоном надо больше бороться? Нет, неправильно! Единственно правильный ответ может быть: «оба хуже».

При оценке степени вредности правого или левого уклона необходимо, очевидно, исходить из интересов дела революции. Стоит только так поставить вопрос, как все построения Зиновьева насчет того, что будто у Ленина была на все случаи заготовленная доза сладких пилюль для «левых» и горьких пилюль для правых, разлетится, как карточный домик.

Мог ли «левый коммунизм» в 1918 г. погубить революцию, если бы партия приняла его линию? Да или нет? Не найдется ни одного добросовестного большевика, который бы ответил на поставленный вопрос отрицательно.

Партия в каждый данный момент должна бороться больше всего с тем уклоном, который по своей силе или по степени «уклонизма» представляет наибольшую угрозу для дела пролетарской революции. В приведенной в начале статьи выдержке из Ленина прямо говорится, что левое доктринерство представляет в тысячу раз меньшую опасность, чем правое, «т о л ь к о п о т о м у», что левый коммунизм — течение молодое, и именно для того, чтобы не дать ему вырасти в такую же опасность, как правая, надо энергичнейшим образом его преодолеть.

Эта ленинская постановка вопроса о сугубой вредности обоих уклонов не имеет ничего общего с зиновьевской трактовкой вопроса, прикрашивающей левый уклон как раз тогда, когда под левыми фразами ведется самая ожесточенная борьба против оплота революции — СССР.

«Левый» уклон, если ему потакать, может так же «хорошо» погубить дело пролетарской революции, как и правый уклон. Сплошь и рядом при этом «левая» фраза является только прикрытием правой тенденции. Оба уклона в одинаковой мере противоречат научным основам ленинской диалектики, которая заключается в умелом использовании в с е х форм классовой борьбы для победного завершения освободительной борьбы угнетенных.

II.

В своей статье «21 условие Ленинского Коминтерна» Зиновьев приводит ряд выдержек из сочинений Владимира Ильича, в которых говорится, что главнейший, крупнейший враг большевизма, это — оппортунизм и что самую крупную опасность для международного рабочего движения представляет правая опасность. Эти утверждения Ленина абсолютно правильны точно так же, как абсолютно правильно будет сказать, что Зиновьев этих мыслей Ленина не понял или перестал понимать.

В самом деле. Для того, чтобы восторжествовала в Европе пролетарская революция, для того, чтобы европейский пролетариат победил буржуазию, ему необходимо перешагнуть через труп контрреволюционной социал-демократии. Поэтому социал-демократический оппортунизм — крупнейший враг рабочего класса. Правая опасность в международном рабочем движении, это—либо непосредственно социал-демократизм, либо отсвет социал-демократии. Современное международное рабочее движение делится на два лагеря: первый лагерь—это революционные пролетарии, руководимые коммунистической партией и мужественно готовящиеся к установлению диктатуры пролетариата, и второй—лагерь контрреволюционной социал-демократии, изменившей пролетариату в 1914 году и продолжающей предательскую политику по каждому крупному политическому вопросу. Социал-демократия имеет мощную организацию, прессу и влияние на огромные слои рабочих.

Может ли идти в сравнение с социал-демократической опасностью угроза кучки левых интеллигентских болтунов, не имеющих никакой почвы в рабочем движении и не связанных с ним никакими традициями? Разумеется, нет.

Поэтому Ленин совершенно справедливо повторяет много и много раз, что крупнейшую опасность для международного большевизма представляет именно социал-демократия и правая опасность.

Это—абсолютно правильная тактическая и, если угодно, программная установка Коминтерна на целый период лет, на весь период борьбы за пролетарскую диктатуру во всем мире.

Но чего Зиновьев не понял или перестал понимать, это, что одно дело тактическая установка на целый период лет и другое дело — конкретная задача для какого-нибудь отрезка времени. Зиновьев эти два различных вопроса смешал, и поэтому он приписывает Ленину определенную на все случаи известную «пропорцию» мероприятий против «левого» и правого уклона.

Представим себе такое положение. В Германии очень сильна социал-демократия; ее влияние на рабочие массы крайне значительно. Что является крупнейшей опасностью для немецкого рабочего движения? Социал-демократия и правая опасность. Побороть социал-демократию, вырвать из-под ее влияния рабочие массы — самая крупная, самая важная задача немецких коммунистов. Для того, чтобы осуществить эту задачу, немецкие коммунисты разворачивают большую работу в профсоюзах и других массовых организациях.

В чем смысл всей этой работы немецкой компартии? Всякий непредубежденный человек видит, что исторический смысл всей этой работы немецкой компартии заключается в борьбе с правой опасностью, в преодолении контрреволюционной социал-демократии. Представим себе дальше, что выступает группа немецких коммунистов и всей этой практической работе немецкой компартии противопоставляет контрпрограмму: выход из профсоюзов, отказ от единого фронта и пр., подкрепляя свою программу архилевоблагородными аргументами: дескать, не хотим якшаться с социал-демократической сволочью и пр. Вообразим далее, что на почве огромных

трудностей массовой работы и затяжного характера процесса преодоления социал-демократии эта группа «левых» сверхреволюционеров приобретает кой-где влияние и, подбодренная первыми успехами, начинает разворачивать пропаганду «левых» идей.

Казалось бы, совершенно понятно, что немецкая компартия, вполне сознающая, что самая грозная опасность для рабочего движения *на всем протяжении* борьбы за пролетарскую диктатуру это — опасность справа, социал-демократическая опасность, и *именно потому*, что она стоит на почве этой тактической установки Коминтерна, должна на данном отрезке времени повести самую бешеную борьбу против «левых», должна открыть настоящий огонь по тем группам и группкам, которые, прикрываясь левыми фразами, дезорганизуют партийную работу, предлагая партии, попросту говоря, свернуть с ее пути борьбы за пролетарскую диктатуру единственно возможными средствами.

Казалось бы, что это неоспоримо... но Зиновьев спешит на выручку обиженным «левым» и говорит: «Не боритесь так упорно с левыми, соблюдайте «пропорцию»; два удара направо, один удар налево, три удара направо и полтора удара налево, не забывайте «пропорции».

Что бы сказал Ленин о человеке, который в *момент* острой борьбы с левым уклоном, уклонялся бы от этой борьбы или предлагал ее ослабить, исходя из того, что крупнейший враг рабочего движения *на всем протяжении борьбы* за пролетарскую диктатуру это — оппортунизм справа?

Обратимся к положению в нашей партии.

Самая серьезная опасность для нашей партии на всем протяжении изолированного социалистического строительства это—правая опасность.

Почему?

Потому, что русский пролетариат идет по максимально левому пути, т.-е. ведет единственно об'ективно возможную революционную политику. Более революционной политики, чем та, которую проводит советский пролетариат, не дано. Мы строим фундамент социалистического общества в стране, где преобладает количественно мелкое товарное производство. Экономическим своим прошлым самая отсталая страна, мы политически самая передовая «держава», закладывающая основы наиболее передового экономического строя. Дальше ехать некуда. Возможно и неизбежно наше *развитие* вперед, но невозможен и исключен *скачок* вперед. Если оставаться на почве марксизма, то надо признать, что вести более левую политику, чем вел Ленин, чем ведет ныне наша партия, нельзя: нет об'ективных возможностей.

Ну, а менее левую, правую политику вести—для этого есть об'ективные возможности?

Безусловно, да.

Теоретически рассуждая, если может существовать еще известное время буржуазная Германия, буржуазная Англия, где гораздо более созрели экономические предпосылки социализма, то почему не может существовать буржуазная Россия?

Разумеется, буржуазной России история поставила крест *навсегда*. Но до тех пор, пока не изжито мелкое товарное производство, которое «ежедневно, ежечасно, ежеминутно порождает капитализм», до тех пор об'ективная возможность для развития буржуазной России (абстрагируясь от такой «мелочи», как советская власть) не исключена.

И именно потому, что об'ективных возможностей для более быстрого скачка к социалистическому обществу нет, а об'ективные возможности для возврата назад к капитализму имеются, именно поэтому правая опасность

является самой серьезной опасностью для нашей партии на всем протяжении изолированного социалистического строительства.

Отсюда следует еще один важный вывод: так как отсутствуют об'ективные возможности для ведения более революционной политики, чем ведет советский пролетариат, то всякий левый уклон в своем развитии *неизбежно* переходит в правый и прямо или косвенно смыкается с правой опасностью.

Но если обязательный для марксиста учет об'ективных возможностей развития приводит нас к выводу, что самая серьезная опасность для нашей партии это—опасность справа, то это отнюдь не значит, что невозможен левый уклон вообще, что невозможно зарождение течения, которое бессознательно исходило бы из желания перепрыгнуть через об'ективные возможности и «сократить», «облегчить» длинный и мучительный путь к социализму. Зарождение такого течения тем более возможно, что путь наш действительно крайне труден и временами мучителен, ибо он связан в условиях изолированного социалистического строительства с значительными жертвами трудящихся масс.

Но как бы ни были ценны и убедительны чувства «левых» коммунистов, их программа,—если она об'единяет некоторую часть партии и если ими делаются серьезные попытки пропаганды своих идей,—представляет такую серьезную угрозу для дела пролетарской революции, что партия, если она хочет остаться революционной партией пролетариата, обязана открыть огонь по этому левому уклону, не щадя патронов.

Будет ли это противоречить общей тактической установке партии, что самой серьезной опасностью для нас на всем протяжении изолированного социалистического строительства является опасность справа?

Нет, не будет. Ибо одно дело тактическая установка партии на целую историческую полосу, исходящая из об'ективного экономического анализа на длительное время, и другое дело конкретные задачи партии на данном отрезке времени, определяемые экономическими и политическими фактами этого времени. Однако, марксист видит не только различие, но и взаимную связь явлений. Эта связь здесь заключается в том, что, преодолев левый уклон на первой стадии его развития, партия предотвращает опасность перерастания левого уклона в правый, смыкания его с правой опасностью. Ибо из тех же предпосылок, из которых мы заключаем, что самая серьезная для нас опасность это—опасность справа, из этих же предпосылок следует, что левый уклон в своем развитии неизбежно переходит в правый.

Эти мысли, элементарные для ленинца-диалектика, остались книгой за семью печатями для Зиновьева, ибо он *противопоставляет* абсолютно правильное утверждение Владимира Ильича, что самой серьезной опасностью для международного рабочего движения является правая опасность, также абсолютно правильной политике партии, ведущей ожесточенную борьбу с левым уклоном.

Именно история оппозиции блестяще подтверждает неизбежность перерастания левого уклона в правый, если на нем настаивать, если превратить его в целую программу.

Оппозиция хотела выступить как *левое* течение, когда она устами Зиновьева предостерегала партию от идеализации нэпа. Но так как на самом деле никто в партии не идеализирует нэпа, а оппозиция продолжала настаивать на своем, то неизбежно получился у нее *правый* уклон в форме отрицания социалистического характера наших госпредприятий.

Оппозиция хотела выступить как *левое* течение, когда она предлагала усилить обложение кулака. Но так как на деле партия идет по пути максимально-возможного обложения кулака, а оппозиция продолжала на-

ставивать на своем, то получился правый уклон в виде предложений, сводящихся к усилению нажима и на середняка.

Оппозиция хотела выступить как левое течение, когда она предлагала ускорить темп индустриализации. Но так как на деле партия проводит максимально-возможный темп индустриализации, а оппозиция продолжала настаивать на своем, то получился правый уклон в форме предложений из'ять наши средства из сферы обращения и ограбить крестьянство.

Оппозиция хотела выступить, как левое течение, когда она подчеркнула опасность перерождения государственного аппарата. Но так как на деле вся партия активно борется с этой опасностью, а оппозиция продолжала настаивать на своем, то получился правый уклон в форме утверждения, что термидор уже марширует у нас и что налицо зачатки двоевластия.

Так оппозиция решительно по всем вопросам перерождалась из суб'ективно-левого в об'ективно-правое течение в рядах нашей партии. В настоящее время главнейший программный пункт оппозиции—утверждение о термидоре—представляет собою гаденький перепев меньшевизма и воплощает правую опасность в ее обнаженном виде.

Почему это так произошло?

Потому, что левее Ленина, левее советского пролетариата, если не скатываться в болото анархизма, быть нельзя. С другой стороны, не лица и программы ищут себе классовой социально-экономической почвы, а социально-экономические процессы и классовые группировки ищут себе выразителей, формулируют программы. Оппозиция, настаивавшая на левом уклоне, неизбежно переродилась в правый, потому что социально-экономические группировки, заинтересованные в правой политике, есть, а об'ективных возможностей для более левой политики нет.

Резюмируем.

Научная основа ленинизма заключается в диалектическом приспособлении политики пролетариата ко всем формам общественной жизни. Беспочвенный ли скачок к формам будущего, для которых еще не созрели необходимые условия, или консервативное срастание с формами прошлого, предпосылки которых уже изжиты, соответственно левый и правый уклон одинаково вредны для пролетариата, одинаково способны погубить или затруднить освободительную борьбу угнетенных. Любой из этих уклонов требует самой ожесточенной борьбы с ним.

Но партия обязана поставить перед собой вопрос: какой уклон на данной исторической полосе имеет больше всего об'ективных возможностей для своего возникновения и соответственно правая или левая опасность представляет более реальную, постоянно воспроизводимую опасность?—Безусловно, правый уклон, правая опасность.

Делать отсюда вывод, что партия должна обезоружить себя в борьбе с «левыми»—значит обнаружить полное непонимание диалектики.

Именно потому, что правая опасность является наиболее реальной опасностью, имеющей в окружающей нас действительности значительные корни, питающейся остатками капитализма,—левый уклон, если на нем настаивать, неизбежно превращается в правый уклон, в дверь, через которую проходит в наилучших для нее условиях правая опасность.

Может быть, крупнейшим недостатком партии является то, что ей не удалось преодолеть левый уклон оппозиции до того, как она превратилась в своеобразную форму выражения правой опасности. Но это связано уже с другой темой—трудностями формирования партийного руководства после смерти Ленина.

П. Александров.

О работе в деревне.

(К итогам XV с'езда партии).

Решения XV с'езда партии о работе в деревне имеют огромнейшее как принципиальное, так и практическое значение для социалистического строительства. В общей своей части эти решения касаются основных вопросов нашей революции—вопроса о судьбах экономического и социального развития деревни в условиях диктатуры пролетариата и вопроса о соотношении пролетариата и крестьянства на предстоящий период. Эти решения выдвигают вместе с тем перед партией ряд огромной важности практических задач, разрешение которых должно иметь несравнимое значение для социалистического строительства и немыслимо без большой, рассчитанной на длительный срок работы.

В тезисах о работе в деревне, принятых XV с'ездом, мы находим, прежде всего, четкое определение тех принципиальных отличий, которые характеризуют социально-экономическое развитие деревни в стране диктатуры пролетариата в сравнении со странами капитализма. В условиях капитализма развитие производительных сил сельского хозяйства происходит на основе разорения и пролетаризации широких масс бедного и среднего крестьянства и нещадной эксплоатации их как со стороны растущей деревенской буржуазии, так и со стороны трестированного промышленного, банковского и торгового капитала.

В капиталистических странах промышленность, транспорт, банки, торговля, все средства экономической политики государства являются командными высотами капитала и потому служат орудием разорения и эксплоатации бедного и среднего крестьянства, форсируют рост капитализма в земледелии. В стране диктатуры пролетариата, где существует национализация земли, где крупная промышленность, транспорт, банки, торговля находятся в руках пролетарского государства, где существует и растет социалистическая кооперация, — сельское хозяйство развивается к социализму на основе кооперативного об'единения мелких производителей, в тесной смычке с растущей социалистической промышленностью. Здесь мы имеем принципиально иное по сравнению со странами капитализма отношение между городом и деревней благодаря иному классовому содержанию командных экономических высот, благодаря тому, что здесь промышленность, банки, торговля, кооперация, кредит, наконец, плановое руководство пролетарского государства и вся его экономическая политика призваны поддерживать бедняцкие и середняцкие слои деревни, ограничивать рост деревенской буржуазии, перестраивать сельское хозяйство на социалистический лад.

В вопросе о путях развития советской деревни, в этом основном, глубокой принципиальной важности вопросе, партия резко отмежевалась от об'единенной неоменьшевистской оппозиции. По мнению меньшевиствующих троцкистов, законы капиталистического развития целиком приложимы к современной советской деревне. Доказательством тому они выставили положение о капиталистическом характере происходящего в деревне расслоения крестьянства: о происходящем якобы «вымывании» середняка и росте крайних (пролетарско-бедняцких и кулацких) групп деревни. Капитулянтская позиция троцкистов была решительно отвергнута с'ездом. Отнюдь не отрицая наличия дифференциации, неизбежной в условиях нэпа, с'езд подчеркнул те особенности, которые отличают расслоение советской деревни от расслоения в капиталистических странах и которые обусловливаются всем хозяйственным и политическим строем пролетарской диктатуры и всей экономической политикой советского государства. Эти отличительные особенности заключаются в том, что мы имеем, на ряду с известным процессом роста кулачества и пролетаризации деревенской бедноты, сокращение бедняцких групп деревни за счет хозяйственного под'ема и перехода этой бедноты в середняцкие группы деревни, мы имеем рост и консолидацию середняцкой группы деревни. Наличие этих отличительных особенностей в процессе дифференциации деревни не раз подтверждалось на с'езде имеющимися в распоряжении партии и государства статистическими данными. Так, т. Молотов в своем докладе привел следующую таблицу «численности и распределения населения СССР по социально-экономическим группам в 24—25, 25—26 и 26—27 гг.», составленную по данным доклада комиссии СНК СССР.

Различные группы населения составляли в %% к итогам земледельческого населения:

	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
I. Земледельч. пролетариат	4,4	5,0	5,3
II. Не нанимающие сроковых рабочих	88,7	87,4	86,8
1. Бедняцкая группа	24,0	21,6	20,4
2. Середняцкая группа	64,7	65,8	66,4
III. Нанимающие сроковых рабочих	6,9	7,6	7,9

При росте земледельческого пролетариата (следует заметить, что лишь половина с.-х. рабочих занята в крестьянских индивидуальных хозяйствах, другая половина работает в совхозах и в государственных, кооперативных и общественных организациях) и при росте хозяйств, нанимающих сроковых рабочих, из которых большую часть следует отнести к кулацкой части деревни, мы имеем одновременно сокращение % бедняков и рост середняцкой группы деревни.

По вопросу о расслоении высказывались многие делегаты с'езда, подтверждавшие правильность партийных взглядов. О происходящих в деревне процессах перехода определенных групп хозяйства в низшие и высшие группы особенно ярко говорят цифры динамической переписи, приведенные на с'езде делегатом от Северного Кавказа тов. Ивановым. По сообщению тов. Иванова, на Северном Кавказе «хозяйств, насчитывающих от 1 до 2 дес. посева, перешло в низшие группы из общего количества 17%, в то время как в высшие группы перешло 67,5%... Если взять середняцкие хозяйства, насчитывающие от 8 до 10 десятин, то здесь мы имеем такую картину: перешли в низшие группы 18%, в высшие группы—66%. Уже совершенно иная картина получается в отношении кулацких хозяйств, где мы имеем переход в низшие группы до 50%. Очевидно, в условиях пролетарского государства, создается обстановка для кулацких хозяйств, которая ограничивает их рост до определенной стадии, дальше которой кулацкое хозяйство вынуждено, под давлением рычагов пролетарского государства, итти не вверх, а вниз».

Все имеющиеся материалы о социальной природе нашей деревни говорят о преобладающем значении середняка среди различных групп крестьянства. В дополнение к таблице комиссии СНК приведем здесь интересные данные, оглашенные на с'езде делегатом от Сибири т. Зиминым (Иркутск), о социальном составе крестьянства Сибири, одного из районов, где мы имеем более форсированный темп расслоения, во-первых, благодаря наплыву переселенцев, во-вторых, захватно-родовой форме землепользования (Восточная Сибирь), сохранившейся в виду того, что там не было уравнительного передела земли, и, в-третьих, потому, что «с.-х. буржуазия, вытесняемая из области торговли, направляет большую часть своих средств в область сел.-хоз. производства с применением наемной рабочей силы» (речь т. Зимина).

По Южной Сибири кулаки составляют 6,3%, середняки—54,8%, бедняки—38,9%. По Восточной Сибири мы имеем соответственно следующие цифры: 4½%, 59%, 36%. «Если мы возьмем,—говорит т. Зимин,—не только количественные соотношения этих групп, но распределение между ними средств производства..., то мы имеем такую картину по Южной Сибири: кулацкая верхушка, составляющая $^{1}/_{16}$ часть всех дворов, имеет $^{1}/_{6}$ часть всех средств производства в своих руках; беднота, составляющая $^{2}/_{5}$, имеет одну $^{1}/_{8}$ часть средств производства, и середняк, составляющий 55% всей деревни, имеет в своих руках 70% средств производства». Вопреки паническим крикам троцкистов о засилье кулака в деревне, о «вымывании» середняка, партия трезво, на основании большой подготовительной работы, учла соотношение классовых сил в деревне и подтвердила ленинское положение о середняке, как центральной фигуре земледелия. Это положение с точки зрения партии остается правильным на весь предстоящий период нашего развития, ибо укрепление и рост социалистических элементов хозяйства, усиление экономической мощи пролетарского государства, означает в будущем не только не ослабление, но и гигантское усиление всей системы экономического воздействия на деревню со стороны социалистического сектора страны, всей системы помощи и содействия под'ему бедняцких и середняцких групп деревни, всей системы ограничения роста кулачества и его эксплоататорских поползновений. XV с'езд партии констатировал: «Грубейшая ошибка оппозиции состоит в том, что она механически переносит закономерность развития крестьянского хозяйства при капитализме целиком и полностью на эпоху диктатуры пролетариата, плетясь, таким образом, в хвосте буржуазных идеологов. Оппозиция не видит того, что пути развития деревни определяются развитием города и что капиталистическим элементам в деревне противостоят в наших условиях не только батрак, бедняк и середняк, но и вся система диктатуры пролетариата с ее мощными экономическими командными высотами (в первую голову—социалистической индустрией), кооперацией и другими рычагами планового воздействия на сельское хозяйство. Тем самым оппозиция ревизует важнейшие теоретические положения марксизма и ленинизма о соотношении крупного и мелкого производства города и деревни, индустрии и сельского хозяйства и возвращается к буржуазно-ревизионистским теориям о «термидорианском» перерождении пролетарского государства и победе мелкого капиталиста—кулака и частного капитала над крупной и централизованной, как нигде, машинной индустрией социалистического пролетариата, ведущей за собой все народное хозяйство». (Тезисы о работе в деревне, принятые с'ездом). Если оппозиционная «теория», основанная на неверии в строительство социализма, ориентируется на капиталистический путь развития деревни, то партия берет курс на социалистическое развитие, на основе кооперативного плана Ленина, в тесном союзе с социалистической промышленностью, минуя котел капиталистической эксплоатации.

XV с'езд партии, намечая генеральный путь развития советской деревни, вопреки неомеиьшевистским рассуждениям о термидоре и пр., определил настоящий период как **н о в ы й э т а п**, который отличается решительной перегруппировкой классовых сил в пользу **с о ц и а л и с т и ч е с к о г о** сектора хозяйства, в пользу пролетариата и небывалым ростом средств и возможностей для социалистического преобразования сельского хозяйства.

Этот новый этап характеризуется ростом социалистической промышленности, перевалившей довоенный уровень развития и вступившей в полосу реконструкции, ростом и консолидацией промышленного пролетариата. На ряду с тем, в области торговли мы имеем к настоящему времени решающий перевес, а местами и безраздельное господство кооперативных и государственных форм, обеспечивающих за пролетарским государством в общем командное положение на рынке. В условиях концентрации экономической мощи в социалистическом секторе хозяйства государственная промышленность, кооперация, кредит, налоговая, финансовая политика и вообще вся экономическая политика государства превращаются в могучие приводные ремни, которые теперь более, чем когда-либо, в состоянии вертеть маховое колесо социалистического преобразования и хозяйственного под'ема деревни. В самом сельском хозяйстве в настоящее время явственно обозначились как основные противоречия, так и основные рычаги социалистического развития. На ряду с усилением планового начала во всем народном хозяйстве, на ряду с укреплением и ростом его социалистического сектора, в деревне все более обнаруживается процесс борьбы социалистических и капиталистических элементов, выражающийся, с одной стороны, в явлениях дифференциации деревни, а с другой—в росте и укреплении кооперации и различных форм кооперативных производственных об'единений: колхозов, товариществ, коммун и пр.

Борьба между капитализмом и социализмом в деревне идет в условиях быстрого роста социалистических элементов. Так, по данным «Материалов исследования НК РКИ СССР» [1]) за последние два года наблюдается сильный рост колхозов в деревне. Общее количество колхозов в 1926 году увеличилось на 34,4%, по сравнению с 1925 годом, и достигло 3.980 против 2.959 в 1925 году. При чем этот рост падает целиком на долю артелей, товариществ по общественной обработке земли и т. п. первичных об'единений. Количество коммун сократилось с 568 до 538 за те же годы, в виду исчерпания земельных и отчасти инвентарных фондов бывших помещичьих имений и ликвидации слабых и плохо организованных коммун, но вместе с тем сохранившиеся коммуны, несомненно, укрепились и пережили известный процесс хозяйственного оздоровления и усиления крестьянских элементов в своем составе, на ряду с падением % городских и пришлых в деревню элементов. Совхозы, переживавшие в первые годы нэпа кризисный период своего развития, к настоящему времени достаточно окрепли и перешли на начала самокоупаемости и рентабельности производства. Деревенская кооперация, потребительская и с.-х., об'единяет ныне несколько миллионов крестьянских дворов. Таким образом, настоящий период характеризуется тем, что мы имеем все основные условия и предпосылки для того, чтобы шире поставить перед собой задачи социалистического преобразования крестьянского хозяйства. Если непосредственно после введения нэпа основной задачей партии было, по мысли Ленина, оживить путем свободного торгового оборота мелкую промышленность и сельское хозяйство для того, чтобы перейти к восстановлению крупной промышленности, и «учиться торговать», чтобы

[1]) «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства». ГИЗ, 1928.

овладеть оборотом между промышленностью и сельским хозяйством, то в настоящий период, когда народное хозяйство СССР достигло довоенного уровня и переходит в фазу реконструкции, когда торговлей мы в основном овладели, **о с н о в н а я з а д а ч а п а р т и и в д е р е в н е з а к л ю ч а е т с я в т о м, ч т о б ы о б ' е д и н и т ь и п р е о б р а з о в а т ь м е л к и е и н д и в и д у а л ь н ы е к р е с т ь я н с к и е х о з я й с т в а в к р у п н ы е к о л л е к т и в ы.**

Решение этой задачи тем более необходимо, что для основной массы бедного и среднего крестьянства нет выхода из состояния хозяйственного прозябания в условиях распыленного мелкого и мельчайшего хозяйства. С другой стороны, кулак сильнее бедняка и середняка потому, что его хозяйство крупнее, что он бьет бедняка и середняка экономически. Только на основе крупного коллективного хозяйства бедняцко-середняцкая деревня может выйти на дорогу прочного хозяйственного под'ема и обеспечить себе раз навсегда экономическую независимость от кулака.

Глупо было бы, конечно, предполагать, что решение этой задачи возможно в короткий срок, методами наскока и спешки. Только в меру роста материальных и организационных возможностей, только рядом с ростом грамотности и культурного строительства среди крестьянства возможно успешное разрешение этой задачи.

Основным путем для строительства крупного коллективного хозяйства в деревне остается кооперация. Если до последнего времени главное внимание кооперации было направлено на обобществление торгового оборота, то в настоящее время, когда более половины промтоварного снабжения деревни сосредоточено в руках кооперации, когда более $\frac{2}{3}$ с.-х. сбыта также проходит через кооперацию, она должна переходить к работе по обобществлению производства. Кооперация должна уделять все большее внимание кооперированию с.-х. производства в его простейших формах—артелей по общественной обработке земли, машинных и животноводческих товариществ и других форм колхозного движения. Важнейшую роль в деле развития кооперативного производства может и должна сыграть с.-х. индустрия по обработке и переработке с.-х. продуктов. Развитие и укрепление этой индустрии, как индустрии кооперативной, подводит вплотную к обобществлению процессов обработки с.-х. продукции, к индустриализации деревни, а также толкает к обобществлению собственно с.-х. производства.

Одним из важнейших средств воздействия на сельское хозяйство в сторону его кооперирования и под'ема, а также усиления в нем планового начала, является развивающаяся ныне контрактация крестьянской продукции, как форма добровольного об'единения крестьянства через кооперацию с промышленностью. Весьма важным моментом контракции является воздействие через кооперацию на с.-х. производство в смысле лучшей обработки земли, внедрения искусственных удобрений и т. п., что обусловливается обычно в договоре, заключенном между кооперированным производителем и промышленностью.

На ряду с кооперативными формами обобществления и под'ема с.-х., совхозы и широкие государственные мероприятия, как, например, мелиоративные сооружения, ирригационная система, агротехническая помощь, снабжение семенами и удобрениями, борьба с засухой, мероприятия по под'ему ЦЧО и др.,—также являются рычагами для регулирования производственного процесса и орудием поддержки маломощных и середняцких масс.

В своих тезисах и выступлениях троцкистская оппозиция стремилась противопоставить кооперативному плану Ленина план электрификации. Это противопоставление целиком об'ясняется неверием оппозиции в возможность вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию и означает по существу, отказ от ленинского

кооперативного плана. Партия решительно отвергла точку зрения оппозиции. Электрификация страны, в том числе и электрификация сельского хозяйства, означает могучий фактор социалистического переустройства сельского хозяйства, она подводит под него новый и совершенный технический фундамент. Однако, план электрификации и кооперативный план являются неразрывными частями общего плана строительства социализма в нашей стране.

Кооперирование крестьянства и построение крупного коллективного хозяйства через кооперацию невозможно без широкого культурного под'ема крестьянских масс. Поэтому культурная работа в деревне во всех ее формах и проявлениях приобретает выдающееся значение. В деревне в настоящее время до 45% мужского населения безграмотны. Низкий уровень грамотности и культуры является одним из главных препятствий социалистического строительства среди крестьянства. Это положение станет для нас особенно понятным, если мы вспомним, что именно бедняцкие и середняцкие слои крестьянства, на которые мы должны и будем опираться в деле социалистического строительства, наиболее страдают от недостатка грамоты и культуры. Если кулак и зажиточный, благодаря своему лучшему материальному положению, в состоянии послать своего сына в школу, в состоянии купить книгу или выписать газету, то бедняк часто *не в состоянии* это сделать. Малая грамотность и культурность широких бедняцких и маломощных масс деревни ослабляет и обезоруживает эти слои в их борьбе с кулачеством, препятствует вовлечению бедноты в советы, в кооперацию, препятствует развитию социалистических и кооперативных форм хозяйства. Поэтому культурная работа среди бедняцко-середняцких масс деревни является важнейшей составной частью борьбы с кулацким влиянием в деревне, за новые формы хозяйства, за хозяйственный под'ем бедняцких и маломощных слоев крестьянства. Не останавливаясь на тех достижениях, которые мы имеем на культурном фронте деревни за последние годы, необходимо во много раз усилить эту работу, чтобы изменить существующее положение, охарактеризованное особенно ярко в выступлении на с'езде т. Н. К. *Крупской*. «Конечно,—говорила т. Крупская,—сейчас культурный уровень в деревне совершенно другой, чем был еще несколько лет назад. Тут сказывается целый ряд влияний: и через Красную армию, и через шефство, через множество других путей деревня становится культурной. Но вот в смысле овладения практическими знаниями, которые так нужны деревне,—в этом отношении дело обстоит еще очень плохо. Вот агитпроп ЦК произвел обследование нескольких волостей. Возьмем одну из них в Воронежской губернии. Сколько там селений? 144 селения. А учреждениями политпросвета сколько обслужено? Не обслужено 131,—значит только 13 селений обслужено учреждениями политпросвета—и какими? Не только избами-читальнями, но и красными уголками, т.-е. самой первоначальной формой политпросветучреждений. И такое положение дел не просто печальное исключение, это скорее правило».

Успешное выполнение задачи об'единения и преобразования индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, этой *основной задачи* работы в деревне на предстоящий период, невозможно без того, чтобы все возможные средства и рычаги, имеющиеся в распоряжении государства: торговля, кредит, финансы и пр., были использованы для этой цели, а также, чтобы работа кооперации и всех государственных организаций, работающих в деревне, была поставлена на должную высоту и целиком проходила под этим основным лозунгом партии. XV с'езд особо остановился на состоянии и недостатках практической работы в деревне, мешающих достижению поставленных задач и извращающих партийную линию.

«При всей правильности общей политики, — гласит решение XV с'езда,—при все растущей мощности воздействия на сельское хозяйство со стороны пролетарского государства, его органов, кооперации, необходимо отметить ряд крупнейших недостатков, ошибок, искривлений, иногда и вопиющих нарушений политической линии партии». Партийный с'езд решительно, по-ленински вскрыл имеющиеся в работе советских органов и организаций недостатки и нарушения политической линии партии, невзирая на беспардонную демагогию оппозиции, пытавшейся ссылками на эти отдельные ошибки оправдать свой печально-знаменитый тезис о термидоре, о перерождении партии и советского государства. Указания на эти ошибки, беспощадное их разоблачение служат прочной гарантией того, что они будут исправлены и устранены в дальнейшей работе.

Особенно вредными нарушениями директив партии являются случаи недостаточного внимания советских органов и организаций к стоящим перед ними задачам проведения правильной пролетарской политики в деревне. Эти случаи имели место как в работе госорганов, так и кооперации. Земельные органы местами не давали должного отпора притязаниям кулачества, а местами и прямо потакали этим притязаниям при распределении с.-х. машин, с.-х. кредита, применении аренды, при проведении землеустройства. Точно так же органы Наркомфина не всегда достаточно учитывали все облагаемые доходы кулацких групп. Не всегда осуществляли достаточный налоговый нажим на кулацкую верхушку деревни.

В кооперации XV с'езд также отметил ряд нездоровых явлений, выражающихся в относительной слабости кооперированности бедноты и непропорционально высокой кооперированности зажиточного крестьянства, в недостаточном вовлечении бедноты в выборные органы кооперации и в допущении в эти органы кулаков.

Следует отметить, что оппозиция в своей борьбе против партии всячески пыталась изобразить деревенскую кооперацию, как кулацкую. Однако, материалы и данные, имевшиеся в распоряжении с'езда свидетельствуют обратное. Несмотря на меньший процент кооперированности бедноты и на больший процент кооперированности зажиточной группы крестьянства, социальный состав самой кооперации в основном бедняцко-середняцкий. Так, по данным цитированных выше «Материалов исследования НК РКИ СССР» за 1926 год, основанным на обследовании 35 товариществ, свыше 90% входящих в кооперацию хозяйств относится к маломощным и середняцким (стр. 188). Тем не менее, указание с'езда партии на необходимость усиления кооперирования низших групп крестьянства является совершенно своевременным, так как дальнейший рост кооперации упирается в проблему вовлечения бедноты и маломощных в кооперацию. В деле машиноснабжения и кредитования крестьянства у кооперации наблюдались те же недостатки, что и у госорганов. Партийный с'езд обратил также внимание кооперации на факт существования различных лжекооперативов, по существу прикрывающих своей вывеской кулацкие «товарищества», и на необходимость вовлечения в общую систему кооперации существующих «диких» кооперативов. Особо были отмечены случаи недоучета значения кооперации, как организации масс с целью обобществления с.-х. производства, со стороны государственных заготовительных организаций. По директиве с'езда, имеющиеся извращения классовой политики партии в работе государственных и кооперативных организаций, случаи пренебрежения задачами социалистического строительства в угоду узковедомственным соображениям и интересам, должны быть устранены и исправлены. Перед государственными и кооперативными организациями XV с'езд поставил задачу укреплять и повышать *социалистическое качество их работы*. Только на этом

пути наши организации смогут быть действительно рычагами социалистического преобразования деревни.

Успешная работа по строительству социализма в деревне возможна лишь методами убеждения и поощрения, но отнюдь не методами принуждения, лишь на основе добровольного и сознательного участия и заинтересованности в нем широких масс крестьянства. XV с'езд партии решительно предостерегает от малейших попыток принуждения и насилия в деле внедрения новых хозяйственных форм. Только умелая, терпеливая работа, только уважение и чуткость к повседневным нуждам и запросам крестьянства могут дать положительные результаты на пути осуществления наших задач.

Превращение мелкого и распыленного крестьянского хозяйства в крупное и коллективное невозможно без общего под'ема его производительных сил и роста благосостояния крестьянских масс. Отмечая восстановление основных отраслей с. х. до довоенного уровня (к р о м е зернового хозяйства, которое еще не достигло довоенных размеров), рост техники и культуры в сельском хозяйстве, XV с'езд партии одновременно констатировал сравнительно слабый темп и низкий уровень его развития. Последнее об'ясняется тем тяжелым наследием, которое получило наше с. х. от царско-помещичьего режима, и его чрезвычайной распыленностью. Низкий уровень урожайности, рабская зависимость от природных условий, малая товарность, недостаток с.-х. инвентаря и скота у маломощной части крестьянства, неустроенность значительной части земли, тяжелое бремя аграрного перенаселения—характеризуют современное состояние деревни. Поэтому широкая система мероприятий по повышению урожайности, по проведению землеустройства, снабжению с.-х. инвентарем маломощной части крестьянства, по интенсификации и индустриализации сельского хозяйства нашла свое выражение в решениях с'езда. Так, например, XV с'езд постановил «провести землеустройство бедняцких и маломощных слоев крестьянства за счет государства», увязав проведение землеустройства « с другими организационно-хозяйственными мероприятиями (агропомощь, кредит, мелиорация, машиноснабжение и т. д.)» и «сократить принятый по плану срок окончания землеустроительных работ по СССР».

Мероприятия по под'ему сельского хозяйства невозможно отделить от работы по его коллективизации. Социальная и техническая реконструкция сельского хозяйства являются двумя сторонами одного и того же процесса. Если без общего хозяйственного под'ема сельского хозяйства немыслимо его обобществление, то и прочный, длительный под'ем невозможен на базе мельчайших и распыленных хозяйств, к тому же находящихся в процессе дальнейшего дробления в связи с ростом крестьянского населения и низким уровнем развития производительных сил деревни.

К особенно болезненным явлениям современной деревни следует отнести аграрное перенаселение, т.-е. избыток рабочих рук, не находящих себе трудового применения в сельском хозяйстве. Это явление об'ясняется общей отсталостью страны и низким уровнем развития производительных сил деревни, установившимся за время господства царско-помещичьего строя. Аграрное перенаселение может быть изжито как путем усиленного развития промышленности и кустарных промыслов, так и путем интенсификации сельского хозяйства, т.-е. внедрения трудоемных культур и развития животноводческих его отраслей. Поскольку ликвидация аграрной перенаселенности деревни возможна лишь на базе под'ема благосостояния и производительных сил деревни, интенсификация сельского хозяйства может оказать свое благотворное влияние только на основе повышения производительности с.-х. труда, т.-е. внедрения лучших способов обработки земли, механизации этой обработки земли и индустриализации деревни. Таким образом, интенсификация сельского хозяйства, на ряду с введением современных способов производства, представляет собою одно из основных средств для борьбы с аграрным перенаселением деревни. Другим отрицательным явлением следует считать так называемые «ножницы», т.-е. расхождение цен на продукты промышленности и сельского хозяйства. XV с'езд партии подчеркнул еще раз необходимость сжатия «ножниц» для ускорения темпа развития сельского хозяйства.

В своих решениях XV с'езд особо отметил необходимость ликвидировать существующую неземлеустроенность деревни, ибо без правильного землеустройства невозможен переход от дедовского трехполья к многопольному севообороту и невозможна вообще рациональная организация крестьянского хозяйства.

Осуществление намеченной с'ездом широкой программы мероприятий по под'ему бедняцко-середняцкой деревни является одной из важнейших предпосылок для выполнения основной задачи работы в деревне—организации крупного коллективного земледелия.

На ряду с проблемами организации крупных коллективных хозяйств и общего под'ема производительных сил сельского хозяйства, XV с'езд рассмотрел также вопрос о соотношении рабочего класса и различных групп крестьянства. Как мы упоминали выше, советская деревня развивается, как середняцкая в основной массе крестьянства. Социальный результат Октябрьской революции, выразившийся в п о р а в н е н и и крестьянства в условиях советской экономики, остается и останется на предстоящий период решающим фактором социальной структуры деревни. Консолидация средних групп крестьянства, происходящая в деревне, говорит о том, что середняк является ее центральной фигурой. Поэтому, задача партии и рабочего класса состоит в том, чтобы у к р е п и т ь с о ю з с с е р е д н я к о м, избегать всячески ошибок, которые могли бы этот союз поколебать в какой-либо степени.

В решениях XV с'езда особое внимание обращено на происходящий в деревне процесс дифференциации, выражающийся в пролетаризации части беднейшего крестьянства и в известном росте кулачества.

Развитие этого процесса неизбежно в условиях нэпа, в условиях мелкого частного хозяйства. Поэтому XV с'езд партии на предстоящий период во весь рост поставил задачу развивать и усилить наступление против кулачества, принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне, и усилить помощь бедняцким и маломощным слоям крестьянства. Такие мероприятия, как ограничение срока аренды до 6 лет, борьба с кабальными формами арендных отношений, борьба против попыток подрыва национализации земли, лишение кулачества избирательных прав в земельных обществах и др., несомненно, должны явиться сильнейшим оружием против капиталистической верхушки деревни. Решения с'езда о проведении землеустройства бедняцких и маломощных хозяйств за счет государства, об организации помощи этим хозяйствам в области агротехнических мероприятий, кредита, мелиорации, машиноснабжения, организации страхования маломощного крестьянства должны содействовать хозяйственному под'ему деревенской бедноты, высвобождению ее от пут кулацкой эксплоатации. Особые решения приняты с'ездом по организации и обеспечению интересов наемного труда в деревне.

Для проведения всех мероприятий по дальнейшему развертыванию борьбы с кулачеством партия и рабочий класс в настоящий период социалистического строительства имеют все необходимые для того условия и предпосылки. За последние два года после XIV с'езда и на основе его решений, на основе роста социалистической промышленности, сельского хозяйства мы имеем укрепление союза рабочего класса со средним крестьянством, оживление работы советов, усиление отхода середняков от кулачества. Партия достигла этих успехов после XIV с'езда только в условиях реши-

тельной борьбы против оппортунистического антисередняцкого уклона оппозиции. На основе достигнутых успехов, партия переходит к дальнейшему усиленному наступлению на кулачество.

Методы и формы этой борьбы с кулачеством не имеют, однако, ничего общего с оппозиционными предложениями о принудительном хлебном займе для 10% крестьянства и т. п. ибо эти предложения страдают тем «маленьким» недостатком, что они направлены, по существу, также и против середняцкой части деревни, что они тащат партию и рабочий класс назад, к методам военного коммунизма. Неверие оппозиции в возможность построения социализма в нашей стране и в кооперативный план Ленина толкает ее невольно на путь «героических» выступлений и «сверхреволюционных» жестов в отношении борьбы с кулачеством. Характерной чертой всех предложений оппозиции в этом вопросе является их авантюрность и поверхностность. В самом деле, такое предложение оппозиции, как принудительный хлебный заем, отнюдь не открывает какой-либо перспективы действительного искоренения кулачества в деревне или устранения почвы для появления и роста кулака, но может означать лишь экспроприацию известной доли средств у зажиточной и середняцкой части деревни. Эта мера, сверхгероическая по виду, вовсе не разрешает проблемы расслоения деревни, проблемы искоренения капиталистических элементов деревни. Наоборот, выдвинутая с'ездом партии задача социалистического преобразования крестьянского хозяйства является той программой, работа над осуществлением которой единственно может обеспечить социалистический путь развития деревни и, следовательно, сможет уничтожить всякую почву для произрастания кулака и капиталиста.

Выдвигая организацию крупных коллективных хозяйств, как основную задачу социалистического строительства в деревне, партия всемерно подчеркивает необходимость ограничивать рост кулацких элементов деревни, бороться против эксплоататорских тенденций кулачества, помогать под'ему бедняцких и маломощных хозяйств. Но в то время как оппозиция ничего не предложила, кроме «сверхреволюционных» наскоков на кулачество (и на середняка тоже), партия развернула на своем с'езде, на ряду с системой мер по проведению классовой политики в отношении разных групп крестьянства, широкую положительную программу социалистического переустройства сельского хозяйства на основе ленинского кооперативного плана. Имея в виду эту перспективу, партия решительно отвергла авантюристические методы и формы, предложенные паникерами от оппозиции якобы для борьбы с кулацкой опасностью. А для оппозиции, именно в виду полной утери ею перспективы социалистического развития, ничего не осталось, как только уцепиться за ликвидаторский, троцкистский тезис—«или военный коммунизм, или капитализм». Не поддаваясь оппортунистическим уклонам, не смущаясь меньшевистскими «теориями» о перерождении, термидоре и пр., партия взяла на XV с'езде твердый ленинский курс на социалистическое преобразование деревни, на усиление наступления против кулачества в тесном союзе с середняком, опираясь на бедняцкие и маломощные слои крестьянства.

Большое значение отведено XV с'ездом политической работе партии в деревне—и прежде всего работе по оживлению советов, «как центров политического воспитания крестьянства под руководством пролетариата».

Тов. Молотов в своем докладе весьма ярко охарактеризовал значение работы по оживлению советов. «... По отношению к крестьянству, по отношению к массе бедняков и середняков мы не можем подходить как к какому-то об'екту советского строительства, не можем допускать того барского, того буржуазного отношения к крестьянству, которым пропитана идеология троцкизма. Крестьянин бедняк и середняк—не об'ект нашего строительства. Трудящийся крестьянин наш союзник в строительстве социализма, он—суб'ект строительства, он активный и все более сознательный участник строительства социализма... Отсюда следует и неизбежный вывод о правильности лозунга оживления советов. Мы оживляем советы потому, что нам абсолютно необходимо вовлечение в дело активного социалистического строительства миллионов и миллионов бедняков, батраков и массы середняков, той массы, которая составляет основную часть, центральное звено нашей теперешней деревни».

XV с'езд обратил внимание партии на работу по организации беспартийного бедняцко-середняцкого актива вокруг советов, на вовлечение в этот актив крестьянок и батрачек и на выдвижение их на руководящую работу в советах. В предстоящей кампании по перевыборам советов необходимо вовлечение в кампанию широкой массы бедняцко-середняцких слоев и проведение со всей строгостью исключения из избирательных списков кулацких и других антипролетарских элементов в согласии с избирательной инструкцией. Партийный с'езд также дал директиву об обеспечении руководящей роли советов в деревне по отношению к земельным обществам и лишении права голоса в земельных обществах исключенных из списков избирателей советов. Умелое проведение всюду в жизнь последнего решения с'езда гигантски усилит роль советов в деревне, превратит их в руководителей всей политической и хозяйственной жизнью деревни и означает решительное наступление на кулацкие элементы деревни там, где они верховодят в земельных обществах.

Выполнение задач, намеченных XV с'ездом, требует особого внимания всей партии и всех советских организаций к деревенской работе. Принятые XV с'ездом партии организационные мероприятия по вовлечению в деревенские организации партии батрацкого и бедняцкого актива, по оформлению и укреплению существующих бедняцких групп при советах и кооперативах, по усилению новыми партийными силами кооперативных и советских органов для обеспечения партийной линии в их деревенской работе и пр.—должны помочь партийным и всем советским организациям стать лицом к работе по социалистическому преобразованию деревни.

Для того, чтобы прочно и быстро двинуться вперед в деле об'единения крестьянских хозяйств в крупные коллективы, надо бесповоротно и раз навсегда отказаться от невнимательного отношения к уже существующим и развивающимся часто стихийно социалистическим элементам нашей деревни. Коллективизация крестьянского хозяйства ныне не только общий лозунг, программное положение, но задача практической повседневной работы. Об этом гласят решения XV с'езда партии, этого требует советская деревня, ищущая путей к под'ему своего хозяйства.

Вся работа партии, советских и кооперативных организаций над разрешением задач, выдвинутых XV с'ездом, будет проходить, разумеется, не в безвоздушном пространстве, не всегда гладко и ровно, а в условиях противоречий и трудностей нашего развития. Ярким доказательством тому служат текущие хозяйственные затруднения, связанные с неудачами в области хлебозаготовок. Вполне понятно, что в моменты подобных затруднений львиная доля внимания и энергии партии, государства и кооперации должна быть направлена на устранение текущих неувязок нашей хозяйственной жизни. Однако, временные затруднения и неудачи не должны целиком заслонять собою задач, выдвинутых XV с'ездом партии. Преодолевая трудности на пути нашего хозяйственного развития, мы будем строить и построим новую, социалистическую деревню.

А. Слепков.

Орудие победы.

(К исторической роли чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией).

Исполнилось десять лет существования Чрезвычайной Комиссии—ГПУ, сыгравших в истории пролетарской революции в России столь значительную и почетную роль.

Чрезвычайные органы по борьбе с контрреволюцией были и являются неот'емлемым и существеннейшим элементом пролетарской диктатуры.

Диктатура пролетариата есть, прежде всего, орган классового насилия над вековыми насильниками и эксплоататорами, и сама эта сущность диктатуры, естественно, предполагает специальные органы по борьбе с контрреволюцией, пытающейся сохранить эксплоататорский строй всеми средствами, в том числе и путем военного подавления.

Вполне естественно поэтому, что оппортунисты всех мастей и всех оттенков, пытающиеся доказать антиреволюционность чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией, не могут подойти к разрешению этой своей задачи без попытки дискредитировать самоё диктатуру пролетариата в ее целом, сам принцип диктатуры пролетариата, обоснованный Марксом—Энгельсом и Лениным.

Оппортунисты противопоставляют диктатуре пролетариата буржуазную демократию. В последней они усматривают венец политического развития, последнюю они рассматривают, как политическую форму непосредственного движения к социализму.

Особенно отчетливо эта позиция социал-реформизма выявилась в самое последнее время.

На всегерманском с'езде социал-демократии в Киле (май 1927 г.) идеолог II Интернационала Р. Гильфердинг «доказывал», что вообще нельзя говорить о буржуазной демократии, что в природе вообще не существует буржуазной демократии, что формальная политическая демократия, осуществляемая в странах господства капитализма, является формой народовластия, формой господства рабочего класса и трудящихся масс вообще.

«Свободное» соревнование социально-политических сил буржуазного общества на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, на основе парламентской демократии, — по Каутскому и Гильфердингу, — может и должно привести—и уже, якобы, приводит — к государственному господству пролетариата и широких масс трудящихся.

Правда, Гильфердинг и Каутский не смогут теперь об'яснить нам, почему, например, буржуазные энциклопедисты еще в конце XVIII века считали идеологию формальной политической демократии своей идеологией, равно как и тот факт, что во Франции, Америке и др. странах всеобщее, прямое, равное и тайное голосование существует длинный ряд десятилетий, — а факт политического господства буржуазии в этих странах не подвергается сомнению даже со стороны социал-демократов. Хороша же «небуржуазная», «антибуржуазная» «демократия», которая в течение многих десятилетий является формой господства буржуазии — и только буржуазии. Ибо где же дана власть рабочих в условиях формальной политической демократии?

Но что чрезвычайно характерно, так это то, что, по сути дела, в современном капиталистическом обществе формальная политическая демократия все больше сходит на-нет. Дело не только в том, что формальная политическая демократия неизбежно является в условиях экономического господства капитала, формой буржуазного господства, но и в том, что сама буржуазия, в интересах подавления сил революции, все более решительно попирает принципы формальной буржуазной демократии, считая последнюю изжитой формой своего классового господства, формой, не отвечающей требованиям новой эпохи.

На это обстоятельство указывал Ленин еще в 1918 году в своей брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Он писал:

> «Ученый господин Каутский «забыл», вероятно, случайно забыл... «мелочь», именно: что охрану меньшинства господствующая партия буржуазной демократии дает только другой буржуазной партии, пролетариату же при всяком серьезном, глубоком, коренном вопросе вместо «охраны меньшинства» достаются военные положения или погромы.
>
> Чем больше развита демократия, тем ближе бывает при всяком глубоком политическом расхождении, опасном для буржуазии, к погрому или к гражданской войне.
>
> Этот «закон» буржуазной демократии ученый господин Каутский мог бы наблюдать на деле Дрейфуса в республиканской Франции, на линчевании негров и интернационалистов в демократической республике Америке, на примере Ирландии и Ульстера в демократической Англии, на травле большевиков и организации погромов против них в апреле [1]) 1917 г. в демократической республике российской».

Этот диалектический «закон буржуазной демократии», несомненно, еще более властно обнаружил себя в последующее после 1918 года время обостренной классовой борьбы.

Если дать себе отчет в том, что эпохе войн и революций, которую переживает современное человечество, имманентно свойственны «глубокие политические расхождения, опасные для буржуазии», — что неоднократно подчеркивал Ленин,—то нетрудно понять, что в эту эпоху формальная политическая демократия, политическое «фритредерство» все более часто уступают место в арсенале буржуазной политики — «погрому или гражданской войне».

История классовой борьбы за послевоенное время целиком и полностью оправдала это положение.

Вспомните, как «связывали» себя формальной политической демократией белогвардейцы всех формаций, пытавшиеся при поддержке мирового империализма задушить Советскую Россию! Или как «молились» Фемиде режима, основанного на «всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании», контрреволюционные мясники в Венгрии, Финляндии, Германии, где уду-

[1]) По всей видимости, здесь у Ленина описка; надо читать: «в июле».

шение рабочей революции производилось путем массовых расстрелов пролетарских революционеров-большевиков без суда и следствия!

Шейдеманы и Носке могли бы достаточно убедительно рассказать, — и кое-что уже рассказали, — как мало они сами, в борьбе за сохранение режима буржуазной диктатуры, склонны связывать себя нормами формальной политической демократии!

А разве за последние годы исторического развития не выявляются в крупнейших странах контуры буржуазного диктаторского режима, «завершающего» буржуазную государственность и вносящего существенные «коррективы» в буржуазно-парламентарный режим?

Разве перевод компартий на нелегальное и полулегальное положение, равно как и разгром рабочих организаций в различных странах буржуазной демократии, не являются достаточно красноречивыми показателями того, что формальная политическая демократия увенчивается «погромами и гражданской войной».

Разве рост фашизма не следует рассматривать, как доказательство того же самого? Так обстоит дело в действительности, чтобы ни говорили социалистические мещане; так обстоит дело потому, что переживаемая нами эпоха характеризуется «глубокими политическими расхождениями, опасными для буржуазии», потому, что буржуазия, теряющая почву под ногами, пытается удержать власть в своих руках «железом и кровью».

В революционную эпоху в течение месяцев, недель, и дней совершаются такие события, которые затем пережевываются историей в течение долгого ряда десятилетий. «Революции, — говорил Маркс, — локомотивы истории». Перепластования классовых сил происходят в течение месяцев, в течение недель меняются политические кон'юнктуры, дни решают исход больших классовых сражений. Совершенно естественно, что в такой обстановке старые традиционные формы классовых организаций, приспособленные к «органической» полосе, не могут справиться с новыми задачами. Буржуазия создает чрезвычайные организации классового насилия, более гибкие и подвижные, концентрирующие ее классовую мощь, не связывающие себя в борьбе против пролетарской революции никакими нормами «обычного» буржуазно-парламентского строя.

Что касается пролетариата, то сама задача борьбы за власть требует от него, по мере успехов движения, создания диктаторских органов власти, принципиально отрицающих буржуазную демократию, ее конституцию и нормы, уничтожающих режим буржуазной демократии, подавляющих отчаянно борящуюся за сохранение власти контрреволюцию и обеспечивающих строительство социализма.

В системе этих органов диктатуры, особенно в первых этапах революции, первостепенное значение приобретают чрезвычайные органы по борьбе с контрреволюцией, подвижные и гибкие, быстро реагирующие на действия контрреволюционных сил и располагающие чрезвычайными правами во имя победы революции.

Подобные органы существовали в историческом прошлом всюду, где осуществлялась революционная диктатура, прежде всего, во Франции.

Мы останавливаемся на Франции не случайно. Недаром Энгельс писал в предисловии к марксову «18 Брюмера Луи Бонапарта».

> «Во Франции более, чем в какой-либо другой стране, историческая борьба классов каждый раз доводилась до решительного конца, и потому сменяющиеся политические формы, внутри которых развивается эта борьба, и в которых резюмируются ее результаты, всегда отливались в самые резкие очертания».

Обратимся, прежде всего, к Великой французской революции.

Решающий удар феодализму во Франции был нанесен, как известно, не властью крупной буржуазии, а мелкобуржуазной диктатурой якобинцев. Эта диктатура вынуждена была, разумеется, прибегать к революционному насилию над политическими врагами из лагеря реакции, отчаянно сопротивлявшимися перевороту и пытавшимися реставрировать старый режим. Стихийно возникавшие чрезвычайные органы по борьбе с контрреволюцией легализировались Конвентом. Так было, напр., с так наз. наблюдательными комитетами, которые, согласно декрету Конвента от 17 сентября 1793 г., получили наименование революционных комитетов (в Париже их так называли и до этого декрета). Революционные комитеты, которым была предоставлена вооруженная сила, «обязаны были составлять, каждый в своем округе, списки подозрительных лиц, издавать приказы об их аресте и налагать печать на их бумаги». (См. Олар. «Полит. ист. франц. револ.», Госиздат, 1918, стр. 240).

Чтобы читатель мог почувствовать роль этого типа организаций, мы приведем одну иллюстрацию. Перед нами сборник «Революционный Трибунал в эпоху Великой французской революции». (Воспоминания современников и документы. Редакция проф. Е. В. Тарле. Часть первая. Издательство «Былое», 1918).

Политическое лицо редактора этого сборника, высланного ГПУ из СССР за контрреволюционную деятельность, достаточно хорошо известно, чтобы о нем еще нужно было говорить. Вполне понятно, что подбор материалов в этом сборнике, изданном в 1918 г. с определенной политической установкой «доказать», как вредно «насилие» восставших масс над вековыми насильниками, — весьма тенденциозен и односторонен. Тем не менее, все же, даже в кривом зеркале реакционных мемуаристов можно увидеть, что массы, делавшие революцию, нащупывали весьма конкретные формы учета враждебных революции сил и предотвращения выступлений с их стороны. Вот, напр., характерная сценка, изображающая, как аббат Мореллэ (Morellet) хлопотал в революционном комитете в сентябре 1793 года о выдаче ему свидетельства о благонадежности (certificat de civisme), без которого трудно было пройти по улицам Парижа того времени.

> «Председатель, — по словам аббата Мореллэ, — спрашивал: «имеется ли кто-нибудь, кто бы знал гражданина и ручался за его благонадежность?». Если никто не отвечал, что случалось довольно часто, то председатель говорил: «Отложить». Если кто-нибудь из советников Коммуны говорил: «Я знаю гражданина и я ручаюсь за него», то председатель говорил: «Выдать».
>
> Вызвали меня. В тот момент, когда я поднимался на эстраду, председатель задал вышеприведенный вопрос и, не слыша, чтобы кто-либо ручался за меня, так как в это время среди членов совета не было никого из моей секции и сам он, хоть и принадлежал к ней, но не знал меня, снова взял слово и сказал собранию: «Я слышу, как мне шепчут на ухо, что благонадежность этого гражданина подозрительна...». Едва только председатель поднял вопрос о сомнении в моей благонадежности, как из среды Совета Коммуны поднялся человек и сказал: «Гражданин председатель, я высказываюсь против выдачи свидетельства о благонадежности гражданину Мореллэ, т. к., сколько я помню, лет пятнадцать или шестнадцать тому назад, он написал апологию деспотизма».
>
> При этом обвинении я попросил слова и, обращаясь к своему обвинителю, сказал ему, что не знаю даже заглавия труда, который он ставит мне в вину; что если и существует подобный труд, то нет оснований думать, что он написан мною: что я не только никогда не писал

в защиту деспотизма, но я провел всю свою жизнь, защищая дело народа и свободы, свободы промышленности и торговли, свободы слова и печати и свободы религиозных взглядов, а с приближением революции я защищал право третьего сословия на двойное представительство и пр. После некоторого обмена мнений между мною и моим обвинителем, взял слово председатель и произнес: «Отложить до той поры, пока комиссары не дадут отчета о трудах гражданина Мореллэ; а этими комиссарами будут граждане Виалар, Бернар и Парис». (См. указанный сборник, стр. 40—41).

Отвлекаясь от того, был ли виновен аббат Мореллэ в написании «апологии деспотизма», мы не можем не отметить, что отношение к лицам, внушающим подозрение с точки зрения политической безопасности якобинской диктатуры, было, судя по этому рассказу, весьма строгое; редактор сборника не без сарказма отмечает, что аббат Мореллэ так и не получил свидетельства о благонадежности.

Положительная роль революционных комитетов в борьбе с силами воинствующей реакции признается даже таким политически-умеренным буржуазным историком, как Олар.

«Надзор революционных комитетов, — пишет он, — окутал всю Францию как бы мелкой сетью, в которую попались и были прикреплены к месту жительства противники революции и заговорщики всякого рода. Неприсягнувшие священники, агенты эмигрантов и иностранных держав, жирондисты и федералисты были в высшей степени стеснены в своих предприятиях против республики или Горы этими бдительными группами, сторожевые посты которых преграждали днем и ночью все пути сообщения, проверяли паспорта и цивические сертификаты (свидетельства о благонадежности), при чем при малейшем подозрении бросали в тюрьмы местных жителей или проезжих. Если вандейскому восстанию не удалось слиться с чужеземным нашествием, если роялистский мятеж не мог распространиться настолько, чтобы оказать помощь австрийским, английским и испанским армиям, то этим Франция обязана отчасти революционным комитетам». (Олар, «Политическая история Французской революции», Петроград, 1918, стр. 241).

Олар вынужден признать, что революционные комитеты помешали об'единению внутренней и внешней контрреволюции; он вынужден отдать им должное в деле борьбы с силами реакции.

Особую роль в системе чрезвычайных органов якобинской диктатуры по борьбе с контрреволюцией играл Революционный Трибунал, просуществовавший около 15 месяцев (1793—1794 гг.) и вынесший за это время 2.596 смертных приговоров. (Олар, «Полит. ист. Франц. рев.», стр. 248).

Революционный Трибунал, решения которого, в общем, определялись якобински настроенными присяжными заседателями, не один раз выступал, как исторически важный фактор, о значительности которого говорили во всем мире: где с чувством трудно-скрываемого ужаса, а где с чувством растущей ненависти против эксплоататоров.

Этот Трибунал приговорил к смертной казни королеву Марию-Антуанетту. «Антуанетту, — заявил перед приговором председатель Трибунала Эрман, — обвиняет французский народ; все политические события последних лет свидетельствуют против нее». А один присяжный «простолюдин» Трибунала Трэншар так мотивировал казнь Марии-Антуанетты:

«Я уведомляю тебя, мой брат, что я был одним из присяжных, которые судили хищного зверя, который сожрал большую часть республики, ту, которую называли бывшей королевой».

Редактор используемого издания брезгливо морщится, когда приводит это письмо: он называет его «непередаваемым на русский язык по своей безграмотности».

В нем возбуждает возмущение грубость представителя восставших низов. В этой же связи он приводит заголовок из 229 № «Отца Дюшена», где вождь левого крыла якобинцев Гебер, пишет:

«Величайшая радость из радостей отца Дюшена после того, как он увидел собственными глазами голову самки veto, отделенную от ее... шеи потаскухи».

Конечно, мягкостью и салонной деликатностью этот стиль не отличается, но, ведь, речь идет о революции, в которой класс против класса встает с оружием в руках, о революции, творцом которой выступила улица, выступили народные низы, опрокидывающие режим загнившего абсолютизма. И именно потому, что в заседаниях Трибунала непрерывно стоял гул парижской улицы и чувствовалась воля народных низов, — именно поэтому его так ненавидели реакционеры.

Трибунал приговорил к смертной казни убийцу Марата Шарлотту Кордэ, которая на вопрос: «Неужели вы думаете, что убили всех Маратов?», ответила: «Раз умер этот, другим будет страшно».

Этот Трибунал казнил жирондистов,—кадетов эпохи Великой французской революции, — исключенных из Конвента за контрреволюционность и переданных на суд присяжных Трибунала. Когда процесс, в силу формальных задержек, грозил затянуться, левый якобинец Гебер внес в клубе якобинцев предложение, «отправить в Конвент депутацию с просьбой закончить суд над Бриссо и его соумышленниками в течение суток». Оратор Одуэн, защищавший в Конвенте это предложение, заявил:

«Граждане-представители, всякий раз, как общество друзей свободы и равенства испытывает тревогу, оно идет высказать ее на вашем лоне. Не удивляйтесь этому. С той поры, как враги не находятся больше в наших рядах, здесь, как и у якобинцев, мы пребываем среди друзей свободы и равенства. Вы создали революционный Трибунал, уполномоченный карать заговорщиков. Мы полагали, что увидим, как этот Трибунал, раскрывая преступления одной рукой, станет поражать его другой рукой, но он все еще порабощен формами, компрометирующими свободу. Когда арестован виновный, совершивший убийство, надо ли нам считать число ран, нанесенных им своей жертве, чтобы убедиться в его преступлении? Прекрасно! Но разве труднее судить преступления депутатов? Разве мы не видели скелет федерализма? Убитые граждане, разрушенные города, — вот их преступления! Чего ждут для гибели этих чудовищ? Не того ли, чтобы утонули в крови народа? Тот день, который осветит государственное преступление, не должен больше давать света заговорщикам. На вашей стороне максимум общественного мнения, разите же! Мы предлагаем вам:

1. Освободить революционный Трибунал от формальностей, которые глушат совесть и мешают убеждению.

2. Добавить один закон, который позволил бы присяжным заявлять, что они достаточно познакомились с делом; тогда, и только тогда, предатели будут поражены, а террор будет в порядке дня». Сборник документов «Революц. Трибунала в эпоху Вел. франц. рев.», под ред. Е. Тарле).

Декрет, изданный Конвентом по этой инициативе, дал возможность ускорить исход процесса, и через несколько дней жирондисты были казнены.

Но Трибунал карал не только заговорщиков и активных организаторов контрреволюции; он карал также и за агитацию против диктатуры, за контрреволюционные речи.

Вот, к примеру, несколько осужденных Трибуналом:

1. Конституционный священник Жан-Батист Франсуа Гишар, призывавший к восстановлению королевской власти, пытавшийся опорочить конституционные власти; «он призывал нож убийц на головы депутатов Конвента, голосовавших за смерть тирана; он отказывался читать во время проповеди послания конституционного епископа и декреты национального Конвента, в нарушение закона от 4 декабря 1792 года; он устроил крестный ход в честь Людовика XIII» и т. д., и т. п.

2. Иоахим Пишлен, гренадер 29 пехотного полка, и Ж.-Т. Никло, капрал того же полка, привлечены за то, что кричали в гостинице: «Да здравствует король! Да здравствует Антуанетта!», и когда расплачивались по счету, то, давая ассигнации, говорили: «Вот деньги твоей г.... республики». Один из них, похлопывая себя по голове, сказал: «Если бы таких голов было много, то Конвент улетел бы к чорту».

3. Мария Шаль, вдова Франсуа Фонтэн-Мэрве, б. дворянка, старая женщина, подозреваемая в связи с эмиграцией. У нее нашли в бумагах панегирик королю, написанный графиней Бофор: «Королю, носящему красный колпак».

«Людовик, этим колпаком, детищем кровожадной партии, нисколько не уничтожена наследственная корона, венчавшая твое благородное чело. О, смелый, чувствительный и гуманный король, весь мир, восхищаясь тобой, повторяет: «В твоей руке все становится скипетром, а на твоей голове все становится короной». Кроме того, у нее найдены письма, «не содержание ничего, кроме фанатизма и ройялизма». (Там же).

Мы взяли все эти иллюстрации мелких дел из указанного выше сборника. Как ни незначительны эти дела по сравнению с большими процессами, но они, так сказать, пахнут временем, к которому они относятся. Трибунал тщательно следил за проявлениями контрреволюционности и пресекал их в зародыше. В этом смысле он сослужил революции большую службу.

Однако, мелкобуржуазная диктатура секла головы не только направо, но и налево. В этом заключались ее историческая трагедия и источник ее непрочности. Революционный Трибунал казнил не только ройялистов, но и гебертистов. В эпоху Великой французской революции не было дано организованного пролетариата и не было ни пролетарской диктатуры, ни ее зародыша; а левые элементы, тянущиеся своей идеологией к пролетариату, посылались Робеспьером на эшафот.

Парижская Коммуна, в известном смысле, была, по сравнению с Великой французской революцией, шагом вперед. Но и она не дала образцов выдержанной пролетарской политики, вообще, и в области борьбы с контрреволюцией в частности.

Если Парижская Коммуна в социально-экономическом отношении подвинулась по сравнению с Великой французской революцией вперед, к диктатуре пролетариата, то в отношении р е ш и т е л ь н о с т и политической борьбы с контрреволюцией типичная мелкобуржуазная диктатура Робеспьера стояла, несомненно, на более высоком уровне, чем Парижская Коммуна, поскольку речь идет именно о б о р ь б е с к о н т р р е в о л ю ц и е й. Чрезвычайные организации, созданные Парижской Коммуной для борьбы с контрреволюцией, создавались по типу соответствующих организаций эпохи Великой французской революции.

К о м и т е т О б щ е с т в е н н о г о С п а с е н и я вершил цензурные дела, при чем дело не обошлось без закрытия реакционных газет и предания военному суду контрреволюционных противников Коммуны.

К о м и с с и я б е з о п а с н о с т и за два месяца существования Парижской Коммуны арестовала 1.300—1.400 человек. Когда попавшиеся в плен версальцам национально-гвардейцы после вылазки 4—5 апреля были расстреляны без всякого суда, то Коммуна издала декрет о заложниках, в силу которого было арестовано 260 человек, в той или иной мере представлявших контрреволюционные круги (в их числе были: 4—5 видных лиц из духовенства, председатель кассационного суда, банкир, жандармы, пристава и т. д.).

Однако, Коммуна проявила в отношении этих заложников нерешительность; из их числа было расстреляно только 64 человека, да и то уже в последние дни, когда Коммуна уже была почти задушена контрреволюцией. (См. Н. Лукин—«Парижская Коммуна», Госиздат, 1922 г., глава V).

Энгельс, оценивая этот опыт Парижской Коммуны, писал:

«Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитетных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Н е в п р а в е л и м ы, н а о б о р о т, п о р и ц а т ь К о м м у н у з а т о, ч т о о н а с л и ш к о м м а л о п о л ь з о в а л а с ь э т и м а в т о р и т е т о м?»

Маркс писал об этом же с еще большей определенностью:

«Когда Тьер уже в самом начале войны дал силу гуманному обычаю расстреливания пленных коммунаров, К о м м у н е для спасения жизни этих пленных н е о с т а в а л о с ь н и ч е г о б о л е е, к а к п р и б е г н у т ь к п р у с с к о м у о б ы ч а ю б р а т ь з а л о ж н и к о в. К а к и м ж е о б р а з о м м о ж н о б ы л о е щ е д а л е е щ а д и т ь и х ж и з н ь п о с л е т о й к р о в а в о й б а н и, к о т о р о ю м а к - м а г о н о в с к и е п р е т о р и а н ц ы о т п р а з д н о в а л и с в о е в с т у п л е н и е в П а р и ж?»

Парижская Коммуна боролась с контрреволюцией, но боролась нерешительно, непоследовательно, с оглядкой, с заминками, с запаздываниями. Ее связанность в этой области, несомненно, обусловлена колебаниями мелкобуржуазного большинства Коммуны.

Только диктатура пролетариата, утвержденная на территории, где до этого столетиями горел очаг мировой реакции, сумела дать безупречно-революционное, пролетарски-выдержанное н а п р а в л е н и е деятельности чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией. Только она сумела проявить надлежащую п о с л е д о в а т е л ь н о с т ь и р е ш и т е л ь н о с т ь в этой борьбе. Только она отчеканила максимально г и б к и е ф о р м ы этих организаций.

Понять историческое значение чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией в нашу эпоху—это значит, прежде всего, понять самое эпоху и генеральную расстановку классовых сил борьбы в м е ж д у н а р о д н о м масштабе. СССР—очаг мировой социалистической революции—есть п е р в о е пролетарское государство, окруженное смертельными врагами—империалистическими государствами.

Ленин писал в полемике против Каутского:

«Если эксплоататоры разбиты только в одной стране, а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение,—то они остаются все же сильнее эксплоатируемых, ибо международные связи эксплоататоров громадны... Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплоататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта надежда превращается в попытки реставрации...». (Собр. соч., т. XV, стр. 433—434).

Эпоха военного коммунизма была ярким доказательством этого положения: внутренняя контрреволюция, при непрерывной поддержке международной реакции, с оружием в руках пыталась опрокинуть пролетарскую диктатуру. Последняя не смогла бы укрепиться, если бы она не применяла чрезвычайных методов борьбы с контрреволюцией, отвечающих требованиям эпохи; она не смогла бы подавить военные контрреволюционные восстания без чрезвычайных органов борьбы с контрреволюцией.

Чека обнаруживала и поражала нервные центры контрреволюционных заговоров. Чека вырывала с корнем измену в советском лагере, особенно в кругах комсостава Красной армии. Чека боролась со спекуляцией, подтачивающей экономические основы военно-коммунистического режима [1]). Чека боролась с саботажем чиновников, пытавшихся парализовать механизм пролетарской диктатуры.

Чека запускала свой глаз всюду, где гнездилась контрреволюция, в каких бы формах она ни проявлялась. Такого многообразия форм и методов борьбы с контрреволюцией не знала и не могла знать еще ни одна из прежних революций.

Переход к новой экономической политике, наступивший после поражения цепи военных восстаний контрреволюции, ни в коей мере не «снял» проблемы борьбы с контрреволюцией, как не отменил и необходимости чрезвычайных организаций пролетарской диктатуры для этой борьбы.

Переименование Чека в ГПУ символизировало не принципиальный отказ от чрезвычайных методов борьбы с контрреволюцией, а лишь изменение ее форм, продиктованное изменением обстановки.

Строительный период побуждает ГПУ уделить особое внимание проблеме борьбы с экономической контрреволюцией и борьбы против использования последней советского аппарата.

Но положение первой в мире пролетарской диктатуры, строящей социализм в обстановке империалистического окружения, диктатуры, в борьбе против которой внутренняя контрреволюция непременно использует «громадные международные связи эксплоататоров»,—обусловливает необходимость мобилизации ГПУ и для энергичной борьбы против непосредственно-политической контрреволюции. «Порох должен быть сухим» и на этом фронте.

Пока будет существовать комплот империалистических государств против СССР, до тех пор внутренняя контрреволюция будет неизмеримо сильнее, чем это кажется с точки зрения оценки ее сил, когда абстрагируешься от мировой обстановки. Удар того или другого империалистического противника или группы их по СССР, обязательно вызывает некоторое нарастание сил и активизацию внутренней контрреволюции.

[1]) Зародыши функций экономической борьбы с буржуазией имелись еще у революционных комитетов эпохи Великой французской революции. «Террор,—пишет в предисловии редакция цитированного нами сборника «Революционный Трибунал в эпоху Великой французской революции»,—проводился... для того, чтобы осуществить так называемый «закон о максимуме»,—другими словами, чтобы поддержать таксацию, наложенную на все предметы потребления 29 сентября 1793 года».

Опыт последнего года, прошедшего под знаком усиленного нажима империалистического окружения на СССР, под знаком разрыва дипломатических отношений буржуазных государств с СССР и нарастания опасности военного нападения империализма на СССР—дает достаточно красноречивый материал для установления этой закономерности.

Перед лицом грядущего обострения классовых боев и неизбежной активизации сил не только международной, но и внутренней контрреволюции—мы будем руководствоваться лозунгом, который Ленин выдвинул в своем выступлении против меньшевиков на VII С'езде Советов: «Надо быть на-чеку и не забывать о Чека».

Пролетариат СССР учтет опыт прошлых революций в области борьбы с контрреволюцией, избежит их ошибок и выполнит свою миссию авангарда международной рабочей армии, которая на наших глазах становится могильщиком капитализма.

С. Садвокасов.

О национальностях и националах*).

XII партийный с'езд, где в последний раз обсуждался национальный вопрос, между прочим, постановил, что «для правильного проведения в жизнь национальной программы, выдвинутой Октябрьской революцией, необходимо еще преодолеть те препятствия, которые переданы нам в наследство пройденным периодом национального гнета и которые не могут быть преодолены в короткий срок одним ударом». Далее в постановлении XII с'езда говорится, что «это последнее состоит в фактическом, т.-е. хозяйственном и культурном неравенстве национальностей Союза Республик. Правовое национальное равенство, добытое Октябрьской революцией, является великим завоеванием народов, но оно не решает само по себе всего национального вопроса... Причины этого фактического неравенства кроются не только в истории этих народов, но и в политике царизма и русской буржуазии, стремившихся превратить окраины в исключительно сырьевые районы[1]), эксплоатируемые промышленно-развитыми центральными районами. Преодолеть это неравенство в короткий срок, ликвидировать это наследство в один—два года невозможно... Но преодолеть его нужно обязательно».

Со времени XII с'езда нашей партии прошло уже четыре с половиной года. Это вполне достаточный срок для того, чтобы проверить процесс выполнения хотя бы основных решений XII партс'езда. Мы имеем в виду в первую очередь хозяйственные вопросы, от правильного разрешения которых зависит в конечном счете и проблема фактического равенства национальностей Союза. О хозяйственных вопросах национальных окраин особенно уместно говорить теперь, когда мы, перешагнув черту восстановительного периода, вступаем в полосу реконструкции всего народного хозяйства. Проблема индустриализации нашей страны должна означать не только высвобождение Советского Союза из-под капиталистической зависимости от Западной Европы и Америки, но она (проблема индустриализации) должна социалистически разрешить и межнациональные отношения внутри самого Союза.

Успехи индустриализации окажутся тем вернее, и союз национальностей станет тем прочнее, чем более к многомиллионному русскому пролетариату из года в год будут прибавляться новые кадры пролетариев окраин. Если судьба бедняка-крестьянина разрешится не только землей, но и фабрикой и заводом, то судьба бедняка окраин не составляет исключения. На ряду с нашей политикой по поднятию бедняцкого хозяйства на окраинах мы должны известную часть этой бедноты вливать в промышленность на окраинах.

Короче говоря, если империалистическая русская буржуазия только выкачивала из окраин сырье, насаждая фабрики и заводы у себя под рукой,

*) Статья дискуссионная.

[1]) Везде разрядка наша. *С. С.*

то социалистическая промышленность должна развиваться по принципу хозяйственной целесообразности; если восстановительный период поневоле имел на себе отпечаток «проклятого наследия» прошлого в виде фактического неравенства отдельных национальностей, то полоса реконструкции должна изжить это наследство, «обязательно преодолевая» (XII партс'езд) стоящие перед нами трудности. В этом заключается и весь смысл приобщения отсталых окраин к социалистическому строительству, в этом залог дальнейшего укрепления советской власти на окраинах.

Посмотрим теперь, как эта бесспорная установка партии понимается отдельными руководящими работниками на окраинах, деятельность которых (работников) по раз'яснению того же XII партс'езда «имеет громадную важность».

В своей статье «Генеральная линия» («Правда Востока» № 230, от 7/X с. г.) председатель средне-азиатского бюро ЦК ВКП(б) тов. Зеленский пишет:

«Основная задача экономической политики СССР—обеспечить возможность постепенного высвобождения советского хозяйства из-под зависимости от капиталистического мира... Задача республик Средней Азии должна заключаться в том, чтобы в первую очередь развивать те отрасли сырьевого хозяйства, которые уменьшают и ослабляют нашу зависимость от капиталистического мира».

Конечно, все это правильно. Советское хозяйство должно высвобождаться из-под зависимости от капиталистического мира; Средняя Азия должна развивать те отрасли сырьевого хозяйства, которые уменьшают нашу зависимость от буржуазного мира. Но все это—лишь одна сторона медали.

Другая сторона медали должна выражать хозяйственное лицо уже самого Союза, в том числе и Средней Азии, т.-е. перед нами встает вопрос, где, что строить. Но тут-то т. Зеленский поворачивает на старую дорогу великодержавности. Как иначе назвать его рассуждения о том, что «тенденции строить республики хозяйственно, как замкнутые организмы, являются вредными и опасными с точки зрения развертывания социалистического хозяйства в целом» (там же)?

Во-первых, неверно утверждение т. Зеленского будто есть тенденция (читай—у националов) строить замкнутое хозяйство в каждой республике (смешно об этом говорить), а во-вторых, по какой теории вытекает, что вывозить хлопок из Средней Азии—это хорошо, а вывозить текстиль—это признак замкнутого хозяйства. Не выходит так, т. Зеленский! Как раз, с точки зрения хозяйственной целесообразности, необходимо приблизить промышленность к источникам сырья.

Тут нам могут возразить, что для создания промышленности в известном районе необходимы не только сырье, но и наличие рабочих рук и топлива.

Ответ на это—многомиллионная беднота Казакстана, Узбекистана, Туркменистана, многомиллиардные запасы каменного угля и нефти в Казакстане.

Могут сказать еще, что все это хорошо, но нет в Средней Азии путей сообщения. На это можно ответить, что в наше время пути сообщения делаются человеческими же руками, а железнодорожное строительство составляет тоже часть вопроса индустриализации.

Таким образом, «хозяйственно» все говорит против т. Зеленского. Но т. Зеленский упорен в своей «Генеральной линии». Последний его аргумент:

«Тут приходится учитывать не только хозяйственные соображения, но и политические. Сторонниками идеи замкнутого хо-

зяйства являются элементы классово нам враждебные... Идеологом самостоятельного хозяйственного развития в Средней Азии является также известный панисламистский деятель Мустафа Чокаев». (Там же).

Тут приходится признать, что т. Зеленский переходит от метода убеждения к методу принуждения или, вернее, к методу острастки. Есть, мол, такой «контра», по имени Чокаев; осторожнее, ребята-националы, а то мы вас запишем к нему.

На это можно ответить, что коммунисту-националу не страшны ни Чокаевы, ни разговоры о Чокаевых. Пускай Чокаевы говорят и пишут, что угодно, а мы, коммунисты, будем делать свое советское дело.

И если сбросить с последнего утверждения т. Зеленского элементы не относящейся к обсуждаемому вопросу острастки, то остается его изречение «о соображениях хозяйственных и политических». О каких политических соображениях в деле индустриализации в отличие от хозяйственных говорит т. Зеленский? Никак не можем понять «генеральную линию» «политических соображений» т. Зеленского.

Не лучше обстоит дело с пониманием роли индустрии на окраине и у другого ответственного работника.

Секретарь казакского крайкома ВКП(б) т. Голощекин пишет: «В области промышленности (в Казакстане. *С. С.*) основное не столько в крупной, сколько в местной мелкой и средней (крупорушки, шерстомойки, маслобойки, ремонтные мастерские и т. д.), т.-е. во всем том, что связано [1]) с сельским хозяйством н делает его более рентабельным». (Журнал «За Партию» № 2, октябрь 1927 г.).

Повидимому, по т. Голощекину существует еще такая промышленность, которая вообще не связывается с сельским хозяйством, которая получает сырье и продовольствне для рабочих невесть откуда, а может быть, даже с Марса. Теоретнческое состязание с секретарем крайкома для национала—дело безнадежное, но тем не менее невозможно не указать на явные нелепости.

Тов. Голощекин промышленность прнставляет к хвосту сельского хозяйства, предопределяя таким образом вечно крестьянское существование Казакстана. Разве можно говорить о промышленности и предлагать только ремонтные мастерские? Еще со времени Адама люди чинили себе башмаки и лопаты, но никто до сих пор не называл это «промышленностью», а тем более «основным в области промышленности». Почему т. Голощекин не может или, вернее, не хочет итти дальше шерстомоек, тогда как сама собой напрашивается и организация суконных фабрик. Не легче ли и железным дорогам сразу вывознть из Казакстана готовое сукно, чем два раза таскаться то с вымытой шерстью, то обратно с «московским» сукном из этой шерсти?

Как будто хозяйственная целесообразность говорит за наш вывод, а т. Голощекин, следуя примеру своего соседа, т. Зеленского, не приминет назвать нас защитннками «замкнутого хозяйства в Казакстане», или еще хуже, по его (Голощекина) выражению, «сторонниками неприкосновенности социально-экономической структуры казакского аула» (речь его на III пленуме казкрайкома ВКП(б), декабрь 1926 г.).

«Блюститель» сельского хозяйства в Казакстане, т. Голощекнн забыл, между прочим, о том, что отсутствие нли слабое развитне промышленности задерживает рост н сельского хозяйства, что товарность в сельском хозяйстве стоит в прямой зависимости от темпа развития промышленности и что

[1]) Разрядка наша. *С. С.*

без развития товарности сельское хозяйство не может выйти на широкую дорогу интенсификации и коллективизации. И если уж говорить о действительных сторонниках неприкосновенности социально-экономической структуры аула, то да будет нам позволено таковыми назвать тех, кто не желает смотреть дальше ремонтных мастерских и шерстомоек.

Из всего сказанного вытекает, что директива XII партс'езда об изживании «политики царизма и русской буржуазии, стремившихся превратить окраины в исключительно сырьевые районы»,—эта директива проводится в жизнь на окраине, в данном случае в Средней Азии и Казакстане, не совсем достаточно или, правильнее, совсем недостаточно.

В чем тут причина? Виноваты ли только отдельные руководящие работники или причина заключается в чем-то большем? Не допускали ли центральные органы власти послаблений в деле правильной политики по национальному вопросу?

Надо прямо правду сказать в глаза. Да, центральные органы в своей работе недоучитывали значения национального вопроса. Пятилетка перспективного развития промышленности была составлена без учета нужд окраин. Об этом свидетельствует и сам т. Куйбышев:

«В отношении развития отдельных районов пятилетка не отличалась четкостью и ясностью. Какую физиономию будет иметь каждый отдельный район,—на этот вопрос пятилетка не давала точного ответа». («Правда» от 13/IX 1927 г.).

Тревожным сигналом для национальных окраин прозвучало и заключительное слово т. Рыкова на IV Всесоюзном С'езде Советов, когда он говорил:

«На этом С'езде так же, как и на целом ряде других с'ездов, наблюдается такая картина: на трибуну выходят представители губерний, областей, районов, республик [1]) и начинают доказывать, что у них в губернии, районе и т. д. нужно обязательно построить то-то... Мы можем наделать очень много и очень больших ошибок, если станем на ту точку зрения, что индустриализация означает развитие во что бы то ни стало индустрии в каждой административной единице. Эта точка зрения иногда приводит даже к тому, что в отдельных частях нашего Союза стремятся создать замкнутое хозяйство. Я должен подчеркнуть со всей решительностью, что вместе с осуществлением индустриализации хозяйственные связи, экономическое единство Союза и взаимная зависимость отдельных его частей будут возрастать все более и более». («Правда» от 27/IV—27 г.).

В общую номенклатуру административных единиц т. Рыков наваливает и автономные республики. Во-первых, и прошлое и настоящее этих отдельных губерний, областей, районов и республик не одинаковы, во-вторых, кто не знает, что некоторые губернии и области хотят еще большего усиления уже существующей у них промышленности, а республики или ничего не имеют, или имеют совсем мало. Эту разницу между губерниями и республиками т. Рыков должен был заметить. Наконец, т. Рыков неправильно называет стремлением к замкнутому хозяйству, когда национальные республики просят помочь им организовать имеющее у них базу то или иное предприятие. Нам кажется, что индустриально развитое хозяйство тем н отличается от первобытного, что оно никогда не станет замкнутым, и поже-

[1]) Разрядка наша. *С. С.*

ления т. Рыкова, чтобы единство Союза и взаимная зависимость отдельных его частей возрастали все более и более, осуществляется тем вернее, чем скорее национальные окраины перестанут быть только сырьевой базой.

Мы долгое время отождествляли национальный вопрос с вопросом крестьянским, считая, что первый есть часть второго. Это было абсолютно верно во времена старого режима, когда окраины служили колонией для русской буржуазии, это было верно с некоторой оговоркой в эпоху восстановительного периода нашего хозяйства, поскольку речь шла о преодолении «трудностей, переданных нам в наследство пройденным периодом национального гнета». Но отождествление национального вопроса с крестьянским в эпоху реконструкции хозяйства СССР уже является неверным, ибо национальный вопрос теперь, перерастая вопрос крестьянский, начинает включать в орбиту своей проблемы и вопросы индустриализации.

Директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства, одобренные Политбюро ЦК ВКП(б), посвящают национальному вопросу всего несколько строк, ограничиваясь общими фразами «уделить особое внимание» и т. д. Нужно, чтобы партия конкретно указала руководящим советским органам на их прежние недочеты и на те конкретные меры, которые необходимо провести в жизнь в дальнейшем.

Второй вопрос, на котором мы хотели остановиться,—это вопрос развития сельского хозяйства на окраинах, в частности — земельный. Как известно, отличительной чертой русского империализма было и то, что окраины заселялись переселенцами «для разряжения» революционного настроения крестьянства центральной России. То, что делалось русским капиталом для захвата свободных рынков, дополнялось колонизационной политикой царской бюрократии. Еще Столыпин, этот всесильный бюрократ последнего периода царизма, говорил про Казакстан, что «нужно подумать не об устройстве киргиз, а киргизской степи, интересы целого важнее интересов частей». (Записки Столыпина и Кривошеина. «По ту сторону Урала». СПБ. 1911 г.).

Эта формула Столыпина находила свое выражение во всей работе печальной памяти переселенческого управления того времени. Земли «инородцев» об'являлись государственной собственностью, хотя во всем другом эти бюрократы были столь ревнивыми блюстителями «священной» частной собственности. И мы видим, как такие районы, как Казакстан, в наиболее удобных для земледелия частях постепенно превращались в переселенческие участки, а коренное население изгонялось в пески и пустыни. Казакская степь, о которой так попечительски думал Столыпин, напоминала легкие туберкулезного человека, находящегося в инкубационной стадии своей болезни.

Великий Октябрь одним ударом разрубил дьявольский узел царской колониальной политики. Свободно вздохнули бывшие инородцы, ставшие теперь хозяевами собственной жизни и нового строительства. Латифундии русских помещиков, ради ограждения которых строилась вся политика переселенческого управления, пошли в общий котел крестьянских достояний. Наступила новая полоса, полоса ликвидации «проклятого наследия прошлого».

К разрешению этого последнего вопроса автономные органы власти тех районов, кои прежде являлись об'ектом колонизации, в частности Казакстана, подошли следующим образом:

а) прекратить временно колонизацию извне; б) окончательно землеустроить коренное население, подразумевая под этим и переселенцев-старожилов; в) во вторую очередь землеустроить переселенцев-самовольцев, прибывших за время революции; г) заняться исследованием почвенно-ботанических условий Казакстана на предмет выявления удобных и неудобных земель, т.-е. возможных излишков.

Для всякого ясно, что при выявлении излишков после окончания внутреннего землеустройства эти излишки пойдут для удовлетворения земельных нужд «аграрно-перенаселенных» районов. Возражать против этого означало бы для национала уподобиться тому животному, которое лежит на сене, само не ест и другим не дает. Ни один благоразумный национал, а тем более коммунист, стоящий не на словах, а на деле на советской платформе и придерживающийся принципов компартии, не выкинет и не выкидывал лозунга «Казакстан для казаков». Кроме гибели советской власти, такой лозунг не принес бы решительно ничего.

Поэтому основное в земельной политике Казакстана было: окончательно землеустроить коренное население, временно прекратить колонизацию. Речь шла и идет теперь не о том, чтобы всякого русского мужика по шапке долой и изгнать его вон из Казакстана, нет, а речь—о том, чтобы зарубцевать старые раны больного организма, разодранного политикой позорного прошлого. Не виноват русский мужик, что он волею Столыпина «забрал» земли у казака (киргиза), «вытурив» его в пустыню, не виноват он, мужик, что по своей темноте слушался попов и миссионеров и обижал «поганое киргизье». Крест тому, что было. Виновные понесли заслуженную кару от руки победившего пролетариата.

Теперь перед нами стоит задача сплочения трудящихся масс всех национальностей на горе всем эксплоататорам этих же национальностей. Власть советов на окраинах должна, наконец, окончательно установить добрососедское сожительство народов, столь необходимое в деле социалистического строительства. Традиционная поговорка «семья не без урода» должна смениться новой формулой: «в советской семье народов нет уродов».

И если подойти к обсуждаемому вопросу именно с этой точки зрения, то приходится признать, что с изжитием старого наследия не все обстоит благополучно.

Переселенческие чиновники старого режима, а ныне спецы Наркомзема РСФСР снова начинают поднимать свои колонизаторские головы. Чермаки и Чиркины, Рудины и др. не прочь под видом «организации территории» смутить коммунистические сердца даже самих товарищей Смирнова и Калинина.

По правде говоря, в чем смысл теперешних разговоров о так называемом «аграрном перенаселении» русской деревни на ряду с развивающимися арендными отношениями в той же деревне? Что означают теории об «уже раскулаченном кулаке», когда члены ЦКК пишут статьи о межнациональных взаимоотношениях на окраине? (Митрофанов, «Большевик» № 13, 1926 г.)? Не является ли последнее нехорошим симптомом к подготовке общественного мнения партии «о культурной роли переселенца на окраине»?

Как нужно понимать, наконец, тезисы т. Рыкова к его докладу на XV с'езде партии, где (в тезисах) говорится, что «необходимо также усилить работу по переселению, которое, содействуя под'ему производительных сил сельского хозяйства и улучшая положение неимущих и малоимущих групп крестьянства, будет способствовать уменьшению «аграрного перенаселения».

Нет спора, что аграрное перенаселение есть беда современной русской деревни, нет сомнения также и в том, что наша промышленность в ближайшее время, при самом наимаксимальнейшем темпе своего развития, не в состоянии поглотить целиком многомиллионные массы «излишних» рабочих рук, выбрасываемых ныне деревней. Но это не говорит за то, что мы в деле «уменьшения» (все-таки не окончательного изжития) аграрного

перенаселения должны пойти по линии наименьшего сопротивления, не исчерпав нормальных путей к его преодолению.

Первый путь, по нашему мнению, лежит *все-таки* по линии *еще большего возможного усиления индустриализации* Советского Союза, а второй путь, не менее важный и надежный,—в *рационализации* основ самого *сельского хозяйства*.

Простой арифметический подход к территории, занимаемой отдельными группами населения, не дает еще оснований обращать взоры на величину цифры делимого. Ведь, например, «перенаселенность» бельгийского крестьянства в несколько раз гуще нашего. Поэтому «перенаселенность» центральной части Союза—вещь не абсолютная, а относительная. Да к тому же, факт развития *арендных* отношений в деревне как будто тоже никем не оспаривается.

Следовательно, земли у «излишних» рабочих рук деревни *вполне достаточно* или, во всяком случае, не вполне не достаточно, чтобы перед партией поставить задачу усиления переселения.

Конкретная задача на сегодняшний день в области земельной политики на национальных окраинах должна заключаться: 1) в окончательном землеустройстве коренного населения, включая сюда и переселенцев-старожилов, 2) в продвижении форсированным темпом работы по сплошному землеустройству (сюда входит и землеустройство самовольцев, установление земельного запаса на естественный прирост населения и т. д.), в результате чего выявятся и возможные земельные излишки.

Нечего говорить о том, что землеустройство коренного населения должно носить строго классовый характер, т.-е. оно (землеустройство) должно сопровождаться разрушением патриархально-родовых отношений, переделом сенокосных угодий, захваченных баями и т. д. Такая работа по переделу, кстати сказать, уже проводится земорганами Казакстана.

Вниманию партии необходимо представить в нескольких словах и о партийном руководстве на окраинах. Еще XII с'езд партии своим постановлением поручил ЦК «озаботиться об особо тщательном подборе» «ответственных работников» на окраине с тем, чтобы состав их полностью обеспечивал действительное проведение в жизнь решений партии по национальному вопросу.

Со времени XII с'езда мы имеем значительные достижения в деле выращивания новых коммунистических кадров из националов, но на ряду с этим факт и то, что в области проведения в жизнь решений партии по национальному вопросу имеются и значительные извращения.

Дело в том, что коммунист-национал, выросший на опыте практической работы, пред'являет соответственно этому требования большего к себе *доверия* не только как к работнику-националу вообще, но и как к *руководящему* работнику на окраине. Означает ли это, как толкуют иные, что националы стремятся захватить власть, затем «освободиться от руководства Союза», что они (националы) «за национально-замкнутое руководство государством», «против руководства российского пролетариата». (Нодель, «Правда Востока» № 215, 20/IX 1927 г.), что «это есть напор верхушки, заботящейся о самой себе», что это постановка «не партийная, а личная—группировочная—корыстная постановка». (Голощекин. Речь на III пленуме казкрайкома ВКП(б). Декабрь 1926 г.).

Ничуть не бывало,—ответим тт. Ноделю и Голощекину.—Коммунист-национал не настолько безнадежен, чтобы иметь о нем подобное представление. А если бы он был таков, как думают Нодель и Голощекин, то это означало бы лишь великую трагедию строящегося в СССР социализма, а отнюдь не правоту указанных товарищей. К счастью компартии и советской власти, партиец-национал тоже является коммунистом. Может

и должен родиться коммунист-национал. Этому порука — беспросветное прошлое национальных окраин, этому порука—национальная программа коммунистической партии. Мало того, коммунист-национал в своем росте уже переходит «только национальные интересы», и с него должно теперь взыскиваться не только просто за работу, но и за руководящую работу на окраине. Коммунист-национал, главным образом *пришедший в партию на буксире национальной программы компартии, теперь уже опережает доныне таскавший его буксир*, не за страх, а за совесть беря своим идеалом общечеловеческие принципы коммунизма. Честь и слава творцам Великого Октября — русскому рабочему классу и его авангарду—коммунистической партии! *Доверие и равенство коммунисту-националу* — законному детищу Великого Октября!

Если теперь в среде коммунистов-националов то и дело замечается недовольство против политики «ответственных работников» на окраине, то это вовсе не означает их (националов) стремления к отрыву от пролетарского руководства Союза. Речь идет о борьбе с уклонами, в данном случае—с уклоном в сторону великодержавности, «особый вред и особую опасность» которой так подчеркивал XII с'езд нашей партии.

Было бы, конечно, верхом местного шовинизма, если б коммунист-национал стал доказывать полную свою безгрешность. Зигзаги и болезни роста не чужды и ему, но как не возражать против того, когда на предложение национала о большей коренизации аппарата с привлечением лояльной местной интеллигенции член ЦКК т. Митрофанов отвечает так:

«Практически осуществление этого требования при почти поголовной технической неграмотности коренного населения приведет к тому, что все бывшие царские чиновники (?) на 100% снова влезут в аппарат управления, и нелегальная ныне диктатура баев-манапов в аульных и волостных советах получит таким образом свою легализацию». («Большевик» № 13, 1926 г.).

Ни для кого не секрет, что в аппаратах национальных республик не все служащие европейцы-коммунисты, что там сидит изрядное количество европейцев-беспартийных и даже политических ссыльных. Так всё же по т. Митрофанову выходит, что это куда лучше, чем посадить местного интеллигента, царского чиновника (?), (как будто при царе чиновники комплектовались исключительно из окраинной интеллигенции), потому-де, что диктатура баев-манапов получит свою легализацию.

Очень печально, что член ЦКК т. Митрофанов с пьедестала своего великодержавного высокомерия проглядел сущность партийной директивы о коренизации, но не менее печально, когда ответные статьи националов тов. Митрофанову уж больше года лежат в архиве редакции «Большевика».

Разве свидетельствует об обладании высоким тактом приличия со стороны тов. европейца, когда ответственный секретарь казакстанского крайкома ВКП(б) тов. Голощекин на предложение националов о большем привлечении местных работников в руководящие органы КК «изобличает нас» в «корыстной цели», будто мы только «заботимся о самих себе». Следует ли после этого обижаться тов. Голощекину, если националы его же (Голощекина) добром будут бить ему же челом?

Совершенно бесспорно, что бюрократические извращения аппарата на окраинах происходят не только по причинам того, что этот аппарат не говорит на национальном языке, но и благодаря тому, что вообще аппарат всего советского государства унаследовал тяжелый груз весьма солидной цифры бюрократов старого времени. Поэтому, если в центральной части Советского Союза перед партией стоит задача обновления и упрощения аппарата, то к этой задаче на окраине приплетается новая трудность в виде учета национального момента. *Бюрократ* на окраине—не только бюро-

крат в общепринятом смысле этого слова, но он—бюрократ немой, не умеющий даже об'ясняться с обслуживаемым населением на его родном языке.

Отсюда ясно, что вопрос о коренизации, являясь частью общего вопроса борьбы с бюрократизмом, в условиях национальных республик превращается одновременно в вопрос национальный.

Нельзя говорить о борьбе с бюрократизмом на окраине, недооценив значения коренизации. Наоборот, правильное понимание роли последней (коренизации) поможет на ряду с рационализацией аппарата привлечь широкие слои трудящихся коренного населения к непосредственному управлению.

Многие возражают против мнимых требований националов о так называемой 100% коренизации. Конечно, это абсурдно. Требование 100% коренизации в условиях многонациональных автономных республик, каковыми является большинство наших окраин, есть уже нечто большее, чем действительная коренизация. Это есть требование лишить национального аппарата нацменьшинства, в том числе и русских, составляющих, например, в Казахстане около 35% всего населения. Подлинное название «коренизации» за счет нацменьшинств есть худший вид местного национализма, с которым партия должна вести борьбу, если таковая тенденция могла бы обнаружиться где-либо.

Но мы говорим о действительных тормозах в деле действительной коренизации, мы говорим о недопустимости таких явлений, когда в таком архинациональном городе, как Чимкент (Казакстан), около 200 хорошо грамотных националов сидят на учете биржи труда (докл. инструкторов ВЦИК тт. Ружейникова и Галли. Март 1927 г.), а аппарат преспокойно продолжает работать и писать на инонациональном языке, не говоря уже об общеизвестных его (аппарата) бюрократических извращениях.

Мы говорим о том, что дело коренизации, особенно в восточных республиках, продвигается непростительно медленно, что дело тормозится не только в виду культурной отсталости этих республик, но и в виду сопротивления самого аппарата.

Что можно сказать об отсталом Казакстане, когда и в такой сравнительно культурной республике, как Украина, «следует отметить, что у нас (на Украине. *С. С.*) снова понемногу начали забывать об украинизации». (Из доклада т. Затонского на пленуме ЦК КП(б)У. Октябрь, 1927 г.).

Так говорит нарком РКИ Украины т. Затонский, который всего лишь семь месяцев назад признавал излишними «коренизационные» разговоры «неугомонного» т. Шумского.

К сожалению, по мнению казакстанского наркома РКИ, тов. Морозова, коренизация в Казакстане проводится «прекрасно», только вот немного мешают... местные «националисты». Конечно, «антипартийные националисты» будут призваны к ответу, хотя, впрочем, казакстанская краев. КК, несмотря на предостережения XII партс'езда, до сих пор не нашла в Казакстане ни одного колонизатора. Мы боимся, как бы очки у т. Морозова не оказались того же цвета, какой имеют многие извратители партийной политики на окраине.

Да, недочеты и упущения в области проведения национальной политики партии на окраине имеются, и крупные недочеты.

Необходимо их исправлять.

На ленинские позиции по национальному вопросу на практике!

Коста Таболов.

Против линии национальной демократии.

(Ответ тов. Садвокасову).

Национальная демократия или социалистическая индустриализация?

Статью т. Садвокасова нужно рассматривать, как попытку обоснования линии буржуазной демократии в национальном вопросе. Автор поставил три кардинальных вопроса: индустриализация национальных республик, продвижение национальной деревни к социализму и партийное руководство в нацорганизациях. Основной вопрос, таким образом, индустриализация. С него и начнем разбор взглядов автора.

Прежде всего, Садвокасов демонстрирует упорное молчание об имеющихся хозяйственных достижениях в национальных республиках и областях. А успехи национальной промышленности имеются огромные, благодаря восстановлению разрушенного, переброске ряда предприятий из центра и новому строительству. Приведем только самые суммарные цифры. В 1925—26 г. по пяти союзным республикам и двадцати автономным республикам и областям РСФСР в капитальное строительство вложено 315 млн. 28 т. р. (в том числе на строительство новых заводов 28 млн. 606 тыс. руб. [1]). В 1926—27 г. — 404 млн. 523 тыс. руб., — рост по отношению к предыдущему году на 28,4%, а по всему Союзу рост за тот же год — 24% [2]) (в том числе на строительство новых заводов 61 млн. 577 тыс. руб., рост по отношению к предыдущему году на 115% [3]). Предположено на 1927—28 г. 531 млн. 971 тыс. руб., рост по отношению к 1925—26 г. на 69%, а по всему Союзу за те же годы рост на 47% (в том числе на строительство новых заводов 89 млн. 740 тыс. руб., рост по отношению к 1925—26 г. на 215% [4]). Следовательно, по росту капитальных вложений нацреспублики обгоняют Союз, а новое строительство далеко превосходит темп капитальных вложений.

Если же взять отдельные республики, то процесс индустриализации окраин еще нагляднее. Так, в 1924—25 г. в промышленность Грузии вложено 1 млн. 392 тыс. руб., в 1926—27 г. — 8 млн. 402 тыс. руб. Далее, в 1924—25 г. размеры капитального строительства всей промышленности (союзного, краевого и местного значения) Казакстана достигли 1 млн. 169 тыс. руб., в 1925—26 г. — 8 млн. 708 тыс. руб. и в 1926—27 г. — 14 млн. 67 т. р. [5]). Мы нарочно взяли наиболее промышленно отсталые республики, а если

---

[1]) «Факты и цифры», стр. 104. Затраты на строительство новых заводов по двадцати республикам и областям РСФСР сюда не вошли.

[2]) «Контрольные цифры на 1927—28 г.», стр. 522.

[3]) «Факты и цифры».

[4]) Там же.

[5]) Стенографический отчет VI казакской крайконференции ВКП(б), стр. 97.

рассмотреть более индустриальные районы, как Украина и Азербайджан, то картина меняется в пользу роста национальной промышленности.

Только человек, ослепленный национализмом, может умалчивать эти цифры. Садвокасов не видит ни Днепростроя, ни Земо-Авчальской гидростанции, ни Семиреченской жел. дороги. А ведь на наших глазах все это буквально меняет социальное лицо ранее придавленных наций. Вековой патриархальный аул перестраивается на социалистический лад.

Далее т. Садвокасов приводит выдержки из резолюций XII с'езда о том, что царизм превращал «окраины в *исключительно* сырьевые районы», и порицает местных работников за искажение линии партс'езда на индустриализацию, за продолжение политики царизма. Выдвигается тяжкое обвинение по одному из серьезнейших вопросов строительства национальных республик и областей. Как же обстоит дело по существу?

Прежде всего нужно отметить, что сознательное превращение национальных окраин в сырьевые области при царизме и экономическое районирование страны в эпоху диктатуры пролетариата совершенно различные вещи. Искусственно задерживая рост фабрик и заводов на окраинах, русская буржуазия извлекала туземное сырье за бесценок, продавая свои товары, приготовленные из того же сырья втридорога. Устраивая отдельные предприятия на окраинах, капиталисты не принимали туда туземцев, модернизируя докапиталистические порядки среди отдельных национальностей. Если, паче чаяния, и приходилось принимать туземцев, то последние получали мизерную плату, жили в невыносимых жилищных условиях при максимальной продолжительности рабочего дня. Такими методами русская буржуазия грабила мелкие нации и держала их в состоянии колониального рабства. Дело, следовательно, не в том, что создавались сырьевые районы, а *в той колониальной системе эксплоатации*, которая превращала национальные окраины в сырьевые области. Вовсе не случайно, что национал-демократ Садвокасов заметил форму — сырьевые районы — и проглядел существо — систему колониальной эксплоатации.

Тов. Садвокасов отравлен ядом национализма, иначе бы он понимал, что самодержавие в интересах буржуазии сознательно превращало окраины в «исключительно» сырьевые районы, тогда как при диктатуре пролетариата уже нет, а впредь еще меньше возможно, существования исключительно сырьевых районов. Такую линию ни один серьезный политик не отстаивает. Тем более, не может быть места при советской власти тем методам эксплоатации, которые носят совокупное название колониальной политики самодержавия. Напротив, мы форсированным темпом развиваем промышленность на окраинах, искусственно улучшаем положение туземного пролетариата, сознательно облегчаем прием националов в промышленность, по мере возможности поднимаем цены на местное сырье и т. д.

Садвокасов козыряет решением XII партс'езда об установлении фактического национального равенства, через помощь отсталым нациям. При этом автор выдает себя головой своей манерой цитирования: тов. Садвокасов приводит те места, за которыми можно скрыть свой националистический душок. Он пропустил следующее место в резолюции: «Наконец, помощь эта должна итти, согласно резолюции X с'езда, *параллельно с борьбой* трудовых масс против усиливающихся в связи с нэпом *местных и пришлых эксплоататорских верхов* для укрепления своих социальных позиций. Поскольку эти республики *являются по преимуществу сельскохозяйственными районами*, внутренние социальные мероприятия должны, *прежде всего*, итти по пути наделения трудовых масс землей за счет свободного государственного фонда» [1].

[1]) Стенограмма XII с'езда ВКП, стр. 647. Разр. наша. *К. Т.*

Итак, на основании этой выдержки мы устанавливаем два факта. Во-первых, автор не случайно умолчал то место резолюции партс'езда, которое призывает к борьбе с местными эксплоататорскими верхами. Во-вторых, партс'езд констатирует, что помощь окраинам должна итти «прежде всего» по линии поднятия сельского хозяйства.

Но Садвокасов с этим не согласен. Для него недостаточно того, что мы строим на окраинах. Ведь тт. Зеленский и Голощекин никогда не собирались сохранить Среднюю Азию и Казакстан, как исключительно сырьевую базу, хотя бы и Советского Союза. Даже то место, которое приводит Садвокасов из статьи Голощекина вовсе не отвергает задачи развития промышленности в Казакстане. Голощекин только утверждает, что в Казакстане «*основное*» — мелкая промышленность (но не сырье), а неосновное — крупная промышленность.

Почему тов. Голощекин стоит за культурное и экономическое «внимание» мелкому и среднему скотоводу, прежде всего, он поясняет в той же статье. Он пишет: «Идя по этому пути, мы, во-первых, охватываем основное хозяйство Казакстана и 70—75% казакских трудовых масс: во-вторых, связываем хозяйство Казакстана с хозяйством СССР в области сырья» [1]). Первое положение тов. Голощекина, по существу совершенно правильное, Садвокасов обходит молчанием, второе — он оспаривает.

Что касается полемики Садвокасова с т. Зеленским, то тут положение ташкентского критика исключительно курьезное. Садвокасов выхватывает отдельные места из статьи Зеленского, утверждает, что «все это правильно», затем несколькими строками ниже пишет, что это «лишь одна сторона медали», и, наконец, заключает, что «тов. Зеленский поворачивает на сторону великодержавности». И этакая галиматья умещается у Садвокасова на одной странице.

Однако, оставим беспросветную садвокасовскую путаницу и приведем некоторые места из статьи т. Зеленского: «Мы начали строить крупные предприятия как в области текстильной промышленности, так и в области *машиностроения*» [2]), — констатирует Зеленский. Оказывается, открытие машиностроительных заводов по Садвокасову называется политикой превращения Средней Азии в сырьевую базу!

Далее, в статье т. Зеленского мы читаем: «Наша зависимость от Запада идет не только по линии индустрии, *но и по линии сырья*. Задача республик Ср. Азии должна заключаться в том, чтобы в первую очередь развивать те отрасли сырьевого хозяйства, которые уменьшают и ослабляют нашу зависимость от капиталистического мира» [3]). Помилуйте, при чем тут Запад и зависимость от капитализма? Давайте лучше рассуждать о сырье и Ср. Азии, — так звучит аргументация Садвокасова.

Но тут нам придется немного отступить от прямой полемики с Садвокасовым вокруг Ср. Азии и затронуть общие проблемы союзного значения. Это необходимо для того, чтобы уяснить исторический смысл политики индустриализации. Ведь общая оценка развития капиталистической экономики, которая дается нашей партией, сводится к тому, что в эпоху финансового капитала создается мировое хозяйство, которое делает невозможным существование самодовлеющих национальных хозяйств. Наша генеральная установка на международную революцию вытекает из этой основной оценки зрелости и даже перезрелости капиталистической экономики.

Казалось бы, из общей оценки интернационализации современной экономики вытекает такая хозяйственная политика в нашей стране, которая

[1]) «За партию», № 2, стр. 11.
[2]) «Правда Востока», 7 окт. 1927 г.
[3]) Там же.

развивала бы те отрасли производства, которыми мы более богаты, и превращала бы нас в сырьевую базу мирового хозяйства. В противоположность Западной Европе мы оставались бы тогда аграрной страной по преимуществу, что, разумеется, не исключает индустриализации нашего сельского хозяйства. Вообще говоря, в первые годы революции такая установка на развитие хозяйственных связей между нами и Западом никем не была оспариваема. И это вовсе не потому, что мы в условиях гражданской войны не могли ставить хозяйственные проблемы. Подобная экономическая линия в основном вытекала из ставки на торжество пролетарской революции по крайней мере в одной—двух странах Европы. Нет сомнения, что победа советской революции в индустриальной Германии, напр., значительно изменила бы установку нашего хозяйственного развития. Лозунг индустриализации Советского Союза принял бы несколько иной характер. Сырьевое значение страны приобрело бы исторический и революционный смысл.

Характерно, что спад непосредственной революционной волны в Европе, частичная стабилизация капитализма, финансовый и экономический бойкот нас буржуазией, угроза новой интервенции и длительной борьбы между социализмом и капитализмом поставили перед нами во весь рост проблему индустриализации страны. Следовательно, лозунг индустриализации страны вытекал не только из об'ективных задач форсированного строительства социализма,—что социализм немыслим без крупной индустрии,—но и из факта капиталистического окружения. Ведь если мы считаем неизбежным столкновение между нами и капитализмом, то отсюда логически следует, что мы должны прежде всего подготовиться к нему экономически, развивая все необходимые отрасли производства и сводя к минимуму свою зависимость от врага.

Поэтому тысячу раз был прав т. Сталин, указывая на XIV партс'езде против тт. Сокольникова и Шанина, что их позиция грозит даузсизацией нашей страны. Сталин говорил, что «мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну, пока есть капиталистическое окружение, страной экономически самостоятельной, базирующейся на внутреннем рынке. Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности, однако, в меру и в соответствии тем ресурсам, которые у нас есть. Она решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма. Это есть наша линия строительства, которой держится партия и которой будет она держаться и впредь. Эта линия обязательна, пока есть капиталистическое окружение ¹).

Следовательно, наличие капиталистического окружения делает актуальной и обязательной проблему индустриализации Советского Союза. Чем меньше связей с капитализмом, тем меньше зависимости от врага. Отсюда совершенно правильна линия на развитие тех отраслей производства, в том числе и сырья, по которым мы зависимы от иностранного капитала. Так обстоит дело с индустриализацией Союза.

Теперь вернемся к Садвокасову. Только-что сделанный экскурс поможет нам разобраться в тех экономических вопросах, которые стоят перед отдельными республиками внутри Союза и затронуты в статье Садвокасова. В самом деле, если политика индустриализации всей страны делается актуально-необходимой, в результате капиталистического окружения, то ведь отдельные части Союза не имеют буржуазного окружения в означенном смысле. Для Садвокасова это ничего не говорит, поэтому он лозунг индустриализации понимает так, что каждая республика должна развивать все отрасли производства, быть экономическим универсалом. Тов. Зеленский безусловно прав, когда он в своей статье пишет: «Каждая республика должна

¹) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 361. Разр. наша. *К. Т.*

развертывать те отрасли хозяйства, которые наиболее выгодны не только с точки зрения интересов данной республики, но и хозяйства Союза в целом. У нас должен быть единый общесоюзный хозяйственный комплекс, при котором каждая отдельная республика, каждый хозяйственный район дополняют друг друга. Тенденции строить республики хозяйственно, как замкнутые организмы, являются вредными и опасными с точки зрения развертывания социалистического хозяйства в целом ¹).

Только националистические мещане, исходя из чуждых пролетариату соображений, могут выступать против общесоюзного социалистического плана. Само собой разумеется, что тот план не социалистический, который противоречит интересам трудящихся отдельных наций. Напротив, наше хозяйственное районирование исходит из необходимости улучшения положения рабочих и крестьян прежде всего. И это нас не обязывает ставить целью развитие в любой республике всех отраслей производства. Исходя из естественно-природных условий, некоторые районы по преимуществу, а не исключительно, будут поставщиками сырья для других районов. Но дело в том, что сама добыча сырья будет происходить не архаическим, а рационализированным способом, путем индустриализации. Индустриализировать мы будем не только город, но сельское хозяйство, добычу сырья.

Русская буржуазия, превращая окраины в сырьевую базу, наживала огромные барыши. Для диктатуры пролетариата такая политика гибельна и исключена. Если через иностранные товары ныне к нам просачивается буржуазное влияние, то ввоз продуктов социалистической промышленности из одной республики в другую в пределах Союза только укрепляет наши позиции. Промышленность зависит от сырья и сырье зависит от промышленности. Только ослепленный национализмом может называть эту политику великодержавной.

Совершенно прав был т. Рыков, когда в своей речи на IV С'езде Советов выступал против такого понимания индустриализации, что нужно каждую республику и автономную область превратить в замкнутый социалистический рай. Такое ложное толкование нашей хозяйственной политики имеет место среди определенного круга работников. Против этого нам нужно вести жестокую борьбу. Разумеется, эта борьба не должна заслонять задачи дальнейшей упорной работы над осуществлением фактического равенства национальностей нашей страны.

В противоположность Садвокасовым всех мастей нацорганизации ВКП правильно поняли свою задачу. Например, Заккрайком ВКП в самом начале своих тезисов по пятилетке отметал линию на замкнутое хозяйство. «Мы не можем выдвигать как господствующую цель хозяйственный универсализм. Наоборот, необходимо совершенно отчетливо наметить линию специализации района, опирающуюся на разделение труда во всем Союзе» ²).

Аналогичную позицию в этом вопросе занял и ЦК компартии Туркменистана. А Садвокасовы, прикрыв цитатами свое националистическое лицо, отрицают наличие сторонников универсализма и замкнутого хозяйства. Но разве не ясно, что, борясь против совершенно правильных положений тт. Зеленского, Голощекина и Рыкова, Садвокасов отстаивает именно эту хозяйственную замкнутость Казахстана? Ведь свыше четырех лет назад известные грузинские уклонисты отстаивали и проводили в жизнь эту националистическую затею. Иначе, как линией на замкнутое хозяйство, нельзя назвать предложения грузинских уклонистов о частичной ликвидации монополии внешней торговли именно через Батум, устройство карантинов на границах

¹) «Правда Востока» от 7 окт. 1927 года.
²) «Заря Востока», 13 ноября 1927 г. Разр. наша. *К. Т.*

Грузии, стремление к ликвидации Закфедерации и давление на национальные меньшинства. Факты, характеризующие наличие стремления к замкнутому хозяйству в недрах нацорганизации, можно было бы увеличить в десятки раз. Идеологи хозяйственного универсализма есть, и они выражают интересы прежде всего национальной мелкой буржуазии, которая хочет сохранить за собой национальный рынок. Садвокасов является «теоретиком» этой тенденции национальной буржуазной демократии внутри партии.

Когда т. Садвокасову указывают, что он развивает политические взгляды наших врагов, находящихся по ту сторону границы, он отвечает: «Пускай Чокаевы говорят и пишут что угодно»... Для идеолога национал-демократии все равно, что пишут о нем наши враги-эмигранты. Но печально для коммуниста, когда его выкрики здесь отдают громким одобрительным эхом по ту сторону баррикад. Тогда Садвокасовым следует приставить палец ко лбу и глубоко призадуматься.

Вместо этого, Садвокасов щеголяет «хозяйственной целесообразностью» и т. д. Но для каждого младенца понятно, что мы сейчас не можем ставить «хозяйственную целесообразность» в качестве критерия нашей экономической политики. Для нас пока-что существуют политические соображения и от этого выигрывают прежде всего национальные республики и области. Мы не можем упускать и стратегические соображения. Так как наши окраины не застрахованы от повторения событий 18 и 19 годов, т.-е. иностранной интервенции и возможного отрыва центра от окраин, то это не может также не влиять на нашу хозяйственную линию. Только идеолог национал-демократии может отстаивать точку зрения «хозяйственной целесообразности», когда это способствует задаче создания замкнутого национального хозяйства.

Итак, немедленная и универсальная индустриализация национальных республик, создание тем самым замкнутого национального хозяйства — такова линия Садвокасова, она же политика буржуазной демократии национальных окраин.

Социалистическая перестройка национальной деревни и национальная демократия.

Теоретическую путаницу т. Садвокасова мы относим за счет той безнадежной попытки—примирить национализм с коммунизмом, — которую взялся проделать автор. Личность Садвокасова тут менее всего повинна. Характерная особенность автора «О национальностях и националах» — теоретическое убожество, внутренняя противоречивость и передергивание цитат.

Вот не угодно ли послушать «теоретические» истины ташкентского мудреца по крестьянскому вопросу. «Мы долгое время отождествляли национальный вопрос с вопросом крестьянским, считая, что первый *часть* второго»,—так поучает Садвокасов.

Возникает вопрос: кто это такие «мы»? Если под этим автор подразумевает себя, да еще кое-кого из около алаш-ордынской интеллигенции, то можно охотно верить, что «мы» долго отождествляли национальный и крестьянский вопрос, считая первый частью второго. Но если под «мы» понимать большевистскую партию, то Садвокасов говорит сущую неправду.

Во-первых, национальный вопрос не тождественен крестьянскому вопросу. Национальный и крестьянский вопрос не тождественны потому, что в каждой нации, в той или иной степени имеются некрестьянские элементы. Прежде всего имелись и имеются мелкая буржуазия и городское мещанство, а в иных нациях пролетариат и буржуазия. Классовая дифференциация значительно задела многие национальности нашей страны, выбрасывая часть из деревни в город. Поэтому крестьянский вопрос уже давно

не обнимает всей национальной проблемы. Но поскольку крестьянство остается основной массой всех национальностей Союза, постольку в *значительной мере* национальный и крестьянский вопрос совпадают.

Во-вторых, и, следовательно, неверно, будто национальный вопрос является частью крестьянского вопроса. Эта детски наивная точка зрения, которая исходит из простого количественного подсчета, что в стране такое-то количество крестьян, при чем меньшая половина националы, поэтому национальный вопрос есть часть крестьянского. Такой подход ничего общего с ленинизмом не имеет. Как раз напротив, для окраин крестьянский вопрос является частью национального вопроса. Национальная проблема куда глубже крестьянского вопроса. Достаточно указать, что национальный вопрос включает такие дополнительные элементы, как язык, национальная культура и очень часто иной переплет социальных сил. Если бы национальный вопрос был частью крестьянского, он был бы менее сложным и, весьма возможно, не путал бы головы некоторых ташкентских мудрецов.

Мы не знаем, откуда черпал свои знания т. Садвокасов. Когда-то Садвокасов искренне признавался, что случился грех, он находился под влиянием алаш-ордынской интеллигенции. Повидимому, старый грех бесследно не прошел для нашего автора. Ибо, если обратиться к знатоку национальной проблемы в ленинизме т. Сталину, то он утверждает нечто иное, чем Садвокасов. Как раз по существу разбираемого вопроса т. Сталин пишет: «Мы часто говорим, что национальный вопрос есть, в сущности, вопрос крестьянский. И это совершенно правильно. Но это еще не значит, что национальный вопрос *покрывается* крестьянским вопросом, что крестьянский вопрос равняется национальному вопросу по своему об'ему, что крестьянский вопрос тождественен с вопросом национальным. Не нужно доказывать, что *национальный вопрос по об'ему шире и богаче вопроса крестьянского*» [1]).

Возникает мысль, что «теория» тождества выдумана Садвокасовым с целью «доказать», что партия недооценивала в прошлом национальный вопрос, суживала его. А отсюда уже вытекает предложение Садвокасова большевизму искупить свой «грех» в будущем, приняв национал-демократическую установку на замкнутое хозяйство в каждой республике.

Следовательно, отпадает дальнейшее «но», «уже», «ибо» и пр.

Что же касается процессов, происходящих ныне в национальном вопросе, то они едва ли могут быть освещены в данной статье. Достаточно отметить, что, если ныне в связи с индустриализацией меняется физиономия нации, то ведь меняется и лицо крестьянства. Тут возникает еще ряд интересных вопросов, к которым мы еще вернемся в другой связи.

Следующий вопрос, по которому так много дуется тов. Садвокасов—это переселенческая политика. Если в других местах автор говорил от имени «угнетенных народов» вообще, то тут он спускается на грешную землю и атакует политику партии с точки зрения интересов крестьянства Казакстана. Да иначе и быть не могло, ибо огромное большинство национальных республик и областей заинтересовано не в том, чтобы приостановить переселение до «окончания внутреннего землеустройства», а решить его теперь же. Поэтому, когда ЦК в своих тезисах отмечает необходимость усиления переселенческой деятельности, то это не против, а за интересы всех национальных республик и областей в целом. А напоминания Садвокасова о Столыпине тут ни к селу, ни к городу.

Может быть, частично переселение будет и в Киргизстан. Но откуда видно, что мы из-за этого не должны переселять, напр., в Сибирь? Ведь ни откуда не вытекает, что из-за того, что одной национальной республике

---

[1]) И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр 28

надо потесниться за счет излишков полуфеодальной верхушки, мы должны приостановить регулирование аграрного перенаселения во всей стране. В этом предложении Садвокасов только лишний раз демонстрирует свой национализм.

Вместо того, чтобы изыскивать средства экспроприации пастбищных излишков и удовлетворять нужды казакского бедняка и постороннего переселенца, т. Садвокасов предлагает смотреть сквозь пальцы на земельный голод в некоторых районах Союза. А что бай по сие время имеет кое-какие земельные излишки, это отмечает в своей резолюции 3-й пленум казакского крайкома ВКП. Вот соответствующее место из этой резолюции. «Наибольшее накопление основного капитала полеводства и скотоводства в байских хозяйствах, возникших и выросших на основе частнокапиталистических товарных отношений, имело неизбежным своим последствием **концентрацию в байских хозяйствах наиболее ценных земельных угодий**, которая происходила примитивно-захватным путем» [1]).

Не случайно, что именно Садвокасов выпячивает вопрос колонизации. Мы уже отмечали искреннее признание Садвокасова о том, что он некогда находился под влиянием идеологии алаш-ордынцев. Теперь же, к сожалению, приходится констатировать, что Садвокасов и сейчас не свободен от такого влияния. Ведь никто так остро не ставил в свое время переселенческий вопрос, как именно партия Алаш-Орда. В § 10 программы Алаш-Орда мы читаем: «Надел переселенцев-крестьян, **до окончания полного надела туземцев**, не должен производиться. Все, ранее отобранные у киргиз переселенцами земли, должны быть возвращены обратно» [2]).

Как видит читатель, тов. Садвокасов точь в точь повторяет алаш-ордынцев; он требует подождать до «окончания внутреннего землеустройства», и они считали необходимым повременить «до окончания надела туземцев». Садвокасов даже пошел дальше. Он косвенно выступил («как нужно понимать»—так оригинально формулирует свою отрицательную позицию автор) против тезиса партии по переселенческому вопросу, исходя из интересов Казакстана. А ведь Алаш-Орда только требовала подождать до наделения туземцев. Не ясно ли теперь, что влияние национал-буржуазной алаш-ордынской идеологии на т. Садвокасова вовсе не исторически, а конкретно, существующий факт.

Грош цена после этого советам Садвокасова по поводу «еще большего возможного усиления индустриализации страны» и пр. Человек не желает экспроприировать «своего» бая, а подает сухие советы, в которых никто не нуждается. Разве только казакстанскому мыслителю неизвестно, что мы напрягаем все экономические нервы страны, чтобы усилить индустриализацию и принимаем все меры, дабы рационализировать сельское хозяйство. Партия вот уже два года бьется с оппозицией как раз по этому вопросу, ибо именно троцкисты выдвигали демагогическое требование форсированной индустриализации страны, ни разу членораздельно не указав источника, за счет которых можно все сие провести. История не знает другого примера, чтобы страна исключительно своими собственными средствами—ибо международная буржуазия нас бойкотирует, — поднимала свое хозяйство таким быстрым темпом, как это делаем мы. Ведь все это сказано тысячу раз, в том числе — к сведению Садвокасовых, которые ныне повторяют оппозиционные зады.

Еще один аргумент выдвигает Садвокасов против переселенческой политики партии. Кивая в сторону Бельгии, Дании и пр., автор утверждает, что аграрное перенаселение у нас относительное. Да, дорогой товарищ, на

[1]) «Резолюции 3-го пленума каз. крайкома ВКП(б), стр. 30. Разр. наша. *К. Т.*
[2]) А. Бочаров. «Алаш-Орда», стр. 48—49.

свете все относительно, в том числе и коммунистичность известного отныне Садвокасова. Все это верно и не ново. Но не в этом суть дела.

Когда у миллионного крестьянства мало средств, сельскохозяйственных машин и культурных навыков, которых сразу восстановить нельзя, то одними платоническими пожеланиями делу не поможешь. При этом глупо и невежественно противопоставлять политику индустриализации и переселенческую проблему. В условиях наследия многовекового царизма смехотворно представлять линию на индустриализацию без частичного переселения. И тут один плод фантазии Садвокасова нужно отметить. Автор полагает, что раз имеются в деревне арендные отношения и в лице безработных уходит часть крестьянства, то, следовательно, есть излишек земли. Само собой понятно, что если бы садвокасовская «теория» отображала истину при наличии дальнейшей дифференциации крестьянства, то вопрос о переселении, пожалуй, можно было бы и не ставить. Подождать, пока излишняя часть крестьянства уйдет в город, а тем временем индустриализировать и деревню.

Но маленький недостаток этой «теории» заключается в том, что она гнилая, нежизненная и в своей предпосылке оппортунистическая. Она исходит из наличия постоянной и все усиливающейся дифференциации крестьянства, в результате роста капиталистических отношений в деревне. Партия делает ставку на сужение дифференциации путем подтягивания низших групп деревни и нажима на верхушку крестьянства. Садвокасов же гнет в обратную сторону. И тут становится понятным, почему автор так упорно молчит об экспроприации земельных участков бая в пользу бедноты.

Следовательно, «философия» Садвокасова об относительном и абсолютном перенаселении, призывы подождать «окончания внутреннего землеустройства» есть «философия» буржуазной национал-демократической Алаш-Орды. А раз Садвокасов скатился до Алаш-Орды, то отсюда непосредственно вытекает иная оценка партийного руководства на окраинах. К разбору этой иной оценки мы и переходим.

Большевистское руководство или национал-демократия?

Из разобранной установки Садвокасова на вопросы развития социалистической индустрии и национального аула логически вытекает та позиция в вопросах партруководства в национальных республиках, которую занял автор. Надо иметь в виду социальный фон, на котором демонстрирует свое выступление Садвокасов.

Мы являемся свидетелями быстрого роста социалистических элементов хозяйства, политики и культуры на окраинах. Растет общественная промышленность и кооперация. Миллионные массы аула, пробуждаясь, тянутся к управлению социалистическим строительством через советы, кооперацию, союзы кошчи и пр. Сотни тысяч националов посещают различные с'езды и совещания, получают среднее и высшее образование. Но самая высшая школа для миллионов трудящихся—это классовая борьба, которая в той или иной степени происходит в республиках и областях.

Подлинная социалистическая революция во многих районах началась только каких-нибудь два—три года назад, и далеко еще не закончилась. Достаточно сказать, что мы еще не во всех республиках и областях ликвидировали остатки феодальных отношений. В сущности, классовая борьба в таких республиках разворачивается по линии того, можно ли миновать при поддержке советского пролетариата капиталистический этап развития отдельных окраин, или такая возможность исключена. Жизнь уже сегодня поставила в порядок дня ту важнейшую проблему, которую еще

на II конгрессе Ленин теоретически поставил перед Коминтерном [1]). Ныне бурный рост этих отсталых республик ставит со всей остротой вопрос, куда пойдет развитие: к буржуазной демократии или к социализму, под руководством национал-демократов или пролетарских революционеров, под воздействием иностранной буржуазии к реакции или под руководством советского пролетариата к социализму. На наших глазах, при наличии советской власти, происходит генеральное межевание классовых сил.

Если пойти дальше и проблему поставить в плоскость теории наций, то возникает вопрос: будет ли происходить ныне формирование нации из отдельных родов и племен так же, как раньше, под руководством буржуазии, или же историческая миссия формирования нации выпадет и на долю пролетариата? Насколько к лицу революционному пролетариату возглавлять процесс формирования нации, не противоречит ли это задачам интернационального социализма, к которому мы стремимся? Все эти вопросы важны не только с точки зрения теоретического интереса к ним. Нет, они сугубо практические проблемы для ряда национальных республик и областей.

Буржуазная демократия, начиная от алаш-ордынцев и кончая дашнаками, тянет отдельные нации по пути капиталистического развития. Это тот путь, по которому прошли все буржуазно-развитые нации Европы и Америки. Если в целом ряде республик Союза, где предпосылки классовой борьбы были налицо и где буржуазия потерпела поражение от союза национального пролетариата и крестьянства с русским рабочим классом, вопрос в основном уже решен в пользу социализма, то имеется целый ряд национальностей, где классовая борьба только-что разворачивается. В частности, в Казакстане алаш-ордынская интеллигенция до сих пор не теряла надежды, что ей следует возглавлять процесс окончательной консолидации казакской нации на буржуазных началах. И, естественно, что буржуазная демократия окраин, под ударами растущего социализма и революционных масс, часто попадает в об'ятия полуфеодальной реакции.

Отсюда ясно, что неправильно то утверждение, будто местный национализм есть результат наличия великодержавного шовинизма — и только. Верно то, что великодержавный шовинизм питает и активизирует местный национализм. XII с'езд был прав, когда основное внимание партии сосредоточил на борьбу с великодержавным шовинизмом. Но ошибаются те, кто полагает, что с изжитием великодержавного шовинизма, изживается и местный национализм, что между шовинизмом и национализмом существует полная и равная взаимозависимость. К сожалению, местный национализм имеет более глубокие корни в социально-экономических условиях национальностей нашей страны. Поэтому рост большевистских кадров в национальных организациях протекает в сложных, неблагоприятных условиях [2]).

---

[1]) В этой связи нельзя не отметить два ляпсуса проф. Кушнера как раз в связи с Казакстаном. Во-первых, Кушнер совершенно не прав, утверждая, что у казаков не было феодалов и нет классовой борьбы, а имеется только родовая организация. На ряду с родовыми пережитками у казаков выросли патриархально-феодальные элементы. Ну, а о наличии классовой борьбы и говорить нечего. Во-вторых, Кушнер полагает, что советская власть не совместима с родовым бытом. Отсюда и «теория» «капиталистического дозревания». Что у казаков родовой быт и натуральное хозяйство не господствуют, это уже отмечено. Но если бы даже Кушнер был прав в том, что в Казакстане господствует родовая организация и то по Ленину не только возможно существование советской власти, но и возможен переход к социализму. «Теория» проф. Кушнера не только противоречит ленинскому положению о возможности миновать капиталистический этап развития, но и питает идеологию национальной буржуазии. (Выдержки из речи проф. Кушнера. См. «Большевик» № 13, 1926 г., стр. 76 и 77).

[2]) Некоторые уступки национализму за последние годы можно отметить в компартии Армении. Уступки эти выражаются в слабости систематической идейной борьбы с дашнаками, в отсутствии достаточного отпора реакционной нацио-

Но это отнюдь не значит, что нацорганизации не могут быть большевистскими. Сложность обстановки не значит, что мы должны от нее бежать. Напротив, коммунистические кадры националов, используя поддержку русского пролетариата и опираясь на национальную бедноту, должны возглавить национальное строительство республик и областей, направляя его в русло социализма. Своеобразие нашего развития заключается в том, что, по существу интернациональная, пролетарская диктатура способствует формированию нации. Диалектика борьбы выдвигает такое своеобразие, что чем скорее мы проделаем эту работу, тем ближе подвинемся к социализму, тем менее почвы для национальной демократии.

Само собой понятно, что противоречивость нашего развития находит свое отражение внутри нацорганизации. По мере углубления классовой борьбы в ауле, по мере роста социалистических элементов на окраинах среди коммунистов выделяются элементы, по существу являющиеся идеологами буржуазной демократии. Они попали в нашу партию тогда, когда еще не был поставлен вопрос о перенесении классовой борьбы в аул, когда еще стояли общенациональные демократические задачи. Часть этих элементов, пребывая внутри партии, день ото дня отходит и будет отходить от большевизма в лагерь наших противников.

Типичным представителем этого рода деятелей является Садвокасов. Если он во - время не остановится, то отойдет от нас очень далеко. Может быть, даже против суб'ективного желания. Такова логика классовой борьбы, которая побеждает личные симпатии и антипатии.

В самом деле, стоит внимательно прочесть статью Садвокасова, и станет ясно, чьи интересы он отражает. Прежде всего, бросается в глаза его двойственность и противоречивость. Он признает значительные достижения советской власти, поскольку его нация освободилась от экономического, политического и культурного рабства царизма. Но он видит извращения в том, что тот или иной русский пролетарий руководит в Казакстане, что классовая борьба вносится в аул. К алаш-ордынской буржуазной демократии, — вот куда тянет Садвокасов.

Не нужно забывать и того, что Садвокасовы являются признаком нашего роста. Они пришли к коммунизму в период наименьшей дифференциации в национальном ауле. То, что теперь они отходят от партии, показывает, что классовая борьба в ауле разрешается в пользу бедняка, что в самых отсталых районах социалистическое направление берет верх над буржуазно-демократическим. Садвокасов вот уже несколько лет открыто борется против внесения классовой борьбы в аул.

Так, на III партконференции Казакстана, когда впервые был поставлен вопрос о внедрении классовой борьбы в аул, Садвокасов совершенно в духе любого буржуазного национала истерически заявил: «В настоящее время страна ждет вовсе не потрясения, а творческой и мирной работы, и ее спасут не новые экспроприации, а труд и наука» [1]).

Садвокасов тогда всеми силами выступал против **обследования** аула, боясь «искусственного брожения в степи». Дальше на 2 пленуме крайкома ВКП(б) Садвокасов выступил с «теорией» равенства кулака и бая, на том основании, что будто у последнего нет инвентаря, боролся против общественного обложения бая, что вносило элемент обострения классовой борьбы в аул. Тот же Садвокасов выступил против передела луговых угодий

налистической интеллигенции и в отставании большевистской воспитательной работы в рядах молодежи. Некоторый поворот самого последнего времени по изжитию этих недостатков необходимо усилить. Национализм в партии надо выжигать, если не каленым, то, по крайней мере, горячим железом.

[1]) Отчет III казакстанской крайконференции ВКП, стр. 142.

в интересах бедноты и, выступая против экспроприации, отстаивал идею кооперирования. Но что значит кооперация при наличии всесильного бая, как не замазывание господства буржуазии и отстаивание антисоциалистического пути развития?

На 3 пленуме крайкома в 1927 году Садвокасов продолжал свою общую линию ориентации на национальную демократию, правда, на этот раз менее последовательно, но тут уж не вина Садвокасова, а тех низовых работников, которые шли до того с ним и теперь от него отвернулись: «вождю» оставалось только капитулировать временно и на словах. И на 3 пленуме Садвокасов сражался за «гражданский мир», защищая миролюбие бая по сравнению с русским кулаком, на том основании, что будто «хозяйство казакского бая не имеет средств производства» и поддерживал свой старый лозунг «ограничить границы Октября» [1]).

После всего этого кажется, что крайком не вел даже достаточно жесткую борьбу с буржуазно-национальной идеологией Садвокасова. Тот же 3-й пленум крайкома констатировал в своей резолюции, «что товарищи Мунбаев и Садвокасов не однажды выражали свое несогласие с направлением 2-го пленума в вопросе о революционных методах изменения социально-экономических отношений аула, считая возможным построить действительно совет трудящихся и перевести аул на рельсы социалистического строительства, не нарушая существующих дореволюционных социально-экономических отношений в ауле» [2]).

Правда, уступчивость и мягкость крайкома имеет свои плоды, но надо же иметь предел и поставить за борт партии идеологов буржуазного национализма.

Садвокасов, выступая за коммунистов - националов, полагает, что «беспросветное прошлое» и «национальная программа коммунистической партии» являются гарантией роста нацорганизации». «Коммунист-национал... пришедши в партию на буксире национальной программы компартии, теперь уже опережает доныне таскавший буксир»,—так пишет автор. И в довершение ко всему Садвокасов к десятилетию Октября выдвигает лозунг «Доверие и равенство коммунисту-националу».

Тут что ни положение—мещанская пошлость. В самом деле, ведь «беспросветное прошлое», кроме революционного фактора, служило и служит тормозящим фактором, консервируя атрибуты патриархально-феодального строя отдельных национальностей. Только чуждые коммунизму люди могут успокоиться на том, что существует хорошая национальная программа, на деле борясь против нее. Национальная программа революционного пролетариата в действии для Садвокасовых является «буксиром», от которого они теперь стараются освободиться хотя бы под тем предлогом, что они ее переросли. Для миллионных же масс тружеников Советского Востока это—социалистический якорь спасения. Только Садвокасовы, прикрывающие свое националистическое лицо, могут городить такую чепуху, будто нацорганизации обогнали национальную программу партии, и требовать, под видом равенства коммунистов,—равенства для идеологов буржуазного национализма. Этот номер не пройдет.

Далее, на двух страницах Садвокасов поднимает жалобный вой против бюрократа и ратует за коренизацию. Тут он только повторяет оппозиционные бредни средне-азиатских троцкистов—Тумаилова и Семенова. Не будем приводить больших цифр: они уже всем известны. Укажем коротко, что национализация аппарата на всех окраинах систематически проводится.

[1]) Внутрипарт. вопросы на 3-м пленуме каз. крайкома ВКП(б), стр. 33 и 45.
[2]) Там же, стр. 171.

В составе парторганизации и руководящих органов неуклонно растут националы. Растет туземный пролетариат. На Украине, при 85,2 проц. украинцев среди сельского населения, в сельсоветах 82,5 проц. украинцев. В Казакстане казаков среди сельского населения 59,1 проц., а в сельских советах—61,2 проц. Правда, всего этого еще далеко не достаточно. Но разве кто-нибудь в партии серьезно хочет этим ограничиться?

Все это ничто для Садвокасова. Он хочет немедленной, если не стопроцентной, то во всяком случае около стопроцентной коренизации. К этому сводятся его истерические требования, ибо коренизация в меру сил и возможностей проводится. Для Садвокасова тут никаких границ и опасностей не существует. На то он и идеолог национальной демократии. Он коренизацию понимает по - своему: если в сельсоветах сидят казаки это—не коренизация, а если в крайкоме сидят пара, другая интеллигентиков и разводят антикоммунистические сплетни против большевистского руководства—вот это коренизация в духе нашего автора.

Бюрократизм и недопустимое извращение линии партии со стороны «истинно русского держиморды», конечно, часто имеет место. Партийное руководство отнюдь также не безгрешно. Ошибки и извращения есть и будут. Но это не значит, что мы можем и должны от сегодня назавтра все коренизировать. Ведь самая национализация аппарата наталкивается на целый ряд об'ективных препятствий и в зависимости от республики принимает различные формы. В некоторых республиках и областях она встречает иногда такие препятствия, как невыработанность и слабая приспособленность языка, орфографические недостатки, частичное сопротивление руссифицированной части туземного населения и самое главное отсутствие местных людей. На ряду с этим в некоторых районах коренизацию надо понимать как задачу выдвижения не просто националов, а националов из рабочих и крестьян. Разумеется, все эти препятствия мы преодолеваем, но надо же с ними считаться и нужно же иметь чувство меры. Как бы Садвокасовы ни пыхтели и ни лезли из кожи вон в пользу коренизации, она в известных условиях может приводить не только к бюрократизму аппарата, но и к частичному национал-демократическому его перерождению.

Для Садвокасова все равно «пускай Чокаевы говорят и пишут, что угодно». Для партии пролетариата не все равно, что о ней думают и пишут враги. И знаменательно, что ныне меньшевики и эсэры свою ставку делают между прочим на перерождение нашего аппарата через национализацию. На ряду с Садвокасовым и меньшевики «за наиболее последовательную и далеко идущую национализацию советских республик,—и притом не путем прямой политической борьбы, конспирации, восстания и т. д., но путем использования возможностей национально-культурной и организационной работы, органического завоевания низового советского аппарата и т. д.» [1]).

Только тупые мещане могут выдвигать явно демагогические требования, не учитывая, что они часто играют на руку нашим врагам. Нет ничего более антимарксистского, чем точка зрения, не учитывающая огромного контраста между отдельными республиками и областями Советского Востока. Часто товарищи, рассуждая о национализации и о партруководстве, обходят эти различные и глубокие своеобразия.

Однако, если вдуматься в состояние Советского Востока, то должно быть ясно, что национальные окраины и их парторганизации никак нельзя стричь под одну гребенку. У нас есть народы, которые оформились в нации задолго до революции, развивались на капиталистических рельсах, имели национальную буржуазию и пролетариат. На ряду с этим целый ряд народ-

[1]) «Соц. Вестник» № 19. Октябрь 1927 г., стр. 12

ностей только вступил на путь капиталистического развития, оформляясь в нацию и положив начало росту туземного пролетариата. Наконец, имеется ряд племен, застигнутых революцией в докапиталистической стадии развития, которые только теперь формируются в нации и создают национальный пролетариат. Если в странах первого и второго типа революция победила по преимуществу своими внутренними силами, то в странах третьего типа классовая борьба протекает в окружении советских порядков и при помощи общесоюзного пролетариата. В странах третьего типа национализация аппарата и большевизация парторганизации имеет ряд серьезных препятствий. Внутри парторганизации первого и второго типа неизбежны еще частично колебания. В странах третьего типа неизбежны еще частичные отходы и отколы. Выступление Садвокасова есть голос буржуазно-националистической тенденции более отсталой части Советского Востока. Оно является болезнью нашего роста и вместе с тем сигналом стоящих перед нами последних трудностей. В борьбе против национальной демократии Садвокасовых будет закаляться и расти поколение большевиков революционного Востока.

Не смешно ли, что Садвокасов свой путь к буржуазной демократии прикрывает лозунгом: «На ленинские позиции по нацнональному вопросу на практике».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

В. И. ЛЕНИН. Сочинения. Издание второе под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, И. И. Скворцова-Степанова. Том IV. 1900—1902 гг. Редактирован Л. Б. Каменевым. Государственное издательство. 1927 г. Стр. 662. Подготовлен к печати В. Г. Сориным.

Настоящий том сочинений В. И. Ленина охватывает период 1900, 1901 и первой половины 1902 гг. и включает в себя первую половину эпохи, известной в истории нашей партии под именем эпохи «Искры». Этот том освещает политику Ленина в связи с самой организацией «Искры», его борьбу с экономизмом, бернштейнианством и Струве. Второй половине искровского периода, программным спорам, борьбе с эсзрами и либеральным «Освобождением», а также, тактическим вопросам, рабочего движения будет посвящен следующий, пятый том. Крупнейшее произведение этой зпохи: «Что делать?» вошло в рассматриваемый нами том.

Работа по подготовке издания «Искры» и вся искровская кампания протекали не только при ближайшем участии В. И. Ленина, но и под его непосредственным идейным и организационным руководством.

В январе 1900 г. кончился срок ссылки В. И. Ленина, и он тотчас же выехал из Сибири. Проездом он останавливается в Уфе, Москве и Петербурге и совещается с местными с.-д. по вопросам организационного воссоздания партии и издания общепартийного органа. Из этих совещаний выяснилось, что его план относительно создания газеты встретился с другим, с идеей немедленного созыва II партийного с'езда. Идея эта исходила от «Союза русских социал-демократов за границей», с которым в то время особенно резко обострились отношения у группы «Освобождение Труда» на почве идейных и организационных разногласий. И по этим соображениям, и по соображениям принципиального характера—слабость идейного укрепления и организационного сплочения местных соц.-дем. организаций—В. И. считал преждевременным созыв II с'езда. Однако, группой Ленина, в которую входили тогда Мартов и Потресов, решено было принять участие на с'езде, не останавливая в то же время работ, предпринятых по созданию газеты.

Попытка немедленного созыва с'езда не удалась из-за массовых арестов. Пришлось отказаться и от издания газеты в пределах России и перенести это дело за границу. Летом 1900 г. В. И. выехал за границу, где уже находился Потресов, подготовлявший техническую сторону издания «Искры». Еще находясь в Пскове, В. И. составил проект заявления редакции «Искры» и «Зари». Этим заявлением и начинается IV том сочинений Ленина. Настоящее заявление обсуждалось на так называемом «Псковском совещании», на котором, помимо будущих искровцев (Ленина, Потресова, Мартова и др.), приняли участие также представители «легального марксизма» Струве и Туган-Барановский. Характеристика «критиков» марксизма в «Заявлении» была такова, что Туган-Барановский высказал сомнение в возможности поддержать начинание. К Тугану присоединился и Струве. Оба они были обижены «несправедливым» к ним отношением. И, однако, несмотря на все «обиды» и «несправедливости», они все же решили поддержать новое начинание: стоявшие перед либеральной буржуазией задачи властно требовали ближайшего участия в делах руководящей группы революционной социал-демократии, которую предполагалось использовать для закрепления своего

влияния в массах. Ради этой большой идеи, Струве готов был снести обиды и даже поступиться «прищипами». Впоследствии, в Швейцарии, когда из переговоров выяснилось, что Струве претендует на равноправие в руководстве рабочим движением—Ленин один «поднял восстание» против всей будущей редакции «Искры», которая шла на уступки.

«... Когда мы спросили Струве и Тугана, — рассказывает Мартов о псковском совещании в «записках социал-демократа», — каково же в конечном счете ваше отношение к нашему начинанию, я удивленно услышал твердое заявление Струве: мы считаем его необходимым... поддерживать..., после чего попросил принять от него ежемесячный взнос... в 5 р.», Туган внес также свою «посильную лепту» в 10 р.

«Если бы мы предвидели,—говорит Мартов,—как разойдутся наши пути, мы бы, вероятно, сохранили, как исторический памятник, полуимпериал, врученный будущим злейшим врагом социализма и революции...».

По приезде за границу В. И. и его группа немедленно вошли в сношения с группой «Освобождение Труда» по вопросу о совместном издании «Искры». Однако, уже в самом начале переговоров выяснились резкие разногласия между «молодыми» (Ленин, Потресов) и Плехановым, которого поддерживали Аксельрод и Засулич. Плеханов хотел властвовать в новом органе и настаивал на издании газеты в Женеве, «молодые» же полагали, что редакторами должны быть они как потому, что «старики» крайне нетерпимы, так и потому, что они (старики) не смогут вести аккуратно черную и тяжелую редакторскую работу, против идейного же руководства «стариков» ни Ленин, ни Потресов не возражали.

Абсолютную нетерпимость и неискренность проявил Плеханов и в вопросе об отношении к Струве.

В записи «Как чуть не потухла «Искра» (вошедшей в настоящий том) В. И. говорит: «... Наши заявления, что мы обязаны быть, елико возможно, снисходительны к Струве, ибо мы сами не без вины в его эволюции: мы сами, и Г. В. в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895, 1897 гг). Г. В. абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей вины, отделываясь явно негодными аргументами, отстраняющими, а не раз'ясняющими вопрос... Зачем обманывать себя, говоря, что в 1895 г. ему, Г. В., будто бы было «приказано» (??) «не стрелять» (в Струве), а он привык делать, что приказано (похоже на то!)...».

Как известно, это заявление Плеханова дало кое-кому повод утверждать, что Ленин еще в 1895 году защищал Струве против Плеханова; такое же предположение высказывал и Ваганян в IV книге «Воинствующего Материалиста», заявляя, что Ленин «мог советовать Плеханову «не стрелять» в Струве, ибо в то время начиналось уже сближение с легальными марксистами». О полной несостоятельности такого предположения Ваганяна, нам уже приходилось говорить на страницах «Большевика» (1925 г., № 19—20), тогда же путем сопоставления целого ряда фактов, нами была высказана уверенность, что советы «не стрелять» в Струве в 1895 г. могли исходить только от Петресова. В статье «Ленин 1900—1902 г.», напечатанной в рецензируемом томе, Л. Б. Каменев, цитируя только теперь ставшее известным письмо Плеханова к Мартову от 25 октября 1908 г. об отношении к Струве, говорит, что письмо это «раз навсегда решает вопрос о том, кто дал тогда Плеханову «приказ не стрелять» в Струве. Этот «приказ» был дан Петресовым».

С октября 1900 года началась подготовка к изданию первого номера «Искры». 24 декабря этот номер вышел в свет. «Искра», говорится в примечании на стр. 558 рецензируемого тома, возникла, как результат блока

двух групп: группы русских социал-демократов (Ленин, Мартов, Потресов) и заграничной группы «Освобождение Труда» (Плеханов, Аксельрод, Засулич). Это разделение на две группы, из которых «лидером» одной был Ленин и «лидером» другой—Плеханов, продолжало «неофициально» иметь место и внутри общей редакции, проявляясь в ряде программных, тактических и организационных разногласий между Лениным и Плехановым... Из разногласий, имевших место внутри «Искры»..., создававших иногда угрозу разрыва и раскола, можно отметить следующие: формулировка задач «Искры», отношение к статье Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», программа партии, отношение к статье Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии, вопрос о существовании «Южного Рабочего» параллельно с «Искрой», вопрос о демонстрациях... и др.». При наличии этих разногласий, раскол на II с'езде Р. С. Д. Р. П. не явился неожиданным. Если разногласиям 1901—1902 годов предпослать различное отношение Ленина и Плеханова к либералам и крестьянству еще в первой половине 90-х годов, если припомнить разбор программы группы «Освобождение Труда», сделанный Лениным в 1899 г., то мы будем иметь вполне достаточный материал для установления «двух тактик», двух направлений мысли в русской социал-демократии—ленинской тактики (революционного марксизма) и тактики буржуазного извращения марксизма—меньшевизма.

Три статьи, появившиеся в первом номере «Искры», принадлежат перу В. И., они помещены в рассматриваемом томе. Первая из них — «Насущные задачи нашего движения»,—говорит о состоянии разброда в русской социал-демократии, о содействии политическому развитию и политической организации рабочего класса и о необходимости подготовки победоносной революции пролетариата. Организация крепкой партии—основная задача момента. Из других статей, одна касается китайской войны, которую затевало в то время царское правительство, другая—раскола в заграничном союзе русских социал-демократов.

Следующие два номера «Искры» и первый номер журнала «Заря» вышли также под непосредственной редакцией В. И. Статьи в этих номерах, напечатанные в настоящем томе, касаются, главным образом, политических событий того времени, в частности студенческих беспорядков. Одна из них, «Рабочая партия и крестьянство», напечатанная в № 3 «Искры», ставит вопрос о работе с.-д. партии среди крестьянства и о соответствующих программных требованиях. Статья эта вызвала большую полемическую литературу, в особенности со стороны организовавшейся в то время партии социалистов-революционеров. Да и в самой редакции «Искры» эта замечательная статья встречена была сдержанно. Плеханову и Аксельроду требование возвращения «отрезков» казалось утопическим. «Шокирует оно меня,—писал Аксельрод,—не радикализмом своим, а утопизмом, хотя требование возвращения «отрезков»—замечательный агитационный прием». Напомним кстати, что, выставляя требование возвращения «отрезков», Ленин имел в виду, с одной стороны, интересы агитации, с другой—интересы свободного развития производительных сил и классовой борьбы в деревне.

Из крупных произведений В. И. в IV томе помещены: «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Аграрный вопрос и критики Маркса» и «Что делать?».

В первом из этих сочинений В. И., кратко изложив историю борьбы царского правительства с земством, разбирает взгляды Струве на вопросы политического преобразования России. Эти взгляды изложены в предисловии к секретной записке Витте под названием: «Самодержавие и земство». Считая оформление буржуазного либерализма явлением прогрессивным, В. И., тем не менее, решительно критикует ограниченность оппози-

ционных лозунгов и борется с попыткой подмены идеологии пролетарского социализма идеологией либерализма. Рассматриваемая статья В. И. вызвала в свое время возражения со стороны остальных редакторов «Искры», в особенности Плеханова, возражавшего против резкой постановки вопроса об отношении с.-д. к либерализму и считавшего, что «гладить теперь либерализм против шерсти—большая ошибка». Возникшая по поводу этой статьи оживленная переписка между редакторами, обнаружила наличие двух точек зрения в среде искровцев по вопросу об отношении революционной социал-демократии к либералам.

В произведении «Аграрный вопрос» В. И. разбирает работы Герца, Чернова и Булгакова, обрушившихся с критикой на позицию «догматического марксизма» в области аграрных отношений и, в частности, на «Аграрный вопрос» Каутского. Первые главы этой работы были напечатаны в 1901 г., последние — в 1906 году. В настоящем издании эта работа Владимира Ильича впервые появляется в целом виде.

Однако, самым крупным и основным сочинением, вошедшим в IV том, как уже упоминалось выше, является «Что делать?». Книга эта по тому влиянию, которое она имела среди социал-демократов, и по той роли, которую она сыграла в борьбе со всеми видами оппортунизма и кустаричества в рабочем движеиии, должна быть причислеиа к сочинеииям, делающим «эпоху». В ией затроиуты вопросы о характере и содержаиии политической агитации с.-д. и создании боевой общерусской оргаиизации. Со всех сторон разбирается и критикуется модное в то время течеиие среди русских с.-д., известное под именем экономизма. Кустарничеству экоиомистов противопоставляется организация профессиональных революциоиеров. Трэд-юиионистскому уклону и защите «стихийиости» В. И. решительно противополагает политику пролетарского социализма и сознательиое руководство революциониой социал-демократией. В этом произведении систематизировано и принципиально обосиовано кредо революционных с.-д. в противовес теориям мелкобуржуазного социализма и оформляющейся либеральной идеологии.

В предисловии к сборнику статей «За 12 лет», вышедшем в С.-Петербурге в 1908 г., Леиин писал: «Осиовная ошибка, которую делают люди, в иастоящее время полемизирующие с «Что делать?», состоит в том, что это произведение совершенно вырывают из связи определеиной исторической обстаиовки, определенного и теперь давно уже миновавшего периода в развитии нашей партии... «Что делать?—есть сводка искровской тактики, искровской организациониой политики 1901 и 1902 гг. Имеино: «сводка», не более и не менее [1]). Кто возьмет на себя труд ознакомиться с «Искрой» 1901 и 1902 годов, тот, несомненно, убедится в этом. А кто судит об этой сводке, не зная искровской борьбы с преобладавшим тогда экономизмом и ие понимая этой борьбы, тот просто роняет слова иа ветер. «Искра» боролась за создание организации профессиональных революциоиеров... поборола преобладавший тогда экономизм, создала эту организацию в 1903 г. окончательно, удержала эту организацию, иесмотря на последующий раскол искровцев... удержала ее в течение всей русской революции, удержала и сохраиила ее с 1901—1902 до 1907 года...».

Произведением «Что делать?» заканчивается «мюнхенский» период «Искры». Германская полиция выследила типографию «Искры» и местопребывание ее редакции. В апреле 1902 года издание было перенесеио в Лондон.

Несколько слов о примечаниях. Они составлеиы с большим знанием предмета и вводят читателя в круг идей и иастроений «искровской» эпохи.

[1]) Владимир Ильнч явио преуменьшвет зиачеиие своей работы. «Что делать?»—ие только «сводка», оиа ие только подводнт итог искровской тактике и оргвиизации, ио и указывает путь, по которому партия должиы итти вперед в качестве вождя общеиродной революции.

Примечание к статье Вл. Ильича «Гонители земства и Аннибалы либерализма» представляет собой исчерпывающий очерк обмена мнений между членами редакции «Искры» по весьма интересному вопросу об отношении социал-демократов к либеральной буржуазии.

Вводная статья (Ленин — 1900—1902 гг.) написана Л. Б. Каменевым.

Н. АНГАРСКИЙ.

ПАУЛЬ УФЕРМАН. «Германский стальной трест». («Der Deutsche Stahltrust». Изд. «Allgem. Deutscher Gewerkschaftsbund», Berlin, 1927 г.).

Образование Германского Стального Треста является крупнейшим событием в истории капиталистической концентрации и централизации истекшего «стабилизационного» четырехлетия. Хозяйственная мощь и политический вес этого треста настолько велики, что мимо него нельзя пройти, говоря о тенденциях развития современной Германии. Книга Уфермана, хорошо известного своими более раиними обстоятельными монографиями о Стиннесе и Всеобщей Электрической компании (A. E. G.), поэтому появилась как нельзя более кстати. Нужно пожелать ее скорейшего перевода и издаиия иа русском языке.

Несмотря на свою социал-демократическую установку, факты Уферман излагает более или менее добросовестно и с большим знаиием дела. Именно в этом заключается ценность его работы. Что касается политических выводов, которые он делает, то на них, разумеется, лежит яркая печать оппортунистической ограниченности. Но и этой слабой своей стороной Уферман тоже представляет собою известный интерес, ибо его идеологический уровень отражает идеологический уровеиь всей германской социал-демократии, всего II Интернационала.

Стальной Трест (точнее говоря, Акц. О-во Об'единеных Стальных заводов, Vereinigte Stahlwerke A. G.) является продуктом очеиь долгого процесса, развертывавшегося в германской тяжелой индустрии на протяжении десятилетий. Уфермаи дает очень хорошее, хотя и сжатое описание различных стадий этого процесса. Уферман отмечает п р е д в о е н н ы й п е р и о д, когда ведущая роль в концентрации промышленности прииадлежала синдикатам, в рамках этих сиидикатов, однако, вызревали основные производственные концерны, уже накануне войны монополизовавшие производство угля, железа и стали. Далее—п е р и о д в о й н ы и п е р в ы х и н ф л я ц и о н н ы х л е т п о с л е в о й н ы. Этот период характеризуется в первую очередь безудержиой вертикальиой концеитрацией, концентрацией, не связанной ни с какими производствеино-техническими соображеииями, едииственный экономический резон которой заключался в стремлении сбыть скорее с рук падающую марку и обменять ее на «вещественные ценности» (Sachwerte): будет ли то электрическая станция, или бумажная фабрика, или фешенебельный отель—все равно. Наиболее громким примером подобного рода образований был концерн Стиннеса. И, наконец, т р е т и й п е р и о д. Последний начался в 1924 году, после стабилизации валюты, дефляционного кризиса и дефляционной «чистки» германского хозяйства, одиою из первых жертв которой, между прочим, пал концерн Стиннеса. На этом этапе концеитрационные аппетиты по вертикальной линии несколько суживаются. Никто ие стремится больше отапливать собственным углем собственные отели. Но тем основательиее разыгрываются эти аппетиты по горизонтальной линии в сфере собствеино тяжелой индустрии, в производстве угля, железа, стали.

Стальной Трест на ряду с Химическим является величайшим концерном в Германии и одним из величайших в мире. В состав его вошли следующие

промышленные об'единения: 1) Рейнско-Эльбская группа, включающая в себя Гельзенкирхенское горнопромышленное общество, Германо-Люксембургское горнопром. о-во и Бохумский комбинат; 2) группа Тиссена; 3) группа «Феникс» и, наконец, группа заводов «Рейнская Сталь».

Все перечисленные предприятия располагают сотнями миллионов капитала, каждое мировой репутацией, колоссальным техническим опытом. Каждое из этих предприятий, вошедших в состав треста, само является продуктом долгого предшествующего развития, складывалось и развивалось десятилетиями, разоряя своих конкурентов, обрастая их заводами и шахтами, шаг за шагом развертывая сеть своих производственных, торговых, финансовых связей. Так, Гельзенкирхенское горнопромышленное общество возникло еще в 50-х годах прошлого столетия. В течение 70 и 80-х годов оно непрестанно расширяется, присоединяя к себе одни за другими шахты «Штейн», «Гарденберг», «Эрик», Вестфальский шахтный комбинат и т. д., и т. д. В середине 900-х годов Гельзенкирхен, бывший до того чисто-угольным предприятием, начинает присоединять к себе и металлургические предприятия,— Шалькский и Аахенский горнозаводские комбинаты, Люксембургское общество доменного производства, акц. о-во Этвейлер и т. д. Накануне войны Гельзенкирхенское общество располагало акционерным капиталом в 180 миллионов марок при 70 миллионах марок облигаций. Его годовое производство составляло 10,4 млн. тонн угля, 1,5 млн. тонн чугуна, 996 тыс. тонн стали, 773 тыс. тонн проката и т. д. Такого же типа историю имеют за собою и остальные части Стального треста, в особенности Тиссенская группа.

Указанные нами 4 группы это—только учредители треста. Экспансия последнего, разумеется, не ограничилась их предприятиями. Уже очень скоро по своем возникновении он присоединяет к себе концерн Штумма, Ромбахские металлургические заводы. За границей под его более или менее непосредственным контролем оказываются известное общество Alpine - Montan в Австрии, заводы «Бисмарк» в польской Силезии, многочисленные железорудные предприятия в Швеции и Испании.

Капитал Стального Треста составляет 925 миллионов марок. Его активы, согласно балансу на 30 сентября 1926 года, равнялись 1.852 миллионам марок. Годовая производительная способность его заводов составляет 9 миллионов тонн стали, 7,7 миллионов тонн чугуна, до 30 миллионов тонн каменного угля. Что касается фактического производства, удельного веса в действительной продукции Германии, то о нем лишь в очень слабой степени можно судить по квотам Треста в различных синдикатах. В Рейнско-Вестфальском каменноугольном синдикате она составляет 21,8 проц., в чугунном синдикате—43,1 проц., в стальном синдикате—41 проц. По поводу этих цифр Уферман, однако, замечает, что они нуждаются в очень серьезных коррективах. Учитывая те угольные шахты, которые фактически входя в стальной трест, формально имеют в синдикате свои особые квоты, мы получим действительную квоту треста, равную 31 проц., почти одной трети всей угольной добычи Рура. Что же касается участия в чугунном и стальном синдикатах, то относительно него Уферман пишет: «Надо принять во внимание, что стальной трест в большой степени сам является потребителем (своей продукции), и поэтому его величина, как производителя, не видна из цифр об его участии (в синдикатах). Так, например, лишь сравнительно небольшая часть его продукции чугуна и полуфабриката охвачена соответствующими синдикатами. Больше комбинированные предприятия в роде Стального Треста выступают здесь не только как крупные производители, но и как крупные потребители. Так, например, с 1 апреля по 30 сентября один только Стальной Трест произвел 72.273 тысячи тонн чугуна, в то время

как совокупная годовая сумма всех квот чугунного синдиката составляла только 2.268 тысяч тонн» [1]).

Стальной трест является одной из виднейших частей международного стального картеля. Глава, посвященная последнему, очень интересна, между прочим, и тем, что очень ярко вскрывает резко антирабочий характер подобного рода об'единений. Уферман пишет:

«Подозрительно раньше всего предусматриваемое § 7 договора возмещение. Его должны получать те предприятия, поставки которых отстают (от квоты). Так как в договоре ничего нельзя найти относительно того, что недопроизводство вследствие конфликтов с рабочими не вознаграждается, то, несомненно, что картель обязан такое возмещение предоставлять».

Надо сказать, что согласно уставу стального картеля, за каждую недопроизведенную до квоты тонну стали полагается из кассы картеля вознаграждение в 2 доллара. В особых случаях, однако, сумма возмещения может быть и повышена. Уферман совершенно резонно заключает: «Не подлежит сомнению, что в случае рабочих конфликтов стальной картель будет предоставлять возмещение большее чем 2 доллара (с тонны)». Международный стальной картель здесь выступает, т. о., как международная антистачечная организация капиталистов.

Международный стальной картель является самым крупным, но далеко не единственным международным капиталистическим об'единением. На ряду с ним существует международный рельсовый синдикат, международный проволочный синдикат, трубный картель и т. д. [2]).

Как ни существенен факт возникновения международных картелей, их значение, однако, отнюдь не следует преувеличивать. Уферман не случайно большую часть главы о международном картеле уделяет борьбе за квоты. Международный картель ни в коем случае ни в малейшей мере не устраняет противоречий внутри европейской тяжелой индустрии. Напротив, это об'единение—новая, специфическая и к тому же высококонцентрированная форма борьбы германской, французской, бельгийской тяжелой индустрии. И как бы ни расценивать прочность подобных международных об'единений, во всяком случае несомненно, что они являются производной от процессов концентрации и централизации внутри отдельных капиталистических стран.

Любопытна глава книги Уфермана, посвященная «командирам» Стального Треста. Она могла бы служить неплохим дополнением к известной книге Пиннера «Вожди германского хозяйства». Стальной трест имеет не мало, не много как 40 директоров и 12 заместителей к ним. Во главе его стоит Альберт Фоглер, для характеристики которого Уферман приводит две цитаты из его речей. «Мы находимся в начале новой эпохи, чекан которой дают наука и техника. Прогресс, однако, всегда осуществляют отдельные личности, и никогда не масса. Не массы, но руководящие личности приносят с собою прогресс». Приведя эти выдержки, Уферман от себя скромно добавляет: «Такие речи свидетельствуют об антидемократическом духе этого в остальном, несомненно, дельного человека».

Как повлияло образование треста на положение рабочих? В отчете правления треста за первое полугодие сказано следующее: «Улучшающаяся кон'юнктура и успехи наших мероприятий по рационализации в очень большой степени пошли на пользу работающим на наших предприятиях... Средний месячный доход одного рабочего повысился почти на 20 проц.». По поводу этой тирады Уферман замечает: «Так как за это время тарифная ставка не была повышена, то остается предположить, что увеличение заработка про-

---

[1]) Стр. 69.

[2]) В самое последнее время в американской и европейской прессе появились сообщения об организации международного химического синдиката.

изошло лишь за счет сверхурочных часов. Как бы там ни было, увеличение производительности было во всяком случае больше, чем доставшийся рабочим добавочный заработок... Пока-что успехов в области образования цен и повышения зарплат в связи с реорганизацией предприятий отмечать не приходится» (стр. 178).

Как известно, дальнейший ход событий полностью подтвердил эту точку зрения. Стальные и угольные бароны во главе с правлением Стального Треста ведут сейчас отчаянную борьбу за увеличение рабочего дня и соответственное относительное снижение зарплаты. Не подлежит сомнению, что в этом же направлении ими будет использован и надвигающийся на Германию кризис. Тем не менее, анализ Уфермана в этом пункте страдает некоторым упрощенчеством.

На предприятиях Стального Треста работает 186 тысяч рабочих. Это — меньше 2 процентов всех рабочих, занятых в германской промышленности. Стальной Трест, владея основными видами промышленного сырья, в известном смысле господствует над остальной промышленностью, и в первую очередь над металлообрабатывающей. Его командное положение позволит ему загребать на монопольных ценах огромные добавочные барыши. Вполне мыслимо, что на базе этих добавочных сверхбарышей магнаты треста попытаются создать на своих заводах некоторую прослойку «рабочей аристократии», «американизировать» отношения между предпринимателями и рабочими. Эту возможность тем более необходимо иметь в виду, что главари Стального Треста проявляют чрезвычайно большую заботливость о «душе» рабочего. Под прямым покровительством председателя правления треста Фоглера находится одна из желтейших организаций в Европе—Д и к т а (Германский Институт для технического образования рабочих), издающий в настоящее время 55 заводских газет и 8 еженедельников, основная задача которых—всеми возможными способами глушить классовое сознание рабочих, их волю к классовой борьбе.

Тяжелая промышленность является центральной командной высотой в хозяйстве любой страны. Тем более такой страны, как Германия. Эта командная высота в большой своей части захвачена теперь о д н о й организацией—Стальным Трестом. На ряду с тяжелой промышленностью первостепенное значение сейчас приобрела химическая промышленность. И здесь решающее значение принадлежит теперь о д н о й организации—химическому тресту. Оба гиганта уже сейчас связаны между собою через заводы «Рейнская сталь». Не только возможно, но и вероятно, что эта связь будет становиться с каждым годом прочнее и многостороннее.

Нет, конечно, ничего более легкого, как пройти м и м о Стального Треста, м и м о Химического треста, м и м о их намечающегося сближения под тем предлогом, что концентрация капитала штука давно известная, и о ней еще в шестидесятых годах прошлого столетия Маркс писал. Это свидетельствовало бы, однако, о непростительной близорукости, о полном непонимании того, что «количество» здесь именно после войны, именно теперь, начинает переходить в известное новое «качество». Это новое «качество» заключается в том, что в современных масштабах капиталистической концентрации все более и более явственно пробивается тенденция к г о с у д а р с т в е н н о м у к а п и т а л и з м у. Это госкапитализм, идущий не «сверху», а «снизу». Сращивание хозяйственного и политического аппаратов буржуазии здесь идет не таким образом, что государство в растущей степени прибирает к рукам фабрики, заводы, железные дороги, но, напротив, таким образом, что все более концентрирующаяся промышленность, все более концентрирующийся финансовый капитал в растущей степени прибирает к рукам государственный аппарат буржуазии. Что тенденция к сращиванию хозяйственного и политического аппаратов буржуазии в современной Европе налицо—это чувствуют и буржуазные экономисты, хотя они и дают этому процессу совершенно извращенную формулировку. Так небезызвестный Джон Мейнард Кейнс в своей книге «Конец Laissez-Faire» пишет: «Еще интереснее, однако, развитие акционерных обществ, когда они достигают определенного возраста и величины. Они тогда приближаются больше к статусу публичных корпораций, нежели индивидуальных частных предприятий. Один из наименее отмеченных и интереснейших процессов последних десятилетий это—тенденция больших предприятий к тому, чтобы самих себя социализировать».

Мы привели эту тираду Кейнса не затем, чтобы в тысячу и первый раз посмеяться над своеобразной интерпретацией слова «социализация» почтенным кэмбриджским профессором. Для нас в этой цитате существенно то, что и кэмбриджский профессор чувствует, что предприятия в роде «Роял Детч» или Стального Треста не суть предприятия обычного, старого типа, что их роль в общественной жизни, их связь с самой концентрированной формой капиталистической общественной жизни, с капиталистическим государством—принципиально нового, иного типа. И если разорвать мистифицирующую оболочку слова «социализация», то рациональное зерно, которое за нею кроется, покажется не чем иным, как тенденцией к государственному капитализму.

На этой госкапиталистической тенденции современного капитализма пытается социал-демократия построить свою идеологию «хозяйственной демократии». Сторонником этой хозяйственной демократии выступает и Уферман. «Государственный контроль! Если народ не хочет быть раздавлен мельничными жерновами монополистических трестов, то он должен вступить на этот путь» (стр. 184).

Конечно, контроль капиталистического государства над капиталистическими трестами настолько элементарная и очевидная глупость, что даже таким «ползучим эмпирикам», как Уферман, опыт Соединенных Штатов Сев. Америки с их драконовским законодательством против трестов, должен был бы не позволить так развязно болтать о контроле над монополиями при помощи «ведомства монополии» (так буквально и сказано: Monopolamt!). Но существенно то, что под видом оппозиции трестифицированному капиталу, прикрываясь левыми фразами о «народе» и «мельничных жерновах монополий, социал-демократия стремится впрячь пролетариат в колесницу капиталистических монополий, навязать ему «сотрудничество» с индустриальными баронами, выбить у него при помощи этого «сотрудничества» из рук оружие классовой борьбы и таким образом не только материально, но и идейно поработить его капиталу.

Разоблачение социал-демократической тактики по этой линии сейчас является одной из важнейших задач Коминтерна. С этой точки зрения материал, собранный в книге Уфермана, будет очень полезен. Что же касается ее социал-демократических выводов, то это шелуха, которую легко отбросит любой мало-мальски грамотный читатель.

Г.

РАЗОБЛАЧЕНИЯ АДМИРАЛА КОНСЕТТА.

(W. Consett.—«The triumph of civil forces»).

Одной из небезынтересных сенсаций наших дней следует считать появление книги английского адмирала Консетта «Т о р ж е с т в о г р а ж д а н с к и х с и л», в которой он выступает с разоблачениями роли, сыгранной Англией во время империалистской войны. Обвинение адмирала, в главнейшем, сводится к тому, что А н г л и я в п р о д о л ж е н и е в с е й в о й н ы с л у ж и л а г л а в н ы м и с т о ч н и к о м с н а б ж е н и я Г е р м а н и и.

Без этой помощи, оказанной ей Англией, Германия ни в каком случае **не могла бы продержаться четырех** лет. Адмирал Консетт, цитируя в своей книге официальные документы, в том числе и собственные предостерегающие рапорты [1]), с которыми он, в силу своего служебного положения, неоднократно обращался к английскому правительству, обвиняет в прямой измене интересам союзников не только капиталистов и промышленников Англии, но и само правительство. Значительный интерес представляют также разоблачения Консетта, в которых адмирал доказывает, что в том же «предательстве» интересов союзников, на ряду с английским правительством, участвовало и правительство С.-А. С. Ш., при чем между обоими правительствами в этом отношении существовала явная конкуренция. Главными пособниками и проводниками английских товаров, направлявшихся в Германию, являлись скандинавские страны, руками которых Англия—вместо того, чтобы осуществлять блокаду Германии,—обеспечивала последней всяческое снабжение.

Отрывки из книги Консетта приведены в «лево-пацифистской» газете «Paris Matinal», снабдившей их комментариями, выражающими всю силу негодования «обманутых Англией союзников». Мы не станем приводить здесь этих комментариев. Что касается выводов, делаемых и самим адмиралом Консеттом и его парижскими комментаторами, то они для советского читателя не представляют ничего нового: «**Миллионы людей, погибших на бесчисленных европейских фронтах, погибли во славу и ради прибылей промышленников и купцов**». Мы можем только пожалеть о том, что недостаток места не позволит нам привести всех красноречивых фактов из обвинительного акта адмирала Консетта, иллюстрирующих это положение.

Вот как адмирал Консетт сам определяет цель своей книги: «В этой книге читатель найдет описание невидимой экономической войны. Ее история представляет собою главу мировой войны, до сих пор еще никем не рассказанную. По всей вероятности, большинство англичан до сих пор не подозревает об ее существовании».

Установив, что главными каналами, по которым необходимые товары прибывали в Германию, были скандинавские страны, Консетт заявляет:

«Грузы, прибывавшие морскими путями в Германию, отнюдь не были только нейтрального происхождения. Они происходили из других источников: Великобритании и некоторых союзных стран, как, например, Японии. Если бы мы были уверены, что наши грузы не проникают в Германию прямым путем или не оказывают ей косвенной помощи, мы, конечно, имели бы все основания расширять свою торговлю со скандинавскими странами. Но в том-то и дело, что с самого начала враждебных действий скандинавские страны стали поставлять товары в Германию, и в течение двух лет скандинавские страны получили из Англии и союзных с нею стран, такие количества, которые, будучи присоединены к их собственным запасам, даже превысили все, что нужно было для того, чтобы спасти, в буквальном смысле, от голода Германию». В самом начале своей книги автор цитирует слова Вагенгейма, сказанные им американскому послу в Константинополе в 1914 году: «Если мы через месяц не будем в Париже, мы будем побиты». «Это заявление,—говорит Консетт,—об'ясняется тем, что Германия хорошо сознавала повелительную необходимость для нее получать из-за границы сырье и предметы первой необходимости для снабжения ее армии и прокормления гражданского населения. И вот эту задачу за Германию выполнила Англия. Мы оправдывали нашу торговлю с скандинавскими странами тем, что нам гарантировали, будто Германия не воспользуется ею. Достаточно сказать, что ни этой гарантии, ни уверенности в ней ни у кого не было».

[1]) Консетт во время войны занимал пост великобританского военно-морского атташе в скандинавских странах.

Далее, Консетт рассказывает о том соревновании, которое возникло в самом начале войны между Англией и Америкой, едва не приведшем к войне между обоими государствами. Америка обвиняла Англию в том, что последняя, осуществляя контроль морской торговли, вела его исключительно во вред развитию американской торговли.

«Дело в том,—говорит Консетт,—что в то самое время, когда мы, опираясь на морское законодательство, отстаивали свое право вмешиваться в американскую торговлю, мы сами были прямыми конкурентами Америке в деле снабжения нейтральных стран и Германии».

Когда в Англии общественное мнение взволновалось первыми слухами о том, что в Германию проникают нужные ей грузы через нейтральные страны, английское правительство приложило все усилия к тому, чтобы, с одной стороны, успокоить общество, а с другой, обелить скандинавские страны. Сделано это было с большой затратой энергии и исключительного красноречия. Так, Консетт определенно обвиняет лорда Роберта Сесиля в том, что в своей речи в парламенте (26 января 1916 года) он дал понять английскому народу, что Германия **никаких грузов** через скандинавские страны не получает.

В то же самое время английское правительство на запрос американского отвечало совсем другое:

«Общеизвестно, что огромные количества пищевых продуктов были получены врагом через нейтральные порты. Эти порты на самом деле являлись как бы воротами, через которые товары совершенно открыто проникали к врагу».

Мало того, Консетт утверждает, что «правительство не обращало никакого внимания на все представления и совершенно официальные точные доклады о том, что огромные количества всякого сырья и фабрикатов проникали из скандинавских стран в Германию. Когда Германия была охвачена настоящим голодом и должна была вооруженной силой подавлять волнения, вызванные недостатком хлеба, она все же была избавлена от угрожавшего ей полного краха огромными поставками снабжения из скандинавских стран».

«3-го июня 1915 г. американский посланник в Лондоне обратился к правительству его величества с просьбой произвести сравнительный подсчет экспорта какао (в сыром и готовом виде) из Англии в Голландию, Швецию, Норвегию и Италию за первые четыре месяца текущего года».

Вот что показали цифры в отношении сырого какао:

	1913 г.	1914 г.
Январь	260.361 ф.	2.626.687 ф.
Февраль	116.868 »	1.628.173 »
Март	137.423 »	4.060.428 »
Апрель	415.815 »	3.903.633 »

«Телеграмма, содержавшая эти сведения, датирована 16 июля 1915 г. 22 июля английский посол в Вашингтоне телеграфировал лорду Грею: «Г-н Лансинг обращает серьезное внимание на рост английского экспорта в порты северной Европы с начала войны. Это обстоятельство вызвало неблагоприятные доклады со стороны генерального консула С.-А. С. Ш. в Лондоне. Здесь говорят, что Германия пользуется этим для того, чтобы вызвать недовольство, распространяя слухи о том, что Англия стремится помешать американской торговле с нейтральными странами для того, чтобы захватить ее в **свои** руки и что она экспортирует товары, которые задерживает у американцев.

«13 августа лорд Грей обращает внимание американского посла на то, что сравнительные статистические таблицы английского и американского экспорта ясно обозначают превышение американского вывоза за первые пять месяцев 1915 года. Но все это только публично доказало, что Германия снабжается через нейтральные страны, что официально установленные статистические данные о торговле Англии и Америки за 1915 год превосходят все прежние данные».

«В конце 1915 года член парламента Александр Гендерсон был послан в скандинавские страны и Голландию со специальной целью обследовать вопрос о снабжении этими странами Германии. Причиной этого обследования явилось укрепившееся в Англии убеждение в том, что наш флот не осуществляет своих контрольно-полицейских функций. Это впечатление нашло свое отражение не только в прессе и публичных собраниях, но и на заседаниях парламента. И, однако, никаких других результатов это обследование не имело, если не считать того, что Гендерсон... получил звание лорда Фарингдона. Между тем, доклады, представленные лордом, имевшие такое огромное значение для будущего, а в особенности для 1916 года, не содержали в себе ровно ни одного факта из тех, которые были мною сообщены ему или официально доложены мною министерству иностранных дел через английское посольство. Все эти данные были подтверждены официальной статистикой после войны и все они показывают, что германо-скандинавская торговля после поездки лорда Фарингдона возросла в неимоверной пропорции. Тем не менее, лорд Фарингдон, докладывая о своей поездке в палате лордов 23 февраля 1916 года, заявил, что он убежден в ничтожности германо-скандинавской контрабанды и в том, что нейтральные страны наилучшим образом выполняют свои обязательства по отношению к нам. (См. отчет о парламентских дебатах 23 февраля 1916 г.). Мало того, лорд Фарингдон находил, что нужно поздравить правительство с тем, как ему удалось преодолеть всяческие трудности на этом пути и что оно заслуживает всемерной поддержки и поощрения. Правительство его величества, очевидно, согласилось с этим мнением. Лорд Грей находил содержание всех докладов удовлетворительными, а лорд Роберт Сесиль, очевидно, был утешен сообщением лорда Фарингдона о том, что Германия получает продовольствие из нейтральных стран лишь в небольших размерах» (!).

Мы опускаем здесь подробное изложение той части разоблачений Консетта, которые касаются снабжения Германии рыбными продуктами из Норвегии и Дании. Все его разоблачения в этой области основаны исключительно на официальных документах, из которых явствует, что норвежские и датские рыболовные компании получали систематически все необходимое оборудование и сырье (включая и неограниченное количество керосина и проч.) от англичан и что весь улов уходил целиком в Германию. Дело доходило даже до того, что датские и норвежские рыбаки не могли оставить для себя необходимого количества рыбы. Все целиком отправлялось в Германию. Все и вся приносилось в жертву для ее снабжения.

Переходим к поставке других продуктов Германии.

«В течение двух лет только одна из наших колоний доставила врагу двадцать тысяч тонн жиров и еще семьдесят тысяч тонн всяких кормов для скота, экспортируемого в Германию.

«Каждому известно, что жиры во время войны — синоним взрывчатых веществ. Не нужно распространяться насчет того, что для боеспособности Германии эти поставки имели исключительное значение: без них Германия задохлась бы».

В главе о финансовых комбинациях Консетт останавливается на том факте, что финансисты нейтральных стран, находившиеся в наилучших и деятельнейших отношениях с врагами, пользовались в течение всей войны особым покровительством в Англии. Он приводит поразительные факты, свидетельствующие о том, что даже министры относились к таким дельцам с полной предупредительностью, устраивая для них в Лондоне официальные приемы и т. д. Но не только нейтральные финансисты вели дела с английскими банками, но и многие руководители лондонских банков были деловым образом связаны со скандинавскими банками. В минуты всяческих затруднений, столь частых во время войны, скандинавские финансисты пользовались полной поддержкой со стороны своих английских коллег. Особенно болезненный характер эти сношения приняли в 1918 году. В это время немцы делали величайшие усилия, чтобы получить большое количество английских и американских банковых билетов. Что касается официальных американских представителей в скандинавских странах, то они всячески мешали немцам осуществить их намерения. Поэтому вывоз американских банковых билетов, бывших в обращении, был строго воспрещен.

Здесь Консетт выступает с обвинением, разоблачающим доставку огромного количества английских банковых билетов в скандинавские страны дипломатической почтой министерства иностранных дел.

«Естественно,—рассказывает он,—американцы в скандинавских странах были удивлены этим огромным потоком английских банкнот. Продажа их Германии приносила тогда колоссальную прибыль, достигавшую 50%, и некоторые американские фирмы обращались к своему министерству торговли с неоднократными просьбами разрешить им аналогичные операции, но все эти просьбы категорически отвергались с соответствующим предупреждением».

Опуская подробное описание сделок на цемент с Голландией, которые имели огромное значение для Германии, мы приведем лишь одну цитату по этому поводу из разоблачений Консетта:

«Изготовление цемента в то время было для Германии делом непреодолимым. Для производства десяти тонн цемента нужно, по крайней мере, три тонны угля. В самый последний период войны пятьдесят тысяч человек должны были быть сняты с фронта для работы в копях. В конце концов, как признал Людендорф, недостаток рабочих рук и был прямой причиной окончательного поражения Германии». Но до самого последнего времени, — по словам Консетта,—английские промышленники и экспортеры, при полном попустительстве правительства, делали все возможное для того, чтобы помочь Германии в ее затруднениях.

Еще более поразительны данные об угольной контрабанде:

«Количество угля, полученное тремя скандинавскими государствами за последние четыре месяца 1914 года, превосходит все предыдущие. Особенно это верно в отношении Швеции, которая побила всякие рекорды. Уголь поставлялся без всяких ограничений; угольная торговля продолжалась так же, как и в мирное время; поэтому, как только была об'явлена война, скандинавские корабли, нагруженные до отказа углем, начали снабжать им Германию через нейтральные порты. В течение всей войны, в особенности первых двух лет, товарное сообщение с Германией в скандинавских странах достигло необычайных размеров. Все эти поезда отоплялись английским углем. Обмен грузов с Германией достиг такой интенсивности, что ему приносилось очень часто в жертву местное сообщение. Мы не только активно помогли германо-скандинавской торговле, но мы всемерно приходили на помощь ей в борьбе с транспортным кризисом, добывая для нее уголь

в наших копях и транспортируя его через Северное море. (Разр. авт.).

Не менее интересны данные, приводимые Консеттом, о снабжении Германии металлами. Из них видно, что в 1915 г. экспорт никеля из Англии в Швецию увеличился вдвое по сравнению со всеми прежними годами. Из этого количества значительная часть была переотправлена Шведцией в Германию немедленно, другая же была употреблена на выполнение военных заказов Германии в Швеции. Поставка олова в Данию продолжалась Англией в прежних размерах, при чем английскому правительству было хорошо известно, что «Дания употребляла почти все запасы олова на изготовление коробок для консервов, имевших такое огромное значение для Германии».

В своей книге адмирал Консетт цитирует весьма любопытное письмо, адресованное им в декабре 1918 г. английскому посланнику в Стокгольме, сэру Говарду. Это письмо проливает яркий свет не только на роль Англии по отношению к союзникам во время войны, но и устанавливает факт соперничества в этом направлении между Англией и С.-А. С. Ш.

«Может быть, в официальных сферах это неизвестно, но остается неоспоримым тот факт, что поведение Англии вызвало крайне негодующее отношение со стороны многочисленных деловых людей Америки, убежденных в том, что как раз в период нашей кампании против американского экспорта в скандинавские страны и Голландию (1915, 1916 и 1917 гг.), мы сами вывозили такие же товары, которые прямо или косвенно попадали в Германию (разр. автр.). Так, например, они утверждают, что мы отказали Международной Компании Жатвенных Машин в разрешении доставить сельскохозяйственные машины в Данию в то самое время, как английские сельскохоз. машины не только отправлялись в Данию, но в некоторых случаях при выгрузке пароходов грузились прямо в германские поезда» (разр. авт.).

Далее Консетт указывает на то, что американцы равным образом обвиняют англичан в том, что они доставляли Германии целый ряд ценных колониальных продуктов, обеспечивая ее углем, нефтью и т. д. Американцы отмечают также, что, при поддержке англичан, датчане стали продавать немцам такие товары, которые раньше туда из Дании не шли (напр., масло). Норвежский представитель американской фирмы «Зингер и К°» жалуется, по словам адмирала, на то, что, благодаря целому ряду неопредолимых затруднений формального характера, этой фирме пришлось почти совершенно прекратить торговлю с скандинавскими странами, между тем как английские швейные машины доставляются в эти же страны в неограниченном количестве без всяких препятствий. Консетт выражает крайнее сожаление по поводу того, что Англия своим поведением сумела восстановить против себя две столь могущественные и наилучше организованные американские фирмы.

Любопытная переписка, которую адмирал Консетт вел по этому вопросу с английским посланником в Швеции Говардом, заканчивается следующим абзацем его письма, написанного уже в декабре 1918 года:

«Военные операции союзников против Германии не должны нас интересовать в исключительной степени, но задача проведения блокады целиком принадлежит нам. Вот почему для Англии чрезвычайно важно подавать хороший пример в этом направлении и сохранить чистые руки. К несчастью, все наши союзники и американцы в скандинавских странах очень хорошо знают, что мы сами вели дела с нейтральными странами, обеспечивая снабжение врага».

Нет надобности останавливаться на разоблачениях, касающихся поставки никеля, джута и проч. товаров из Англии или руками англичан немцам, испытывавшим в них громадную нужду в последнее время войны. Эти детали, в конце концов, излишни, ибо всего приведенного достаточно, чтобы понять, что война, которая, с одной стороны, разжигалась патриотической проповедью, при полной поддержке социал-оборонцев всех стран, на самом деле затягивалась капиталистами и промышленниками союзных стран, поддерживавших своими поставками боеспособность Германии. То, что разоблачает Консетт, лишь одно из звеньев того железного ошейника, в котором задыхался мировой пролетариат во время войны во славу капиталистических прибылей. Советским читателям все это уже давно известно, но услышать подтверждение этого из уст английского адмирала—и на основании официальных документов,—весьма любопытно. Значение этих разоблачений заключается еще и в том, что они окончательно делают смешными и бесполезными все разглагольствования насчет «ответственности за войну». Адмирал Консетт может утешиться мыслью, что, если, по его авторитетному свидетельству, у Англии, одной из главных вдохновительниц войны, были нечистые руки, то было бы несправедливостью думать, что они не были такими же и у остальных участников мировой войны.

Г. С.

ОПЕЧАТКИ.

В № 23—24 за 1927 г. имеются следующие опечатки в статье тов. Н. Сперанского „Оппозиция, социал-демократия, партийный режим".

			Напечатано:	Должно быть:
На стр. 65	в 1-ой стр.	сверху	«Обостерние»	«Обострение»
„ 71	„ 10 „	„	«социалистическому изучению»	«социологическому изучению»
„ 78	„ 8 „	снизу	«малообразованных»	«малообработанных»

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.